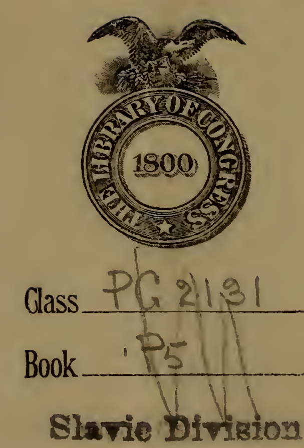
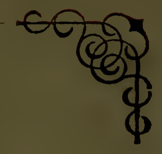

LIBRARY OF CONGRESS
00003796371

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ДВА ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЗВУКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА:

I

О ПОЛНОГЛАСІИ,

II

О ЗВУКОВЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Сочиненіе А. Потебни.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. Гольдштейна.
1866.

ДВА ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О ЗВУКАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА:

I

О ПОЛНОГЛАСІИ,

II

О ЗВУКОВЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Сочиненіе А. Потебни.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. Гольдштейна.
1866.

Дозволено Цензурой. Москва, 30 декабря 1865 года.

Перепечатано изъ Филологическихъ Записокъ 1864—1865 г.

О
ПОЛНОГЛАСІИ.

I.

Замѣчанія мои объ этомъ звуковомъ явленіи вызваны статьею П. А. Лавровскаго «О русскомъ полногласіи« (Изв. II Отд. Им. Ак. Н. 1859 г. т. VII, вып. 5). Содержаніе этой статьи слѣдующее:

Полногласіемъ называется не изобиліе гласныхъ звуковъ вообще, а тотъ частный его случай, когда Русс. *оро*, *оло*, *ере*, *еле* стоятъ на мѣстѣ Старославянскихъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*. Если слова очевидно родственныя, напр. *молоко—молочный*, считать за одно, то и тогда полногласныхъ словъ наберется гораздо болѣе сотни (*).

(*) По счету г. Лавровскаго этихъ словъ 123; но въ его спискѣ пропущено нѣсколько словъ, именно: волотъ (колосъ, Серб. влат), колотить, половый (fulvus), Мр. полонина; (Серб. планина), Мр. полозъ (змѣй, полозья), боровъ, о-корокъ, коростель, коросъ, норость (Серб. мриjест), по-ворозъ, сковорода, папороть, порозъ (Серб. праз), своробъ, скоромъ, сорочка, торопъ, торопить—расторопный, полоть—плѣти, селезенка, селезень, вереть (врѣти), веретье, деренъ, железа, нерето, перепелъ, Мр. смерекъ (кедръ), тетеревъ.

Формъ Русскаго полногласія четыре:

а) Русс. *оло*=Ст. Сл. *ла*, Серб. (которое здѣсь служитъ представителемъ остальныхъ Задунайскихъ нарѣчій) *ла*, Чеш. и Слов. la, Поль. и Луж. ło: *болото*, *блато*, błoto.

б) Русс. *оро*=Ст. Сл. Серб. Чеш. *ра*, Поль. Луж. ro: *борода*, *брада*, broda.

в) Русс. *еле*=Ст. сл. *лѣ*, Серб. *ле*, Чеш. le, Поль. Луж. le. Г. Лавровскій приводитъ только три такія слова: *пелена*, Ст. сл. *плѣны* (*), *Велесъ* и *Волосъ* (**), *велет* и *волотъ* (велетень, великанъ). Можно прибавить еще одно: *селезенка*, Серб. *слезина*, Чеш. slezina, Поль. śledziona, (рѣдко słodzona), и два—три сомнительныхъ слова: *селезень*, Вр. *пеледъ*, *пеледи*, покрытое крышею мѣсто у овина, навѣсъ, *меледа*, кедровые орѣхи. При *полова* стоитъ Вр. обл. *пелёва*. Остальныя восемь словъ этого разряда въ Русс. имѣютъ не *еле*, а *оло*=Ст. Сл. *лѣ*, Серб. *ле*, Чеш. le и la. Поль. le и ło, напр. *молоко*, Серб. *млеко*, Чеш. mléko, Поль. mléko и młokos, молокососъ; *долото*, Серб. *длето*, Чеш. dlato, Поль. dłoto.

г) Русс. *ере*=Ст. сл. *лѣ*, Серб. *ре*, Чеш. ře (i), Поль. Луж. rze, rzo: *берегъ*, Серб. *брег*, Чеш. břeh, Поль.

(*) Требуетъ объясненія, почему при Ст. Сл. *плѣны* встрѣчаемъ и Ст. Сл. *пелена*, Серб. *пелѐна* мн. *пѐлене*, Болг. *пелена*. Другой примѣръ полногласія въ Серб. *зо̀лота*, монета въ 30 паръ —есть, быть можетъ, мадяризмъ Вѣроятно, тѣмъ же путемъ объяснятся Болг. чиренъ (черенокъ), чирепъ (черепокъ), чирисло (чересло).

(**) Сл. *Велесъ* лучше было бы покамѣсть оставить въ сторонѣ, потому что не только неизвѣстно неполногласной формы этого слова въ другихъ нарѣчіяхъ (это бы еще ничего), но есть Чеш. форма weles. Сближенія этого слова съ Хорут. vletka, дождь при солнечномъ свѣтѣ, и Поль. włodek, дѣтская стрѣла (Срезн.), очень шатки. Скорѣе можно сравнить *велесъ* съ Лит. welnas, чортъ (ср. *крътъ* и *чрътъ*). Въ словахъ полногласныхъ оба *о* или *е* окружающіе *л* или *р*, всегда принадлежатъ къ корню; но въ *велесъ*—*ес* можетъ быть есть такой же суффиксъ, какъ и въ отличномъ по корню обл. Вр. *вел*—есъ (отъ велѣть), распорядитель, укащикъ.

brzeg; *берестъ*, Серб. брест, Чеш. brest, Поль. brzost.

Такъ какъ Ст. Славянскому *рѣ* соотвѣтствуетъ въ Русскомъ только *ере*, то и Ст. Славянскому *лѣ* должно бы соотвѣтствовать только *еле*; но на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, встрѣчается большею частію *оло*, на основаніи коего можно бы ожидать въ Старославянскомъ формы *ла*. Замѣчая при этомъ а) что въ Чешск. dlato, žlab стоитъ la вм. Сербск. *ле*; б) что Польск. и Луж. колеблется между le (=лѣ) и ło (=ла); в) что въ Русскомъ чередуются формы *велетъ* (велетень) и *волотъ;* г) что самое Ст. Сл. при *плѣвы* имѣетъ и *плавы*, г. Лавровскій заключаетъ, что «еще въ доисторическую пору большая часть корней этихъ словъ (съ *лѣ*) въ Рус. яз. *измѣнила лѣ* вь *ла*, и уже отсюда (изъ *ла*) образовала полногласное *оло*. Тамъ, гдѣ такая замѣна (ѣ посредствомъ а) не развилась, мы находимъ и въ Рус. яз. *еле*, какъ въ сущ. *пелена* вм. Церк. Сл. *плѣна*». Обратимъ вниманіе на это мѣсто. Если эти русскія слова измѣнили *лѣ* въ *ла* и *ла* въ *оло*, то они нѣкогда имѣли *ла*; съ ними произошло то, что съ Чеш. dlato, которое предполагаетъ форму dlěto. Соотвѣтственно этому слѣдуетъ думать, что и Рус. *голова*, *борода*, *берегъ* образовались изъ формъ *глава*, *брада*, *брѣгъ*. Однако мы увидимъ далѣе, что такое мнѣніе есть обмолвка автора, невольная уступка мнѣніямъ до него высказаннымъ, что слово *голова*, по его собственному мнѣнію, только отчасти предполагаетъ форму *глава*.

По отношенію къ формамъ а) и б) Славянскія нарѣчія дѣлятся на три части: къ одной, гдѣ *ла*, *ра*, принадлежатъ Ц. Слав., Задунайскія и Чеш. со Словацкимъ; къ другой, гдѣ *ло*, *ро*—Польск. и Лужицкія; къ третьей, гдѣ *оло*, *оро*,—одно Русское. Предполагая, что Польско-Лужицкая форма ближе къ Русской, чѣмъ Задунайская, авторъ говоритъ дальше, что и по отношенію къ формѣ в) Польскій языкъ стоитъ въ ближайшей связи съ Русскимъ, т. е. что и здѣсь остается то же дѣленіе нарѣчій на три части.

Но есть значительное число словъ (по счету г. Лавровскаго 64) съ *ла*, *ра*, *лѣ*, *рѣ* послѣ согласной,

которыя, по видимому, должны бы имѣть полногласіе въ Русскомъ, однако его не имѣютъ. Польско Луж. въ этихъ словахъ сохраняетъ *а*, *ѣ*, тогда какъ Рус. полногласію постоянно соотвѣтствуетъ Польск. ło, ro (=ла, ра) и часто ło (=лѣ), rzo (=рѣ). Изъ слѣд. примѣровъ видно, что въ этомъ отдѣлѣ словъ нѣтъ никакого раздѣленія нарѣчій: Русск. *гладить*, *страхъ*, *племя*, *кремень*; Серб. *гладити*, *страх*, *племе*, *кремен* (*); Чеш. hladiti, strach, pleme, křemen; Польск. gładzić, strach, plemię, krzemień.

Разница между словами полногласными и неполногласными замѣчается не въ однихъ только Слав. нарѣчіяхъ; она гораздо древнѣе появленія этихъ нарѣчій, потому что въ зародышѣ есть и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. Русскимъ *оро*, *оло* соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ слова съ одною *предшествующею* гласною (ал, ар, напр. голосъ=Лит. garsas), а Русскимъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*—плавная съ *послѣдующею* гласною (напр. *братъ*, Скр. бhратар, Нѣм. Bruder, Лат. frater).

Между словами полногласными и неполногласными (стало быть, и между соотвѣтствующими имъ въ родственныхъ нарѣчіяхъ и языкахъ) нѣтъ этимологической связи: тѣ и другія различнаго происхожденія. Эту мысль мы видимъ въ томъ, что авторъ находитъ лишь «ничтожное количество словъ, которыя не допускаютъ полногласія въ Рус. яз., хотя, *какъ будто*, и одинаковаго корня съ такими словами, въ которыхъ полногласная форма есть господствующая». Если устранить неполногласныя слова, занесенныя въ Рус. яз. изъ Старослав. (напр. *мракъ*, *власть* и т. п.) и слова полногласныя, которыя только по видимому сродны съ неполногласными (*колода* и *кладу*), то останется только два полногласныхъ слова дѣйствительно однокоренныхъ съ неполногласными: *полотно*

(*) Вмѣсто *ѣ* (=е) встрѣчаемъ въ Серб. *ије*, *је*, *и*, а въ Чеш. *í*, но такая замѣна не составляетъ исключительной принадлежности разсматриваемыхъ сочетаній, и здѣсь въ счетъ нейдетъ.

(Пол. płótno) и *платъ* (Пол. płat), *полоскать* (Пол. płókać) и *плакать* (Пол. płakać). Но первое исключеніе изъ правила отчасти устраняется для Слав. нар. (но не для дославянскаго періода) тѣмъ, что эти нарѣчія застали уже форму корней *партћ*, первообразъ Русскаго *полот*(но) и форму *пратћ* (первообразъ Русскаго *платъ*). Такимъ образомъ непосредственной связи между *платъ* и *полотно*—нѣтъ. Относительно втораго слова авторъ говоритъ: «происхожденіе Русскаго полногласія въ *полоскать* необъяснимо изъ языка Санскритскаго, недопускающаго разложенія *плу* (предполагаемаго корня этого слова) въ *палу*; не установилось ли оно въ языкѣ отечественномъ съ цѣлію отдѣлить два разныхъ значенія въ одномъ коренномъ словѣ?» Слѣдовательно, только въ одномъ словѣ допускается нѣкоторая возможность близкой связи формъ *оло* и *ла*.

Послѣ этихъ предварительныхъ изслѣдованій г. Лавровскій приступаетъ къ объясненію происхожденія русскаго полногласія, неполногласія и соотвѣтственныхъ формъ въ другихъ нарѣчіяхъ.

«Общее мнѣніе филологовъ...—что гласность звуковъ р̊, л̊ (въ Скр.) есть явленіе сравнительно позднее, что утвердилось оно въ языкѣ изъ ослабленія коренныхъ *ар*, *ра*, *ри* (*ал*, *ла*, *ли*). Въ силу... *поднятія*, р̊, л̊ являются (вновь) въ видѣ ар, ал (âр, âл)».

«Такимъ поднятіемъ можно объяснить слоги *ар*, *ал* лишь въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ очевидны слѣды гласности р̊, л̊; но въ языкахъ: Кельтскомъ, Греко-Римскомъ, Германскомъ, Литовскомъ, не обнаруживающихъ гласности р, л, слоги *ар*, *ал*, съ ихъ видоизмѣненіями скорѣе должны считаться самобытными (т. е первобытными=первымъ Санскритскимъ ар, ал), ни мало не подчиненными вліянію поднятія, какъ плода сравнительно новаго развитія гласности р̊, л̊, незаставшей уже упомянутыя поколѣнія народовъ Индо-европейскихъ въ общей жизни цѣлаго племени.»

Но въ Славянскомъ языкѣ *есть* Санскритскіе гласные р̊, л̊. Они продолжаютъ жить донынѣ въ нѣкото-

рыхъ нарѣчіяхъ и изображались въ Ст. Сл. письменности въ видѣ ръ, лъ, рь, ль, Изъ этого слѣдуетъ, что Славянскія сочетанія, соотвѣтствующія Санскритскимъ *ар*, *ал*, не первобытны, какъ въ Кельтскомъ и пр., но составляютъ результатъ поднятія. За такія поднятія г. Лавровскій считаетъ: Рус. и Польск. формы *полнъ*, *волна*, *мертвъ*, *торгъ*, pełny, wełna, wilk, martwy (тогдакакъ Ст. Сл. *плънъ*, *влъна*, *мрътвъ*, *тръгъ*, Задунайское *трг* и проч., Чеш. trh, wlk, сохраняя гласность р̊, л̊, не имѣютъ поднятія). За равносильныя вышеприведеннымъ (волна и пр.) авторъ считаетъ Старо-Славянскія (и общеславянскія) поднятія *столъ* отъ *стл̊*, *затворъ* отъ *твр̊*, *взоръ* отъ зр̊ и т. п. и Древанскія формы vortat воротить, starna—сторона, pirdon передапъ, varna—ворона. «Въ этомъ отношеніи, замѣчаетъ онъ, Древанское нарѣчіе превосходитъ древностью всѣ нарѣчія, оставляя далеко за собою и Старо-славянское, вполнѣ сближаясь съ Санскритомъ.» Наконецъ за результатъ того-же поднятія, которымъ объясняется вторичное *ар*, *ал*, въ Санскритѣ, авторъ считаетъ первые два звука (ор, ол; ер, ел) въ Русскомъ полногласіи. Такимъ образомъ слова *борода* и *торгъ*, по мнѣнію автора, этимологически равносильны; въ обоихъ поднятіе и притомъ одной степени. Разница между ними только та, что въ первомъ прибавилось второе *о*. Остается объяснить, откуда взялось это второе *о* или *е* въ словахъ полногласныхъ, и почему его нѣтъ въ такихъ словахъ, какъ *торгъ* и ему подобныя? Но предварительно автору нужно показать происхожденіе Задунайскаго и Чешско-славянскаго *ра*, *ла* (=оро, оло) и причину отсутствія въ этихъ нарѣчіяхъ Русско-Польско-Лужицкаго поднятія *ръ*, *лъ* въ *ор* и т. д.

Въ Задунайскихъ нарѣчіяхъ и Чешскомъ *ра* (и пр.) не можетъ быть остаткомъ той поры, когда еще не образовались гласныя р̊, л̊, и когда, слѣдовательно, не могло быть поднятія ихъ въ *ор*, *ол*, *ер*, *ел*. Въ противномъ случаѣ: во-первыхъ, остались бы и первообразные *ра*, *ла*, *ри*, *ли*, изъ которыхъ, также какъ и изъ *ар*, *ал*, въ Сан-

скритѣ образовались гласные р̊, л̊; во-вторыхъ, не было бы въ этихъ нарѣчіяхъ самыхъ гласныхъ *р*, *л*. Это *ра* (и пр.) есть явленіе вторичное. Откуда же оно? Г. Лавровскій обращаетъ особенное вниманіе на то, что только тѣ нарѣчія имѣютъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*, вмѣсто Русскаго полногласія, которыя *сохранили* гласность плавныхъ тамъ, гдѣ Рус. Поль. Луж. необходимо требуютъ поднятія (Старо-Славянск. *тргъ*, Задун. и Чеш. *трг*, trh, въ Рус. и Пол. съ поднятіемъ *торгъ*, targ). Въ Задунайскихъ нар. и Чешскомъ было нѣкогда, на ряду съ гласными р̊, л̊, и поднятіе ихъ въ *ор—ол*, *ер—ел*; но съ теченіемъ времени гласность р̊, л̊ «окрѣпла, затвердѣла, потерявъ способность поднятія, уцѣлѣвшаго лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ: *бер-у*, *дер-у* и. т. п. отъ *брати*, *драти* (=Скр. бhр̊, др̊).» Съ потерею поднятія (въ *ор* и пр.) оказалась «нужда для большей тяжести, опредѣленности, въ усиленіи гласнаго звука; гласность р̊, л̊ стала опредѣляться гласными звуками чистыми» (а не глухими). Мы это понимаемъ такъ: гласность плавныхъ въ словахъ состояла въ томъ, что послѣ нихъ стоялъ гласный глухой звукъ (*); съ потерею поднятія такъ называемыхъ гласныхъ ръ, лъ, мѣсто глухаго звука при плавныхъ занялъ чистый гласный. «Отчетливость Старо-Славянскаго правописанія доказываетъ это (т. е. то, что въ ра, рѣ, и пр. (=оро, ере) *а*, *ѣ* стали на мѣстѣ глухаго звука) какъ нельзя яснѣе: *вратъ—врата*, *чрьп—чрѣпати*. (**). Такимъ образомъ появились формы Задун. и Чеш. Словен. *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*.

Между тѣмъ какъ Задунайскія и Чешское со Словенскимъ сохранили гласность плавныхъ (т. е. ръ, лъ), но потеряли ихъ поднятіе въ *ор*, *ол*, *ер*, *ел*; Русское,

---

(*) Стало быть, это вовсе не была гласность?

(**) Какъ выше мы замѣтили, что авторъ принимаетъ за этимологически равносильныя формы *оро* и *ор* (борода и торгъ) въ Русскомъ, такъ здѣсь замѣтимъ, что онъ, судя по всему, такого же мнѣнія объ отношеніи формы *ръ* къ *ра* (връть—врата). Никакого значенія, кромѣ фонетическаго, съ измѣненіемъ *ръ* въ *ра* не связано. Все это дѣлалось только для уха.

наоборотъ, потеряло бывшую въ немъ гласность плавныхъ, но сохранило ихъ поднятіе. Послѣ того какъ въ Задунайскихъ и Чешскомъ сложилось поднятіе плавныхъ, именно *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*, вліяніе этихъ формъ измѣнило Русскія ор, ол, ер, ел, въ *оро—оло ере еле*. Этимъ вліяніемъ Г. Лавровскій объясняетъ, почему только одинъ гласный звукъ въ такихъ Русскихъ словахъ какъ *мерзнуть*, *мерк-нуть*: единственно «потому что у другихъ Славянъ доселѣ слышится въ этихъ словахъ гласный р.»

«Только Польское съ Лужицкимъ занимаютъ какое-то странное, неопредѣленное мѣсто: въ нихъ нѣтъ поднятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *ра—ла* превращены въ *ро—ло*», то есть въ нихъ нѣтъ того перваго *о*, *е*, въ Русскомъ *оро*, *ере* и проч., которое авторъ считаетъ за первоначальную форму усиленія. Странность этихъ нарѣчій съ точки автора состоитъ въ томъ, что о нихъ нельзя сказать, что они потеряли первичное поднятіе, имѣя въ виду такія слова, какъ Пол. targ=Рус. *торгъ*, а между тѣмъ въ такихъ словахъ, какъ broda, głowa нѣтъ слѣдовъ первоначальнаго усиленія. «Принимая въ соображеніе, что такое превращеніе (*ра* въ *ро*) съ изумительною послѣдовательностью касается исключительно тѣхъ словъ, которыя въ Русскомъ полногласны, что *ра*,*ла* удерживаются и въ Польско-Лужицкомъ тамъ, гдѣ не допускаетъ полногласія и Русскій языкъ,—мы осмѣливаемся заключить, что подобное согласіе трехъ нарѣчій обязано большей близости народовъ, большей общительности ихъ между собою въ послѣдующую пору, послѣ занятія каждымъ изъ нихъ тѣхъ мѣстъ, какія занимаются ими до настоящаго времени.»

Что касается до тѣхъ ра, ла, рѣ, лѣ, которые не приняли въ Русскомъ полногласія и не измѣнились въ Польск. и Луж., то они—первобытны, они не подвергались ослабленію въ ṙ, l̇, и потому не могли выработать поднятія.

«Напрасно было бы ждать распространенія полногласія и на эти слова и считать ихъ неуспѣвшими еще

проникнуться свойствомъ полногласія. (*) Это могло бы случиться лишь тогда, когда бы Русскій языкъ не только сохранилъ гласные р̊, l̥, но и не потерялъ бы способности вырабатывать ихъ вновь изъ *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ*, а съ тѣмъ вмѣстѣ продолжалъ бы живо сознавать и необходимость ихъ поднятія. Но гласность р̊, l̥ погибла въ Русскомъ языкѣ; поднятіе ихъ осталось лишь въ томъ, что вынесено изъ времени общей жизни съ Арійцами». По этому въ Русскомъ языкѣ видно не увеличеніе, а уменьшеніе количества словъ полногласныхъ, подъ вліяніемъ языка церковнаго и литературнаго.

Таковъ взглядъ Г. Лавровскаго. Перехожу къ своимъ замѣчаніямъ на высказанныя имъ мнѣнія.

II.

Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, на чемъ основано мнѣніе о разновременности происхожденія перваго и втораго гласнаго въ Русскомъ полногласіи. Примемъ на вѣру, что первое *о*, *е* въ *оро*, *ере* есть результатъ древнѣйшаго, обще-индоевропейскаго усиленія, а второе — прибавилось въ послѣдствіи времени, и постараемся измѣрить достовѣрность этого предположенія его примѣнимостью.

Второе *о*, *е*, въ Русскомъ *оро*, *ере* произошло подъ вліяніемъ сочетаній *ра*, *рѣ* въ Задунайскихъ нарѣчіяхъ и Чешско-Словенскомъ (**). Эти послѣднія нарѣчія обра-

(*) Г. Срезневскій въ «Мысли объ Исторіи Русскаго языка» говоритъ: «можно думать, что стремленіе замѣнять *ра*, *рѣ* въ *оро*, *ере* хотя и обнаружилось съ рѣшительною силою при началѣ отдѣленія Русскаго языка отъ другихъ нарѣчій, однако не разомъ разошлись по всему составу языка, и потому-то могли не тронуть нѣкоторыхъ корней, оставивши при прежнемъ, общеславянскомъ ихъ произношеніи (блѣдьнъ. плѣсти и пр.).

(**) Прежде г. Лавровскій былъ другаго мнѣнія: «полногласіе составляетъ принадлежность нашего языка искони утвердившуюся и развившуюся въ немъ независимо ни отъ какого посторонняго вліянія». (О языкѣ Сѣверно-русскихъ Лѣтописей. 44).

зовали свое *ра*, *рѣ* вполнѣ самостоятельно, тогда какъ самостоятельность Русскаго языка состоитъ здѣсь только въ уподобленіи заимствованныхъ *а*, *ѣ* своимъ *о*, *е*. Въ чемъ же превосходство формъ *брада*, *брѣгъ* предъ предполагаемыми Русскими *борода*, *берегъ?* Какая нужда была въ этихъ заимствованіяхъ? Если Задунайскія и Чешское образовали свое *ра*, *рѣ*, то это было, по словамъ г. Лавровскаго, не безъ причины: гласность р, л, отвердѣла и потеряла способность поднятія въ *ор*, *ер*. Но въ Русскомъ гласность ъ, ь (а слѣдовательно и ръ, лъ) жила до половины XIV стол. (О языкѣ Сѣверн. Русскихъ Лѣтоп., 31—2); съ древнѣйшихъ временъ было и поднятіе въ *ор*, *ер* и пр. (не знаемъ, и въ такихъ ли словахъ, какъ *волкъ*, *торгъ*), по крайней мѣрѣ въ словахъ, которыя потомъ стали полногласными. Зачѣмъ же было заимствовать еще третью форму?

Заимствованіе это совершилось «въ періодъ *всецѣлой* и вмѣстѣ обособленной отъ другихъ народовъ жизни славянской.» Жизнь была всецѣлая, но племя Славянское уже раздѣлилось: въ Русской половинѣ оставалось еще *ор*, *ер*, а въ Задунайскихъ и Чешскомъ было уже *ра*, *рѣ*. Это было, конечно, за долго до начала письменнаго языка, потому что нужно было много времени для того, чтобы всѣ Задунайскія слова съ *ра*, *рѣ*. и пр. (=индоевроп. *ар*) могли вмѣстѣ съ Русскими *ор*, *ер* образовать *оро*, *оло*, которыя тѣмъ чаще встрѣчаются въ Русскихъ памятникахъ, чѣмъ древнѣе эти послѣдніе. (О яз. Сѣверн. Рус. Лѣтоп. 44). Много нужно было времени для этого, потому-что Церковно-Славянскія формы съ *ра*, *ла*..., дѣйствуя на Русское полногласіе въ теченіе почти девяти столѣтій, успѣли вытѣснить только весьма немногія полногласныя слова. При томъ, замѣщеніе Русскихъ формъ *солодкій*, *хоробрый* Церковно-Славянскими *сладкій*, *храбрый* совершилось въ силу вліянія письменности. Могло ли что нибудь подобное произойти безъ объединяющаго и вмѣстѣ дезорганизующаго вліянія литературнаго языка, при господствѣ одного стремленія къ распаденію нарѣчій? По нашему

мнѣнію—нѣтъ. Вліяніе звуковъ одного языка на звуки другаго было бы возможно при существованіи литературнаго языка, или если бы люди двухъ племенъ разселились смѣшанно небольшими кучами. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ можемъ ожидать только неправильностей въ одномъ языкѣ подъ вліяніемъ другаго, а до измѣненія звуковаго закона во всемъ языкѣ не дойдетъ. Такъ напр. въ Мр. есть *кревний*, *певний* (Польск.), но по общему правилу ѣ=о, а не *е*; въ Польскомъ есть слова съ h (Мр. Чеш. Нѣм.), но по общему правилу въ Польск. г выговаривается какъ Латинское g. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ болѣе замкнутою жизнью живутъ обособившіяся племена, тѣмъ сильнѣе безсознательное чувство цѣльности языка, допускающее только такія нововведенія, которыя сами собою вытекаютъ изъ внутренней жизни языка. Но и въ болѣе близкое къ намъ время, при разностороннихъ и мирныхъ сношеніяхъ между людьми, самыя мелкія звуковыя особенности не поддаются никакимъ вліяніямъ, кромѣ литературныхъ. Скажу примѣромъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Харьков. губерніи населеніе, говорящее чистымъ Млр. яз., отлично сохранившее старинныя пѣсни, далекое отъ Великорусскихъ селъ, ставитъ въ 3-мъ л. ед. ч наст. вр. *тъ*, а не *ть*. Это признакъ Заднѣпровскаго нарѣчія сохраненный переселенцами изъ-за Днѣпра въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій, среди однороднаго населенія говорящаго *ть*.

Сказанное примѣняемъ и къ предполагаемому вліянію Русскаго полногласія на нарѣчія Польск. и Лужицкое. Время этого вліянія съ точки зрѣнія г. Лавровскаго опредѣляется такимъ образомъ: оно позже вліянія Задун. и Чеш. *ра*, *ла* на Русскій, потому что Рус. яз. уже позаимствовавшись вторымъ *о*, въ свою очередь передалъ его Полякамъ и Лужичанамъ; но оно «раньше письменности на языкѣ Церковномъ», потому не можетъ быть вліяніемъ этого послѣдняго. Доказательствъ втораго положенія нѣтъ, однако не сомнѣнно, что заимствованіе втораго Русскаго *о* нарѣчіями Луж. и Польскимъ могло произойти лишь задолго до XIV стол.: въ Псалтырѣ Маргариты

(XIV ст.) находимъ уже wrota, grod, (kelko-) kroćz (нѣсколько кратъ), srom и пр. Во всякомъ случаѣ Польскія формы съ *ро*, *ло* появились «послѣ занятія каждымъ племенемъ тѣхъ мѣстъ, какія занимаются ими до настоящаго времени».

Почему Польское и Лужицкое нарѣчія не приняли вмѣстѣ со вторымъ Русскимъ *о* и перваго, или почему они откинули это *о*, если оно было у нихъ искони, какъ говоритъ самъ г. Лавровскій?

Подобное вышеизложеннымъ вліяніямъ г. Лавровскій принимаетъ и на Древанское нарѣчіе. Древанскія формы starna, worna служатъ для автора однимъ изъ подтвержденій его мнѣнія о томъ, что и въ Русскомъ было сначала *сторна*, а потомъ стало *сторона*. Онъ не сомнѣвается, что Древанское starna гораздо древнѣе формы *страна*. Но въ Древанскомъ рядомъ со starna и т. п. были формы glad, klas, mljako (всѣ съ *л*), а не gald, gold и пр. Для объясненія этой непослѣдовательности г. Лавровскій предлагаетъ двѣ гипотезы, изъ коихъ одна— опять постороннее вліяніе: или Древане отдѣлились отъ остальныхъ Славянъ (т. е. Чехо-Задунайскихъ), тогда у послѣднихъ было забыто древнее поднятіе *ал* и измѣнено въ *ла*, но помнилось еще поднятіе *ар*; или же Древане заимствовали свое *ла* отъ какого-то сосѣдняго славянскаго племени, но не успѣли заимствовать *ра*, потому что вымерли. Что касается до перваго предположенія, то нужно бы доказать, что въ Задунайскихъ и Чешскомъ *ла* появилось еще при существованіи *ар*. Что до втораго, то племя, у котораго Древане заимствовали *ла*, не могло быть ни Польскимъ, ни Лужицкимъ (потому что у Лужичанъ и Поляковъ, по предположенію, никогда не было формы łа), а развѣ Чешскимъ. Первое, т. е. отдѣленіе Древанъ, могло совершиться только во времена до-историческія; второе, т. е. заимствованіе—только въ относительно близкія къ намъ времена, между XI—XII и XVII стол. когда вымерли или почти вымерли Древане. Самъ авторъ считаетъ эти предположенія шаткими и извиняется тѣмъ, что «памятники Древанскаго нарѣчія слишкомъ поздни и

слишкомъ отрывочны, чтобы говорить о немъ въ этомъ случаѣ тономъ болѣе положительнымъ».

Первое предположеніе о разновременномъ появленіи двухъ *о* или *е*, въ Русскомъ *оро*, *ере* и пр., ведетъ автора къ другимъ предположеніямъ. Эти послѣднія оказываются или вовсе невѣроятными, или крайне сомнительными, что говоритъ не въ пользу перваго предположенія. Однако это не могло бы рѣшить дѣла, если бы само это предположеніе необходимо вытекало изъ фактовъ; но такъ ли это?

III.

Повторяю вкратцѣ изложенныя выше основанія упомянутой гипотезы:

а) Санскритское *р̊*, происходя изъ *ар*, *ра*, образуетъ посредствомъ поднятія вторичное *ар*;

б) въ Европейскихъ языкахъ, кромѣ Славянскаго, между прочимъ въ Литовскомъ, есть только первичные *ар*, *ал* и ихъ замѣны, но ни гласныхъ *р̊*, *л̊*, ни ихъ поднятія, т. е. вторичнаго *ар*, *ал*, нѣтъ;

в) въ Ст. Славянскомъ *рѣ*, *лѣ* = Санскритскимъ *р̊*, *л̊*, а Русское и Польское ор, ол, ег, еł и пр. = Санскритскимъ вторичнымъ *ар*, *ал*; отсюда выводъ, что *ор*, *ер* въ Русскихъ *оро*, *ере* и пр. тождественны съ Санскритскими вторичными *ар*, *ал*.

Мнѣ кажется, что посылки невѣрны и что, слѣдовательно, заключеніе ни на чемъ не основано.

а) Индійскіе грамматисты принимали формы съ р̊ за основныя. Согласно съ этимъ они считали *ар* за первое усиленіе звука р̊ (гуна), âр за второе (врддhи). Это было послѣдовательно и подтверждалось аналогіею съ гласными *и* и *у*: гдѣ изъ *и*, *у* возникаютъ ê, ô (а + и, а + у), или âи, âу (â + и, â + у), тамъ изъ р̊ выходитъ ар (а + р̊) или âр (â + р̊). Но если, какъ и слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Боппомъ, принять за основную, древнѣйшую форму не р̊, а *ар*, то тѣмъ самымъ необходимо признать не только р̊ за ослабленіе древнѣйшаго *ар*, но и âр за уси-

леніе этого самаго *ар*, а не его ослабленія. Въ Санскритѣ усиленіе слога *ар* будетъ только одно; различія между гуною и вриддhи въ этомъ случаѣ быть не можетъ, потому что прибавимъ ли къ *ар* короткое а, или долгое, все выйдетъ âр, т. е. а + ар = âр и â + ар = âр. Можетъ показаться, что этимъ вносится безпорядокъ въ извѣстную своею стройностью санскритскую фонетику, но что же дѣлать? Боппу это даже не кажется безпорядкомъ: «естественно, говоритъ онъ, что тѣ формы, которыя любятъ усиленіе, не позволяютъ коренному слогу (ар) стянуться въ р̥, и допускаютъ это стяженіе лишь тамъ, гдѣ корни, способные къ гунѣ, не гунируются. По этому-то отношеніе формы бибháрми, несу, къ бибhр̥мáс, несемъ, въ сущности основано на томъ же началѣ, на которомъ и отношеніе формы вêдми (изъ ваидми), знаю, къ видмáс, знаемъ. Разница только въ томъ, что въ послѣднемъ глаголѣ единственное число имѣетъ форму усиленную, а множественное—чистую, между тѣмъ какъ въ первомъ един. ч. заключаетъ въ себѣ чистую, первоначальную форму корня, соотвѣтствующую греческой φερ и готской bar, а множественное (бибhр̥мáс) форму сокращенную, въ которой настоящая коренная гласная опущена, а *р* вокализовано. На томъ же началѣ основано отношеніе глагола вáçми, хочу, къ его множественному ч. уçмáс, хотимъ, въ которомъ, какъ и въ бибhр̥мáс, произошла потеря кореннаго *а* и вокализація полугласнаго *в*» (Vergl. Gr. 2-е изд. I, 46). Весь процессъ будетъ состоять въ слѣдующемъ: основная древнѣйшая форма корня—бhар, напр. бháрâми или бибhárми, несу; отъ нея съ одной стороны усиленіе бhâр (напр. бабhâра, пр. сов. я несъ), съ другой ослабленіе бhр̥, напр. бибhр̥мáс, несемъ, бhр̥та-с, несенный.

б) Если невѣрно положеніе, что усиляется звукъ р̥ (а не основная форма *ар*), то невѣренъ и выводъ, что будто бы въ тѣхъ языкахъ, гдѣ нѣтъ гласнаго р̥, потому самому нѣтъ и усиленія âр. Доказывать этого относительно Греческаго, Латинскаго и Германскаго не будемъ, ссылаясь на Comp. Шлейхера, но остановимся на

Литовскомъ, особенно близкомъ къ Славянскому и по этому особенно важномъ для насъ. Къ этому побуждаетъ насъ и смѣлое мнѣніе, высказанное объ этомъ языкѣ г. Лавровскимъ. Дѣло вотъ въ чемъ:

Г. Лавровскій говоритъ, что въ языкахъ Кельтскомъ, Греко-Римскомъ, Германскомъ и *Литовскомъ* нѣтъ гласнаго р̊, потому что эти языки отдѣлились отъ обще-индоевропейскаго тогда, когда въ немъ самомъ еще не было гласности р̊. Г. Лавровскій, вѣроятно, ничего не скажетъ противъ мнѣнія Боппа, что звука р̊ нѣтъ и въ языкѣ Зендскомъ и Древнеперсидскомъ, которые считаются наиболѣе близкими къ Санскриту и, по Шлейхеру, составляли вмѣстѣ съ нимъ одинъ языкъ въ то время, когда остальные Индоевропейскіе уже выдѣлились. Отсюда, по вышеуказанному способу, выводимъ, что и Зендскій съ Персидскимъ выдѣлились раньше образованія гласнаго р̊. Но въ Славянскомъ это р есть въ видѣ *рз*, *лз*. Отсюда слѣдуетъ, что Славянскій языкъ отдѣлился отъ Санскритскаго позже Зендскаго, Персидскаго, Литовскаго и всѣхъ остальныхъ. Такой выводъ противорѣчитъ общепринятому мнѣнію о порядкѣ выдѣленія Индоевропейскихъ языковъ (Schleicher, Comp. I, 6—7), но это бы еще ничего, потому что и самое это мнѣніе кое въ чемъ сомнительно; главное, что этимъ отрицается положеніе, равносильное коему трудно найти, именно, что Славянскій языкъ ближе къ Литовскому, чѣмъ къ какому бы ни было другому. Если вообще особенная близость двухъ языковъ даетъ право заключать, что они нѣкогда составляли одинъ языкъ въ то время, когда другіе сродные уже отдѣлились; то въ настоящемъ случаѣ это право очевидно. Литовцы и Славяне дольше говорили однимъ языкомъ, чѣмъ Славяне и Арійцы, Славяне и Германцы и т. д. Изъ этого слѣдуетъ, что а) или Славяне и Литва, будучи однимъ языкомъ не имѣли гласнаго р̊, а потомъ одни Славяне самостоятельно образовали свое *рз*, *лз*; б) или и Славяне и Литва имѣли гласное р̊, и въ такомъ случаѣ это р̊ *могло* образоваться еще во время единства Летто-славянскаго языка съ Индійскимъ. Это послѣднее, какъ увидимъ, болѣе вѣроятно;

что же до мнѣнія г. Лавровскаго, то оно отдѣляетъ Славянскій отъ Литовскаго и потому ни въ какомъ случаѣ принято быть не можетъ.

Ясные факты говорятъ въ пользу того, что каждая изъ трехъ формъ Санскритскаго р̣ (именно ослабленіе р̣, основная форма *ар* и усиленіе âр,) находитъ соотвѣтствіе и въ Литовскомъ и въ Славянскомъ. Усиленіе является и въ томъ и въ другомъ даже въ двухъ видахъ, до чего впрочемъ здѣсь намъ нѣтъ дѣла. Ограничимся однимъ примѣромъ: корень *варт*; его ослабленіе въ Скр. вр̣тта, что было, что случилось, въ Лит. wirs-tu, wirs-ti (изъ wirt-ti), упасть, перевернуться, въ Слав. *врът-ѣти*; его основная форма въ Скр. вáрт-атê, versatur, est, въ Лит. wert-ù, wercz-iù, wers-ti (wert-ti), вернуть, оборотить, въ Слав. въ этомъ корнѣ нѣтъ, но есть въ другихъ: *бер-у* =бhар-âми; усиленіе въ Скр. вâрт-та, sanus, въ Лит. и Сл. wart-yti—*врàтити*, wartai—*врата*.

Сочетаніе ar въ Литовскомъ только въ такомъ случаѣ могло бы счесться за основную форму, а не за усиленіе, если бы не было двухъ другихъ формъ, соотвѣтствующихъ Санскритскому ослабленію и Санскритской основной формѣ. Соотвѣтствіе Литовскихъ ir, il Славянскимъ *лъ*, *ръ* видно изъ многихъ примѣровъ: wilkas—*вльк*ъ, wilna *вльна* (шерсть), wilnis влънá, pilnas *пльнъ*, wirbas (вѣтка, розга) *врьба*, wirszus *врьхъ*, wirwas *врьвь*, kirmis *чрьвь*, girna *жрън-въ*, pirmas *прьвъ*, pirsztas *прьстъ*, szirdis *срьд-це*. Изрѣдка Слав. ръ=Лит. ur: turgus=*тръгъ*; er, ar, al соотвѣтствуютъ Славянскимъ *ръ*, *лъ* почти только въ словахъ заимствованныхъ изъ Русскаго и Польскаго: werba свяченая верба, terliczia макотра, czernylas, чернило, czernuczkas, чернушка, barsztis, борщъ, paltis полть. Въ такихъ же незаимствованныхъ какъ, geltas=*жльтъ*, и Лит. el равно не славянскому *лъ*, а основной формѣ. Сравненіе Литовскаго er съ основною формою *ар* основано на соотвѣтствіи Санскритскаго *а* короткаго Лит. и Славянскому *е* и въ другихъ случаяхъ: Лит. weżù, Сл. *везу*=Скр. ваh-âми.

Итакъ хотя въ Литовскомъ дѣйствительно нѣтъ зву-

ка тождественнаго съ Скр. р̥, но Лит. il, ir точно такъ же относятся къ Скр-му р̥, какъ и Слав. *ръ*, *лъ*, и если Славянскія формы предполагаютъ Санскритское р̥, то предполагаютъ и Литовскія.

в) Г. Лавровскій говоритъ: «языкъ Славянскій, удержавши въ историческое еще время *ръ*, *лъ*, тожественные санскритскимъ р̥, л̥, сохранилъ *въ огромной массѣ случаевъ* и то же поднятіе ихъ въ *ор*, *ол*, *ер*, *ел* (=Скр. *ар*)... Такъ Ст. Славянскія формы *плънъ влъкъ*, *мрътвъ* и пр. въ родственныхъ современныхъ нарѣчіяхъ живутъ уже съ поднятыми гласными р̥, л̥, какъ *полнъ*, *мертвъ*, pełny, wilk, martwy. Въ самомъ Ст. Славянскомъ при словообразованіи изъ корней съ гласными р̥, л̥ господствуетъ во всей силѣ то же поднятіе ихъ въ *ор*, *ол* и др., какъ *столъ* изъ стл̥, *възоръ* изъ зр̥»... Черезъ нѣсколько страницъ: «оправданіемъ (того, что поднятіе *ар*, *ал*= Русс. *ор*, *ол* дѣйствительно было въ Русскомъ тамъ, гдѣ теперь вслѣдствіе вліянія другихъ нарѣчій *оро*, *оло*) могутъ служить отчасти тѣ *незначительные слѣды* единичной гласной, какіе встрѣчаются въ языкѣ Русскомъ, какъ *мерзнуть*, *мерк-нуть смерд-ѣть*, *верт-ѣть*, *дер-ка*, *тер-ка смер-ть* и др.; здѣсь одинъ гласный звукъ, потому что у другихъ Славянъ доселѣ слышится въ этихъ словахъ гласный р̥, между тѣмъ какъ *мразъ*, *смрадъ* являются въ устахъ Русскихъ въ формѣ: *морозъ*, *смородъ*; остатки поднятія, безъ повторенія гласной послѣ плавнаго р̄, видны и въ Мр. словахъ *жерти*, *мерти*, *перти*, *терти* вм. Вр. *ожерелье*, *мереть*, *переть*, *тереть*, образовавшихся, какъ намъ кажется, уже при посредствѣ формъ: *жрѣти*, *мрѣти*, *прѣти*, *трѣти*, тогда какъ Малорусскія родились изъ жр̥, мр̥, пр̥, тр̥, или, по правописанію старославянскому, изъ *жрь-ти*, *мрь-ти*, *прь-ти*, *трь-ти*.»

Въ приведенныхъ мѣстахъ замѣтимъ

Во-первыхъ, слѣдующее: Русс. и Поль. сохранили «въ огромной массѣ случаевъ» поднятіе *ор*, *ол* и пр. (*волкъ мертвъ*); между тѣмъ формы *мерзнуть*, *меркнуть* названы незначительными слѣдами единичной гласной. Чтобы избѣжать противорѣчія между этими двумя поло-

женіями, нужно поставить этимологическое различіе между такими формами какъ *мертвъ*, и такими—какъ *смерть*, *мерзнуть*. Мы не можемъ замѣтить между этими формами ни малѣйшаго различія по отношенію къ звукамъ плавнымъ, и придерживаемся прежняго мнѣнія (Срезн. «Мысли объ ист. Рус. яз.»), что *всѣ* формы съ чистыми гласными, подобныя приведеннымъ (*волкъ*, *мертвъ*, *мерзнуть*, *мерти*), произошли изъ формъ съ глухими (влъкъ и пр.) и что ни одна изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ этимологическаго усиленія (см. ниже). Формы *влъкъ*, *мрътвъ* или *мрьтвъ* жили въ Русскомъ и послѣ его отдѣленія. Кромѣ доказательствъ этого положенія, приведенныхъ гг. Срезневскимъ и Лавровскимъ (О яз. Сѣв. Р. лѣт.) есть еще доказательства, заимствованныя изъ живыхъ Русскихъ нарѣчій, о чемъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, г. Лавровской одинаково считаетъ за усиленія или поднятія и формы *волкъ*, *смерть*, *жерти* по отношенію къ *влъкъ*, *съмрътъ*, *жръти*, и формы *въ-зоръ*, *мракъ—морокъ* по отношенію къ формамъ съ гласнымъ р̥. Формы съ *оро*, *оло* и проч. и формы съ *ор*, *ол* (напр. *волосъ* и *волкъ*) въ его глазахъ первоначально тождественны и этимологически равносильны; разница между ними только звуковая. Это видно не только изъ вышеприведенныхъ мѣстъ, но еще и изъ того, что, перечисляя полногласныя слова и слова соотвѣтствующія имъ въ другихъ нарѣчіяхъ, онъ уравниваетъ Поль. wilgoć (=предполагаемому *влъготь*) съ *волога*, а Луж. žórło (=жръло съ *жерело*, *жрѣло*.

Мы же считаемъ формы *волкъ—смерть* за звуковыя замѣны формъ съ глухими гласными, и только въ полногласныхъ и соотвѣтствующихъ имъ видимъ усиленія. Вообще слѣдуетъ строго различать звуковую замѣну и усиленіе. Что такое усиленіе? «Вѣроятно, говоритъ Бенфей, усиленіе посредствомъ *a* первоначально было только слѣдствіемъ ударенія, что оно было чисто звуковое явленіе (не имѣло *непосредственнаго* отношенія къ смыслу слова). Основаніе такого мнѣнія въ томъ, что въ Скр. весьма часто гунируется ударяемая гласная, тогда какъ

неударяемая остается безъ гуны.» (*) «Въ другихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ въ дошедшемъ до насъ Санскритѣ гунированный слогъ не имѣетъ ударенія, можно доказать, что онъ его имѣлъ нѣкогда. Однако остается не мало и такихъ случаевъ, гдѣ этого доказать нельзя, даже такихъ, гдѣ можно доказать, что гунированные слоги не могли быть прежде ударяемыми. Все вмѣстѣ заставляетъ предположить, что хотя усиленіе посредствомъ *a* (гуны) было сначала слѣдствіемъ фонетическихъ вліяній, но потомъ, посредствомъ рядовъ аналогій, *пріобрѣло свойство выражать оттѣнки понятій.* Что до врддһи, то это явленіе позднѣйшее и рѣшительно нефонетическое». (Vollst. Gramm. der Sanscritspr. 19). Прибавимъ, что хотя первоначально гуна, завися отъ ударенія, сама по себѣ и не выражала оттѣнковъ значенія, но она могла выражать ихъ посредственно, потому что мѣсто ударенія въ словѣ зависѣло отъ смысла. Такъ напр. только значеніемъ звательнаго падежа можно объяснить то, что въ Санскритѣ слова въ этомъ падежѣ всегда имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ. Въ частности, въ Славянскомъ языкѣ усиленіе есть то звуковое измѣненіе въ корнѣ, которымъ отличается большая длительность или кратность дѣйствія отъ меньшей, дѣйствительный залогъ отъ средняго, дѣйствующій предметъ или результатъ дѣйствія отъ дѣйствія, вообще большая напряженность значенія отъ меньшей. Усиленіе въ большинствѣ случаевъ не вытѣсняетъ формы, изъ который произошло, или ея ослабленія, а живетъ съ ней рядомъ, потому что такъ же нужно языку, какъ и она (напр. *висѣть* и *вѣсить*), тогда какъ звуковая замѣна дѣлаетъ излишнимъ и выживаетъ звукъ ей предшествующій. Можно спросить: *мрѣти прѣти* суть усиленія по отношенію къ ослабленнымъ формамъ *мрьти; прьти;* но

(*) или ослабляется. Примѣры: двéшти ненавидитъ, но двишмáс, ненавидимъ; бһáвати, есть, но бһутá, сущій, собств. бывшій; һáрати, хватаетъ, но һртá, схваченный; мáрджати, вытираетъ, но мр́штá чистый; въ послѣднихъ двухъ основныя формы занимаютъ мѣсто гуны, а ослабленіе вм. основныхъ формъ.

какая же разница въ значеніи тѣхъ и другихъ? Это вопросъ затруднительный; однако если обратить вниманіе на то, что вообще различеніе второй глагольной темы отъ первой не есть явленіе чисто-звуковое, то нужно будетъ принять, что и между *мрѣ–ти* (которое болѣе отлично отъ формы корня въ настоящ. вр. чѣмъ *мрьти*) и этимъ *мрьти* разница не въ однихъ звукахъ. Если есть случаи, когда усиленіе, напр. *оро=ра*, дѣйствительно имѣетъ только звуковое значеніе, то число ихъ не велико. Далѣе можно замѣтить, что форма *мрѣти* вытѣсняетъ въ Ст. Сл. форму *мрьти*. Но мы вовсе не утверждали, что всегда форма усиленная живетъ рядомъ съ основною или ослабленною; мы указали только на различіе въ значеніи, какъ на причину, которая *можетъ* удержать ослабленія и основныя формы при усиленныхъ; вѣдь и синонимы отъ различныхъ корней могутъ выживать другъ друга изъ языка.

Изъ сказаннаго можно вывести, что звуковая замѣна, въ отличіе отъ усиленія, совершается безъ участія мысли и не измѣняетъ значенія слова; но это не вѣрно, хотя, по видимому, подтверждается тѣмъ, что мы не можемъ уловить разницы въ значеніи двухъ діалектическихъ формъ одного и того же слова. Въ языкѣ не происходитъ ничего такого, чтобы не обнаруживало вліянія на мысль. Отъ степени паденія звуковъ, непонятнаго въ частностяхъ, въ общемъ зависитъ степень этимологической ясности языка; чѣмъ болѣе совершилось въ словѣ звуковыхъ замѣнъ и чѣмъ дальше оно отступило отъ своей древней формы, тѣмъ труднѣе найти его собственное значеніе; но, очевидно, иначе служитъ мысли слово съ яснымъ собственнымъ значеніемъ, чѣмъ то, которое кажется лишь произвольнымъ знакомъ своего значенія. Что касается до причины паденія звуковъ, то звуки подвергаются измѣненію, разрушенію лишь тогда, когда связанное съ ними значеніе теряетъ свою важность для мысли. Пояснимъ это примѣромъ. Въ каждомъ языкѣ есть слова, которыя разрушаются особенно быстро. Такъ, въ теченіе немногихъ столѣтій изъ слова *господарь* постепенно выходило *госу-*

дарь, *осударь*, *сударь*, *су* и осталось наконецъ одно *с* (да-съ, нѣтъ-съ); такъ въ Поль. изъ wasza miłość вышло waszmość, waszec, waść, изъ wasza miłość pan—waćpan, wacan (*). Слова эти стерлись такъ быстро, потому что употреблялись особенно часто, примѣнялись ко множеству несходныхъ случаевъ, вслѣдствіе чего связанная съ ними мысль все дальше отходила отъ своей исходной точки и все меньше и меньше нуждалась въ ней. Очевидно, что для того оттѣнка вѣжливости, который обозначается звукомъ *съ*, было бы непригодно слово съ такимъ явственнымъ значеніемъ, какъ Скр. виçâм-пати, виçпати, пастухъ (охранитель, царь) людей третьяго класса, т. е. землевладѣльцевъ и купцовъ, или даже Лит. wieszpatis, господь, царь, или Слав. *господь*. Не было никакой физіологической необходимости указанныхъ сокращеній, потому что рядомъ съ *съ* есть въ языкѣ и донынѣ слово *господарь*, *государь*. Такимъ образомъ главная причина паденія звуковъ есть явленіе психологическое, именно забвеніе основнаго значенія слова, забвеніе которое обыкновенно связано съ преуспѣяніемъ мысли. Если собственное значеніе слова (внутреннюю форму) сравнить съ картиной, то звуковое усиленіе будетъ связано съ измѣненіемъ рисунка этой картины, а звуковая замѣна—съ помраченіемъ ея колорита. Различіе направленій, по которымъ идетъ паденіе звуковъ въ разныхъ языкахъ, требуетъ физіологическаго объясненія. Филологъ не можетъ сказать, почему Ст. Сл. *плъкъ* въ каждомъ славянскомъ нарѣчіи является въ другой формѣ: *полкъ*, pełk (въ Swiętopełk), półk, pluk, *повкъ*, *пук*. Онъ можетъ только указать, и то не всегда, аналогію этихъ явленій, напр. замѣну *ъ* черезъ *о* не только въ такихъ словахъ какъ *полкъ*, но и въ такихъ, какъ *сонъ*, *ровъ*.

Возвращаемся къ частному вопросу. Если принять, что формы съ однимъ гласнымъ при *р*, *л* и формы съ двумя (*мерзнуть* и *морозъ*) равносильны какъ усиленія,

---

(*) Подобный примѣръ въ Англійскомъ см. у Миллера Vorlesungen üb. die Wiss. der Spr. 189 слѣд.)

то, конечно, можно дойти до заключенія, что полногласная форма стала отличаться отъ неполногласной вслѣдствіе случайныхъ постороннихъ вліяній, прибавившихъ второе *о*, *е*. Если же согласно съ вышесказаннымъ считать *ор*, *ер* и пр.=Ст. Сл. *ръ*, *рь* и пр. за явленіе отличное по значенію отъ *оро*, *ере* и пр.=Ст. Сл. *ра*, *рѣ*; то упомянутое заключеніе станетъ невозможнымъ. Прежде всякаго Чехозадунайскаго вліянія, въ періодъ Леттославянскій, уже было существенное различіе между формами съ *ръ*, *лъ*=теперешнимъ Русс. *ор*, *ол* и формами усиленными съ *ра*, *ла*=Русс. *оро*, *оло*. Первыя не составляютъ роскоши при существованіи послѣднихъ. Во многихъ случаяхъ очевидно оба ряда необходимы для языка. Здѣсь не лишнимъ будетъ рядъ примѣровъ сродства словъ полногласныхъ съ формами *рз*, *лз* и пр. Изъ списка полногласныхъ словъ въ статьѣ г. Лавровскаго, беремъ только тѣ, при которыхъ есть ослабленія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ или въ Литовскомъ; Санскритъ и другіе сродные языки оставляемъ въ сторонѣ.

О. передъ словомъ значитъ основная форма, *у*. — усиленіе, *осл*.—ослабленіе, *пр*.—предполагаемая форма.

Волога, осл. Ст. Сл. *влъгъкъ*, Хорут. volhek, vovhek, Чеш. vlhký, Поль. wilgotny, Вр. *волгло*, сыровато, Лит. wilgyti, wilg-dinti, мочить, воложить. Усиленія съ подобнымъ значеніемъ въ Литовскомъ нѣтъ, но быть можетъ сюда относится Лит. walgau,—yti, ѣсть, walgis, мр. ѣда, кушанье, на томъ основаніи, что Вр. *вологa* значитъ и то что хлебаютъ, похлебка, приправа напр. масло, сало, сметана (=Серб. смок, смок бијели), *воложно*—жирно, лакомо, сладко.

Волосъ, осл. Русс. *ворса* (пр. връса; ср. Лит. у. warsa, клокъ шерсти, волосъ); осл. съ другимъ суф. въ Ст. Сл. *влъ-на*, Чеш. vlna, Серб. *вуна*, Русс. *волна*, Поль. wełna, Лит. wilna. Корень не *вардh*, рости (Боппъ), а *вар*, покрывать (Микл.). Значеніе покрывать видно не столько въ Вр. *волоха*, рубаха, сколько въ *волохъ*, крышка на горшокъ.

Волокъ, *волочь*, *волочить*, осл. Серб. *вући* (=пр.

Ст. Сл. *влѣшти*); Лит. о. welku, осл. wilkti, волочь, у. walkioti, волочить, таскать.

Голова, осл. Русс. *желв-акъ* (=пр. жлъв..), Чеш. безъ суф. в—žlu-na (пр. жлъ-на), родъ опухоли. Въ Лит. только у. galwa, голова.

Голодъ, осл. Ст. Сл. *жлѣдьнъ*, *жлѣдѣти*,—*жедѫ*, Серб. *жудан*, *жудjети*, жадный, жаждать. Лит. только у. gardus, вкусный, т. е. возбуждающій голодъ.

Голосъ. Такъ какъ—*съ* есть суф., какъ и въ *волосъ*, *колосъ*, то ср. осл. Ст. Сл. *глъ-къ*, Чеш. hluk, Вр. *голкъ*, Поль. z-giełk. Лит. только у. garsas, голосъ.

Долото, осл. Мр. *дерти* (=пр. дрълти).

Жолобъ, осл. Вр. *голбецъ* (=пр. глъб..), деревянная придѣлка къ печи, въ родѣ полатей, подъ которою дѣлается ходъ въ подполье; другая форма этого слова *голубецъ*, есть, вѣроятно, искаженіе первой.

Золото, осл. *жлътъ*, Лит. žilti, быть сѣрымъ, сѣрѣть, žillas, сѣрый; о. Лит. geltas, желтый, želiu, želti, быть зеленымъ, Слав. *зел-енъ*; у. žalas, зеленый, žole, зелень, трава. Значеніе Лит. žilti не мѣшаетъ его сближенію съ *золото*, потому что и самое слово *сѣрый*, вѣроятно, одного корня съ *сіять*.

Молодъ и *молотъ* одного кор. съ *молоть*, а потому см. это послѣднее.

Половъ — *плавъ*. Миклошичъ вѣрно сближаетъ съ *плѣснь*. Осл. Лит. pil-kas, сѣрый, пепельный, о. pelù, —éti, плесневѣть, у. palwas, половой.

Полозъ, большая змѣя, *полозья*, осл. Ст. Сл. *плъзнѫти*, *плъзъати*, Серб. *пузати*, Поль. pełznąć, Русс. *ползти*, Ст. Сл. *плъзъкъ*, Чеш. plzký, Ст. Сл. *плъжь*, улитка, Чеш. plž, гадъ.

Полость, осл. Ст. Сл. *плъсть*, Чеш. plsť, Поль. pilść, Русс. *полсть*; послѣднее значитъ не только Нѣм. filz, но и пластъ внутренняго сала.

Полотно, осл. Ст. Сл. *прътъ*, Русс. *портъ*, *портной*, Обл. *портно*, полотно.

Полошить, *сполохъ*, осл. Ст. Сл. *прѣх*, Чеш. prchati, Поль. pierzchnąć (см. О нѣкот. симв. 59—60).

Толочь, осл. *тлъкж*, *толку*, Серб. *тући*, Поль. tłuc, Мр. товкти (=пр. Ст. Сл. тлъшти).

Холостъ г. Лавровскій сближаетъ съ *клестить клѣщи*; можно, кажется, сблизить и съ *класть*, кроить, рѣзать («не скласти скарлату безъ мастера», о Горѣ Злоч.), откуда *кладенецъ*, скопецъ, кладеный боровъ. Въ томъ и другомъ случаѣ можно считать за осл. *холстъ* (=пр. хлъстъ), которое, подобно нѣкоторымъ другимъ названіямъ ткани, можетъ имѣть въ основаніи представленіе рвать, рѣзать.

Молоко, *молозиво*, осл. Ст. Сл. *млъзж*, Серб. *мусти* (=пр. *млъс-ти*); ср. Вр. *молсать*, сосать, глодать; Лит осл. milżu, milszti, о. melżu,, гладить, доить, у. malżau,—yti укрощать, усмирять (гладя).

Молоть, о. *мел-ю*, Микл. (Vergl. Gr. II, 128) видитъ въ этой формѣ усиленіе гласнаго *л* въ *ел*, но сравни *бер-у*=*бhар-âми*; осл. Поль. mioł, жен. miełła (=пр. *млълъ* или *мьлъ млъла*), Лит. miltai (мн. ч. отъ miltas) мука; у. Лит. mālu, malti, молоть; Литовскому mālu соотвѣтствовало бы Слав. *мол-ю*, по аналогіи съ kālu (кую)= *колю*.

Полова, о. Вр. *пела́*, мякина, Лит. pelai (мн. ч.), тоже.

Поло́ть, о. Поль. pelę, pielę, осл. Поль. pioł, (пр. *пльлъ*), pełty (пр. плътъ).

Шеломя, осл. *хлъмъ*, *холмъ*, chlum.

Боронить, осл. Ст. Сл. *бръня*, броня.

Борошно. Такъ какъ значенія—драть, рвать, рѣзать сродны и могутъ лежать въ основаніи словъ означающихъ муку (ср. *каша* и *касать*, драть, рвать; «крупу *драть*», «крупу *рушать*», т. е. рвать), то можно *борошно* сравнить съ осл. *бръс*, Ст. Сл. *бръснѫти*, corrumpere, radere.

Воробей, осл. Лит. żwirblis, id.

Воробъ, *воробы*, снарядъ для разматыванья пряжи, мотовило. о. Лит. werpiù, werpti, прясть, у. Лит. warpste, веретено, прялка.

Городъ, *огородъ*, у. Лит. gardas, огорожа для скота

осл. *жрьдь*, *жердь*.

Поворозъ, веревка, осл. *верзти* (=пр. *врзсти*), Ст. Сл. *врзѫ*, вяжу, *врзза*, загадка, т. е. нѣчто завязанное, что слѣдуетъ распутать. Лит. wirżis, веревка, о. werżù, werszti, вязать; у. prasiwarżau, протягиваться, вытягиваться (ср. по значенію Русс. *верзило*, собств. длинный человѣкъ).

Воротъ, *ворота* см. *веретено*.

Дорога и *дорогой* сближаемъ съ *дергать* (пр. дрзг. см. О нѣкот. Симв. 132—3 и 147—9).

Коробъ, осл. Чеш. krb, деревянный сосудъ, Серб. *крбуља*, коробка изъ коры.

Короткій и Ст. Сл. *кратъ*, Поль. krć, о. Лит. kertu; осл. kirtau (прошед.) kirsti, рубить, kirtis, ударъ; у. Лит. kartas, разъ, кратъ.

Моросить, осл. Ст. Сл. *мрзсити*, осквернять, Серб. *мрсити*, ѣсть скоромное, *мрс*, скоромное, мясное кушанье. Корень—Скр. *мрш*, *врш*, irrigare; ср. связь значенія влаги и жира въ Вр. *ворога*, жиръ.

Мороэкжать, *мороэкжить*, идти мелкому дождю, осл. *морг-асить*, тоже, *моргать* (*мрзг*); ср. *имжить* (=пр. мьжити) мелко дождить съ *мигать*.

Морозъ, осл. *мрзнѫти*, *мерзнуть*.

Морокъ, осл. *мркнѫти*, *меркнуть*.

Норосъ, лягушечья икра, *нороcть*, время когда рыба мечетъ икру, *нерестъ* (Micl. Lex.) coitus, Серб. *мриjест*, рыбья икра, о. Лит. nersztu, nerszti, метать икру, у. Лит. narszas, икра.

Папороть, о. *перо*, глаг. *перу*, осл. Чеш. prt' (=пр. *прьть*), стезя, тропа, собств. «битая» т. е. дорога.

Порохъ, осл. *прзс-ть*, Чеш. prchnouti, Поль. pierzchnąć, прыснуть, разсыпаться, побѣжать.

Смородъ, осл. *смрздѣти*, *смердѣть*.

Сторона и Ст. Сл. стрѣти (пр. стереть), осл. *простртъ*; о. *стел-ю*.

Своробъ, осл. *свербѣти*, *свербѣть*.

Торокъ, вихорь, осл. Серб. *тркати*, circumcursare.

Торопъ, порывистый вѣтеръ, осл. *торпище*, веретье.

Связь между тѣмъ и другимъ въ представленіи рвать.

Беревно (Лавр.); мы нашли только Пск. *беревено;* быть можетъ, эти формы не принадлежатъ къ числу древнихъ полногласныхъ, а образовались позднѣе изъ *бьрвьно*, какъ *полонъ*, *дологъ* изъ *пълнъ*, *дългъ*; въ другихъ нар. кажется только одно Чеш. břewno можетъ указывать на Ст. Сл. *брѣвьно*; въ Ст. Сл. есть только осл. *брьвьно*=Серб. Хорут. *брвно*, Поль. bierwiono, bierzwiono, bierzmo, Русс. *бревно*, *бервно*.

Верескъ, осл. Лит. wirżis.

Верещать, о. Лит. werkiu, werkti, плакать осл. Лит. wirkstu,—kti., wirszkau, yti, тоже.

Время, о. Лит. weriu, werru, осл. прошед. того же глагола, wirrau, неопр. wirti, кипѣть, врѣти; *врѣмѧ*—собств. жа́ркое время.

Веретено, о. Лит. werczìu, wersti, вертѣть; осл. Лит. wirstu, (wersti) вертѣться, Ст. Сл. *врът-ѣти*, Рус. *вертѣть;* у. Лит. wartyti, переворачивать.

Вереть («завереть лапти», почипить), *веретье*, рядно, *верево*, дратва, вервь, о. Лит. weru, werti, отворять, затворять, вдѣвать нитку, у. Лит. warstyti, тоже длительн. или многокр.

Дерево, осл. Ст. Сл. *дръво*, Серб. *дрво*, Чеш. drwo, Поль. drwá, Русс. *дрова;* о. Лит. derwa, у. darwa, щепа, лучина.

Жеребецъ, быть можетъ, можно сравнить съ Лит. осл. żirgas, конь, на основаніи перехода *г* въ *б* въ Лит. garsas=balsas, голосъ.

Жерело, осл. Ст. Сл. *жрьло*, Русс. *жерло*, Лит. gir-dau, gir-dyti, поить; о. Лит. gerù, gerti, пить.

Мережа, по Гильф. отъ Скр. прдж, связывать, по аналогіи съ *сѣть*, отъ *си*, вязать; но, по аналогіи съ *нерето*, (см. ниже) можно, кажется, сравнить съ Лит. mìrkti, быть мокрымъ, о. merkti, мочить, погружать въ воду, у. markyti, мочить, напр. конопли. Разница между *к* и *г* не мѣшаетъ этому сравненію.

Мереть, осл. Мр. *мерти* (=пр. *мръти*), Лит. mirstu, mirti.

Нерето, *нерётъ*, верша, о. Лит. neru, nerti, нырять; у. Лит. naras, норецъ.

Перепелъ, пр. *переперъ*, Поль. przepiórka, кажется, названъ такъ потому, что *бьетъ* голосомъ (Поль. przepieruje), или крыльями; корень одинъ съ *прати*, бить, откуда съ удвоеніемъ и Серб. *прапорацъ*, звонокъ (собств. тоже, что *би-ло*, колоколъ); значенія бить и рѣзать близки (ср. *сѣчь*, Поль. urżnąc урѣзать, ударить съ размаху, *рѣзать* и *разить*, *разъ*, собств. ударъ), а потому сюда же отнесемъ и Серб. осл прпорак, *прпоћак*, черенокъ, *отрѣзанный* отъ винной лозы.

Переть, осл. Мр. *перти* (пр. пръти).

Середа, осл. *сръдьце*, *сердце*, Лит. szirdis.

Тереть, осл. Мр. терти (пр.—тръти).

Череда, осл. Серб. *крд*, стадо; о. Лит. kerdżus, пастухъ.

Изъ этихъ примѣровъ, мнѣ кажется, видно, что словъ съ единичною гласною въ Русскомъ, сродныхъ съ полногласными, нельзя назвать «незначительными слѣдами,» что ихъ въ Русскомъ столько же при полногласныхъ словахъ, сколько въ Задунайскихъ и Чешскомъ словъ съ *ър* при словахъ съ *ра*, и сколько въ Литовскомъ словъ съ ir при словахъ съ ar. Если Ст. Сл. *ръ*, *лъ*=Лит. ir, il=Скр. ṛ, то и Рус. *ор*, *ол*, *ер*, *ел*=Скр. ṛ. Само собою, равенство здѣсь состоитъ только въ томъ, что всѣ эти формы ослабленія по отношенію къ первоначальному *ар*. Если напр. *ол* въ *ползу* есть ослабленіе, то гдѣ же слѣды того, что усиленіе *полозъ* имѣло *въ Русскомъ* форму *ползъ?*

Выше мы видѣли, что, по мнѣнію г. Лавровскаго, Древанскія усиленія съ *ар* первобытны. Прямой выводъ отсюда тотъ, что Славянскія нарѣчія составляли одинъ языкъ только тогда, когда всѣ имѣли эту форму *ар*; распаденіе совершилось, когда въ Задунайскихъ и Чешскомъ появилось *ра* вм. *ар;* въ то же время въ Русскомъ могло образоваться *ор* изъ *ар*. Но, быть можетъ, Древанское *ар* вовсе не первобытно, а произошло изъ *ра?* Въ такомъ случаѣ *ра* есть древнѣйшая обще-славянская форма усиленія ар.

Упомянутое *ар* встрѣчается не только въ Древанскомъ, но и въ нарѣчіяхъ Словинцевъ и Кабатковъ, которыхъ вмѣстѣ съ Кашебами считаютъ за ближайшихъ родичей Древанъ (см. Гильфердинга, Остатки Славянъ, Этн. Сб. V). Въ нар. Словинцевъ и Кабатковъ полногласію соотвѣтствуютъ слѣдующія формы:

а) Ar, or и re=Ст. Сл. *ра*, Поль. ro, Русс. *оро*: barna, bôrna борона, karwa, korwa корова, charna, chorna. Серб. храна, кормъ, morz морозъ, pôrch порохъ въ зн. пыли, parparc папороть, pârsa, порося, porch, porg, мн. ч. pârgi порогъ, sarka сорока, skarnio щека, skowarnek, skowornek, skowork, жаворонокъ, stórneczka, лента, warna ворона, warta шлагбаумъ (ворота), wogard, ogard садъ, wogordnica палисадникъ. «Это древнее свойство языка Прибалтійскихъ Славянъ, замѣчаетъ Гильфердингъ, исчезаетъ, по мѣрѣ приближенія къ границамъ Польской рѣчи». Такъ у Кашебовъ уже brona, krowa—kruowa, prog, sroka—scroka, skronia (високъ), skowronk, wrona. Это свойство не выдерживается во всѣхъ словахъ и у самихъ Словинцевъ. Такъ у Гильф. отмѣчены за Словинскія broda, sromac sa, strowy и zdrowy, wrôbel. Въ одномъ словѣ kraczaj (Поль. krok, шагъ) встрѣтилось намъ *ра*.

б) rze, rzo,=Ст. Сл. *рѣ*, Поль. rze, rzo, Русс. *ере*: drzewię дерево, mrzeża, небольшая сѣть, przêki, поперекъ, strzebro серебро, strzêni середній, trzewa кишки, wrzeceno веретено, drzon тернъ, mrzost, рыбья икра, норосъ, przod, przodki впередъ, strzoda, стадо.

в) ło=Ст. Сл. *ла*, Поль. ło, Русс. *оло*: chłop, холопъ, kłoda, kłuoda, колода, młodi, молодой, płom, пламя.

г) ła, le=Ст. Сл. лѣ, Русс. *еле*, *оло*, Поль. ło, le: płac, pielę, полоть, mlecz молоко.

И въ Словинскомъ, какъ и въ Древанскомъ, только слова соотвѣтствующія Ст. Сл. съ *ра* имѣютъ ar, or, остальныя же приблизительно совпадаютъ съ Польскими; rze, rzo, ło, le составляютъ правило, ar, or—скорѣе исключеніе. Предположеніе, что эти ar, or—позднѣйшая перестановка звуковъ *ра*, *ро*, кажется гораздо болѣе вѣ-

роятнымъ, чѣмъ вышеизложенныя предположенія г. Лавровскаго. Въ самомъ Словинскомъ, какъ мы видѣли, рядомъ ar, or есть—ro. Подобную позднѣйшую перестановку встрѣчаемъ изрѣдка и въ другихъ нарѣчіяхъ: Болг. *Стѣрна*, *стърна* изъ *страна*, Хорут. per изъ *при*. О такой же позднѣйшей перестановкѣ звука р, въ Англосаксонскомъ но не при одной только гласной *a* (о), какъ въ Словинскомъ, а и при другихъ, см. Grimm, Gesch. d. D. Spr. 231. Обратную перестановку замѣтимъ въ Слов. gronk изъ gornk, Поль. garnek, gornek; перестановка черезъ согласную—въ Мазовецкомъ rśioda изъ środa. Если Словин. и Древан. ar, or есть такая перестановка, то какое именно сочетаніе предполагаетъ она, Чехозадунайское ли *ра*, или Польско-лужицкое ro? Отдѣлились ли прибалтійскія нарѣчія отъ Польско-лужицкаго послѣ измѣненія *ра* въ *ро*, или прежде? Древанскія формы gład, kłas говорятъ въ пользу того, что до раздѣленія сѣверозападныхъ нарѣчій въ нихъ существовало только *ра*, *ла*. Тоже можно заключить изъ Слов. barna (изъ brana), kraczaj, płac (изъ *плати* вм. *плѣти*, полоть). Формы borna—brona, kłoda могли развиться въ Словинскомъ самостоятельно, независимо отъ Польскаго brona, kłoda. Подобнымъ образомъ *дзъ*, *цъ* изъ *дъ*, *тъ*, по всей вѣроятности произошли въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ и Бѣлорусскомъ независимо отъ Польскаго, хотя и представляютъ большое сходство съ польскими dź, ć.

Хотя сказанное о Словинскомъ ar и не вполнѣ убѣдительно, но оно, если не ошибаюсь, равносильно предположенію о первобытности Древанско-Словинскаго ar—, дѣлаетъ это предположеніе нейтральнымъ и позволяетъ прійти къ слѣдующему выводу. Въ Славянскихъ словахъ *передъ согласными* вовсе нѣтъ той формы усиленія (ар), которая исключительно господствуетъ въ Литовскомъ (wartai=врата), потому что Русс. *ор*, *ол* и пр. передъ согласными не есть усиленіе, а равносильно Лит ir, il, Ст. Сл. *рь*, *ль*. Слѣдовательно мы не имѣемъ основаній думать, что Русс. *оро*, *оло* и пр. произошло изъ Русскаго же ор, ол (*борода* изъ *борда*, а не изъ *брада*).

IV.

Имѣемъ ли мы основанія держаться прежняго мнѣнія, что Русское полногласіе возникло изъ общеславянскаго *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ?* Ясно ли намъ происхожденіе этихъ послѣднихъ сочетаній изъ несомнѣнно-древнѣйшаго âр, âл? Начнемъ съ послѣдняго вопроса.

Происхожденіе *ра*, *ла* изъ âр ясно въ томъ смыслѣ, что мы знаемъ въ Слав. языкѣ и другія подобныя явленія, отчасти замѣченныя уже Гриммомъ (Gesch. d. Deutsh. Spr. 228 слѣд.):

а) Въ Скр. двоегласные ê, âи, ô, âу остаются передъ согласными, а передъ гласными измѣняются въ обратные слоги аj, âj, ав, âв; *и*, *у*, не измѣняясь передъ согласными, передъ гласными переходятъ въ согласные j, *в* или разлагаются въ иj, ув. Тотъ же самый законъ и въ Слав. *слов-ѫ* (пр. слô-âми, слăв-âми, Скр. çрав-âми изъ усиленія çрô), поj-ѫ (пр. паj-âми, неопр. пѣ-ти), биj-енъ (кор. *би*), за-бъв-енъ (кор. бȟŷ). Но Славянскій языкъ идетъ дальше и подчиняетъ тому же закону звуки *м*, *н*, *р*, *л* съ предыдущими гласными.

б) Въ Ст. Сл. *н*, *м* передъ согласною сливаются съ предшествующими гласными въ одинъ носовой звукъ, но остаются передъ гласными: *мѧ-ти*, *дѫти*, по *мьн-ѫ*, *дъм-ѫ*. Правило это предполагается всѣми Слав. нарѣчіями. Незначительныя исключенія изъ него въ Ст. Сл. встрѣчаются только въ сравнительно новыхъ образованіяхъ (хвалѧ-и). Скр. анусвâра не вполнѣ соотвѣтствуютъ этому явленію.

в) Древнѣйшія дославянскія сочетанія *ар*, *ал* въ началѣ словъ передъ согласною въ Славянскомъ переходятъ *ра*, *ла*: Нѣм. Elbe, Лит. Albis, Сл. *Лаба*; Др. Вн. alpiz, Серб. *лабуд*, Чеш. labud, Поль. łabędź, лебедь; Сканд. Aldeiga, Русс. *Ладога*; Лит. alk-unè, *лак-ъть*, локоть; Лат. arca—Сл. *рака*, Нѣм. arm, Лат. armus, Греч. ἅρμος—*рамя*; Слав. *ра-ло* (если это слово не изъ *орало*), *ор-ать*. Въ Ст. Сл. плавные могутъ стоять и послѣ начальныхъ гласныхъ, но въ такомъ случаѣ они отдѣляются глухимъ звукомъ отъ послѣдующихъ согласныхъ. *лакати*, *локати* (Лит. lakû, lakti), но *алъкати*;

ладия, *лодия* по *альдия* (Лит. eldija); *лани*, *лань*, но *алъний*, *алъния* (Лит. elnis, elne). Эти формы (алъний), какъ и формы съ *ра*, *ла*, служатъ доказательствомъ, что Славянскому языку въ древнѣйшемъ періодѣ не свойственно сочетаніе плавныхъ со слѣдующими согласными. Формы *алнии*, *алдия*—позднѣйшія или совсѣмъ ошибочныя (Micl. V. Gr I, 89). Вышеприведенные случаи перестановки (рамя—arm) отличаемъ отъ такихъ какъ *вранъ*—warnas на томъ основаніи, что Русскій языкъ не допускаетъ полногласія въ первыхъ (*Ладога*, а не *Олодога*) и требуетъ его во вторыхъ.

в) **ъ** и **ь** *послѣ плавныхъ въ Ст. Сл.* Миклошичъ утверждаетъ (V. Gr. I, 42), что въ туземныхъ, т. е. Задунайскихъ Ст. Сл. памятникахъ всѣхъ вѣковъ постоянно и правильно *ъ* стоитъ послѣ *р*, *л*, а не передъ ними, какъ въ памятникахъ Русскихъ. Формы *мрътвъ*, *трънъ*, по его мнѣнію (и по мнѣнію Гримма), относятся къ mortuus, thaurnus, какъ *гласъ* къ Лит. garsas. Какъ во второмъ случаѣ чистый звукъ, такъ въ первомъ глухой стоитъ въ Слав. послѣ плавной. Этимъ самымъ признается, что для языка весьма ощутимо, стоитъ ли глухой звукъ передъ плавнымъ, или послѣ него. Но Миклошичъ, дѣлая упомянутое сравненіе, замѣчаетъ, что такъ какъ р, л въ *мрътвъ*, *трънъ* и др. под.—гласные, то *ъ* при нихъ не необходимо (ib. I, 183). Конечно такъ, если р, л—гласные, но мы никакъ не можемъ себя убѣдить, что звуки эти гласные. Они плавны, длительны, но гласность ихъ есть грамматическая фикція, неточное опредѣленіе ихъ природы.

Нѣкоторыя соображенія заставляютъ думать, что не только въ Ст. Сл., но и въ древнемъ общеславянскомъ яз. глухой гласный звукъ слышался *послѣ* плавнаго.

Скр. ṛ заставляютъ произносить какъ обыкновенное р съ чуть слышнымъ *послѣ него* гласнымъ *и*. Происхожденіе этого р представляется теперь въ такомъ видѣ: основная форма *ар* съ непосредственно слѣдующею согласною, напр. *карно̆ми;* за тѣмъ послѣ р появляется короткое *и* (каринóми). Въ силу ослабляющаго вліянія

ударенія на предшествующіе ему слоги, *а* исчезаетъ и изъ *каринóми* образуется *криноми* по такому-же способу, какъ изъ *джагамивá—джагмивá; ри* въ первомъ примѣрѣ, какъ *ми* во второмъ, состоитъ изъ согласнаго звука и чистаго *и*, но подъ вліяніемъ того-же ударенія *и* сокращается, выходитъ *кр̊нóми*, дѣлаю, точно такъ какъ изъ основной формы *тритија* выходитъ *тр̊тија*, третій (Zeitsch. f. V. Spr. VIII, 4—5). Ст. Славянское *ъ* при р, л должно было пройти тѣ-же степени ослабленія и правильность, съ которою оно ставится на письмѣ *послѣ* плавныхъ, ведетъ начало отъ той поры, когда оно явственно слышалось на этомъ именно мѣстѣ.

Въ другихъ Слав. нарѣчіяхъ находимъ съ одной стороны слѣды ера *послѣ* плавныхъ, съ другой совершившуюся уже въ историческое время перестановку плавныхъ и нарушеніе правила о несочетаніи ихъ съ другими согласными.

Въ Судѣ Любуши и отрывкѣ Евангелія отъ Іоанна замѣна глухаго звука постоянно ставится за плавными: Creconosi, bred, preuencu, mretuih, zreno, ôturedi, zredce, uiureglisę, plezne, Wletauo, pleki, chlemca, dlesno, mleni, naplenila sę, pleti; е послѣ r, l здѣсь не есть звукъ чистый, потому что и до сихъ поръ Чешскій языкъ сохраняетъ при плавныхъ глухой звукъ. Уже въ Mater Verborum замѣна глухаго звука ставится въ большинствѣ случаевъ передъ плавными: birdo, birui, cirnidlo, cirnobil, cirv, dircole, dirn, dirzi, hirdlice и пр. dilh, pilst, pilzni, silzi (жлъчи), wilchuec и пр.; но hrimota (гръм...), trest, wlichuec, slich (жлъчь), plet (plt', плотъ). Мы видимъ здѣсь переходъ къ новому произношенію, въ которомъ какъ ни глухъ звукъ, сопровождающій р, л, этотъ гласный звукъ *есть* и слышится передъ плавными, такъ что о гласности этихъ послѣднихъ слѣдовало бы говорить съ оговорками. Уже у Вацерада встрѣчаемъ слова, въ коихъ лъ перешло въ lu: stunek (člunek, челнокъ), umluna, slutek (желтокъ). Предположенію, что переходъ этотъ совершился въ то время, когда *ъ* слышалось послѣ л, противорѣчитъ, по видимому, то, что у Вацерада-же на-

ходимъ не dlih (длъгъ, Н. Чеш. dluh), а dilh; но возможно, что упомянутый переходъ совершился во время колебанія, такъ что вставка въ формѣ žluč непосредственно примыкаетъ не къ *жълчь*, а къ *жлъчь*.

Въ Фрейзингенскихъ статьяхъ глухой звукъ слѣдуетъ послѣ плавнаго (krest, priuue (прѣвѣ), sridce), но и предшествуетъ ему (mirzcih, zemirt). И здѣсь видимъ колебаніе самаго выговора; въ результатѣ то, что въ Хорутанскомъ не позже какъ съ XIV в. глухое или даже чистое *е* слышится передъ р, а ъл перешло въ слогъ ol (=оў): pôln, dolg. Правописаніе serce, terpeti, согласное съ выговоромъ по крайней мѣрѣ относительно мѣста гласнаго звука при р, очень не нравится Миклошичу, который видитъ въ немъ только невѣжество пишущихъ; но что-же дѣлать, когда никакъ не замѣтишь гласности р?

Въ Грамотѣ Бана Кулина (XII в.) и въ послѣдующихъ ь (=ъ) постоянно слѣдуетъ за р (дрьжати и т. п.); но съ другой стороны уже въ X в. у Багрянороднаго есть Σέρβλοι и т. п., что предполагаетъ выговоръ ера передъ р. Такой выговоръ несомнѣнно господствуетъ не позже какъ съ XV в. (odvarzimo, s varchu) и до нынѣ. Правописаніе Караджича и др. (трн, грм) этому не противорѣчитъ, потому что вовсе не обозначаетъ глухаго звука. Серб. *у*=Ст. Сл. *лъ* вѣроятно произошло при посредствѣ формъ вродѣ Хорут. ol, ou, Мр. ов (volk, вовкъ), предполагающихъ *ъ* передъ *л*.

Изъ правописанія Остромирова Евангелія трудно дѣлать заключенія о тогдашнемъ Русскомъ выговорѣ. Рядомъ съ правильными, по Миклошичу, *ръ*, *лъ* стоятъ *ъръ*, *ьръ*, *ър*, *ьр*, *ълъ*, *ъл*, такъ что одно и то же слово въ разныхъ мѣстахъ пишется на разные лады. Однако нѣсколько словъ, коимъ въ современномъ Русскомъ соотвѣтствуютъ слова съ гласною послѣ р, имѣютъ и въ Остр. Ев. только ръ, рь: грьчьскы, дрькольми, крьстъ, хрьстъ, кръвь и др. Въ 1-й Новг. Лѣт. преобладаютъ слова съ ър, ьл, ъл= новымъ Русс. ор, ер, ол. Съ XII в. обыкновенна уже и замѣна глухихъ при *р*, *л* чистыми.

На существованіе нѣкогда и въ Русс. глухихъ по-

слѣ гласныхъ указываютъ слова съ ро, ре, ло, ле вм. Ст. Сл. ръ, лъ. Въ такихъ-же словахъ Польскій яз. ставитъ чистую замѣну ера тоже послѣ плавныхъ и выпускаетъ ее совсѣмъ если можно: brew, род. brwi (одинъ слогъ), brnąć (брести), chrzest, род. chrztu, chrzcić, drwa, drzeć, drgnąć, drwić (Обл. *древить*, бранить, досаждать), grzbiet, grzmieć, krew, род. krwi, krszyć, trwoga, trzcina, trzmić (стромить), trzpiot (ср. трепетать), błwać klnę (кляну изъ клену, клънѫ), pchła (изъ błcha), plwać, płeć, род. płci, płta (плотъ), łza. Не находятъ соотвѣтствія въ Русскомъ: brzdąkać, brzmieć, u-brdać (ср. бредить), grdać, grdyka, krnąbrny, krta, krztyna, trwać, trwonić, trznąć, trznadel, trzpień. Дѣйствительное исключеніе изъ указаннаго правила составляютъ немногія слова, какъ rdzeń, стержень, krtań, гортань. Въ остальныхъ словахъ съ лъ, ръ въ Ст. Сл. Русскій и Польскій ставятъ гласную передъ р, л. Въ Поль. исключаются слова съ łu вм. лъ.

Вообще въ Славянскихъ нарѣчіяхъ перестановка плавныхъ (торгъ, targ и пр. изъ тръгъ) есть позднѣйшее отступленіе отъ правила, что плавная не сходится съ послѣдующею согласной. Съ нимъ аналогично и Древанское warna изъ wrana.

г) И усиленіе âр подчиняется въ Славянскомъ языкѣ общему для плавныхъ закону. Какъ *лак-ать* относится къ Лит. alk-unė, мѧ-ти къ Лит. min-ti, ꙗ-ти къ Лит. im-ti, такъ *вранъ* относится къ Лит. warnas. Въ Слав. â остается въ видѣ *ар* или *ор* передъ гласными, но измѣняется въ ра передъ согласными. Разница между этимъ явленіемъ и чередованіемъ носовыхъ гласныхъ съ слогами *ьн*, *им*, *ъм* та, что въ послѣднемъ есть вокализація согл. н, м, а въ первомъ перестановка; но стремленіе языка въ обоихъ случаяхъ одно и то же.

Согласно съ вышесказаннымъ, Славянскихъ *ар*, *ор*, *ал*, *ол* передъ гласными не слѣдуетъ смѣшивать съ Русс. *ор*, *ол* изъ *ър*, *ъл* передъ согласными: послѣдніе (торгъ, полнъ) замѣны ослабленій, а первые—усиленій. Примѣры чередованья формъ *ра, рѣ, ла, лѣ* и *ор, ар, ол, ал:*

Врѣти—вереть, *за-воръ* Ст. *вора*, заборъ и *варъ*,

перегородка рѣки.

Жрѣло, *жерело* и *об=жора*, *жаръ*.

Зрокъ, Поль. wzrok, Вр. *золокъ*, зоря, *золочить*, заниматься, о зорѣ (пр. злакъ) и *взоръ*, *зоря*, *заря*, *зарево*.

Брати—бороть и Ст. Сл. *борь*, *борьба*, *борьць*.

Клати, *колоть* и *кол-ю колъ*, *калить* (Лит. kalti, ковать).

Млѣти, *молоть*, *млатъ—молотъ* и *по-молъ*, Серб. *маљ*, молотъ, долбня, *малъ*, собств. мелкій, смолотый.

Мрѣти, *мереть* и *моръ*, *мары*.

Нерето и *норъ*, Ст. Сл. пещера, Русс. въ выраженіи «норъ тебя изныряй», *нореџъ*, м. б. *нары*, полати.

Прѣти, *переть* и *о-пора*.

Прѣти, contendere, м. б. Вр. «*переть* душой» лукавить, кривить, и Ст. Сл. *пора*, *споръ*, распря, Серб. *парац*, обвинитель.

Страна—сторона и *просторъ*.

Трѣти, *тереть* и *торъ*, бойкое мѣсто, Кашеб. tar, торная дорога, tarowac, Поль. torować, торить.

Сковрада, *сковорода* и *скваръ*.

Формы *колъ*,-*молъ*, *моръ* суть такія же усиленія, какъ *водъ* при *веду*, *бродъ* при *бреду*. Въ нихъ нѣтъ перестановки; потому что она имѣетъ мѣсто только передъ соглас. исключая предлогъ *прѣ*-*пере* въ такихъ случаяхъ какъ *переорать*.

Откуда взялись *рѣ*, *лѣ* (=ере, еле) при *ра*, *ла*? Объяснить ихъ одною перестановкою нельзя. Г. Лавровскій думаетъ, что *рѣ*, *лѣ* произошло отъ корней съ *ри*, *ли*, между тѣмъ какъ *ра*, *ла*—отъ корней съ *ар*, *ал*, *ра*, *ла*. «Въ этомъ случаѣ языкъ Русскій поступилъ, кажется, опредѣленнѣе самаго Санскрита, допускающаго поднятіе въ *ар*, *ал* и отъ корня съ *ра*, *ла*, и отъ корня съ *ри*, *ли*». Это невѣрно. Древнѣйшая форма предполагаемая словами *мрѣти*, *млѣти* есть *мар*, *мал*. Въ Литовскомъ одна и та же форма malti, kalti соотвѣтствуетъ двумъ Славянскимъ: *млѣти*, *клати*. При томъ же въ словахъ одного корня есть и *ра*, *ла* и *рѣ*, *лѣ* (*млѣ-ти*, *млатъ*). По этому различіе между *ра*, *ла* и *рѣ*, *лѣ* зависитъ не отъ дославянскихъ различій въ корняхъ, дан-

нымъ для объясненія этого явленія слѣдуетъ искать въ самомъ Славянскомъ языкѣ.

Славянское *ѣ* соотвѣтствуетъ не только Скр-му ê, но и Скр-му â, (и а?) и есть ослабленіе этого послѣдняго: Сл. *дѣлъ*, часть, Лит. dalis ж. и dala, тоже, Скр. *дала-м*, тоже, Гот. dails, корень Скр. *дал*, findere, dissecare; Сл. *дѣ-ти*, класть, Лит. dėti, Скр. dhâ, тоже; *ѣ-ду*, Лит. jó-ti, Скр. jâ, то-же; *вѣ-ять*, *вѣ-тръ*, Лит. wėjas, Скр. вâта, вѣтеръ, корень вâ, вѣять; *сѣд-ѣти* —кор. *сад*.

Но *а* является въ Славянскомъ усиленіемъ звука *ѣ*, какъ видно *сѣсти-садити*, *лѣсти-лазити*, *рѣзати-разити*.

Такъ и въ Литовскомъ, гдѣ Сл-му *а* долгому соотвѣтствуетъ о: sėdėti—sodinti.

Какъ *сѣсти* относится къ *садити*, такъточно *рѣ*, *лѣ* относится къ *ра*, *ла: врѣсти-вразъ*, *врѣшти-врахъ* (trituratio), *врѣтено—вратити*, *стрѣти—страна*, *стрѣшти—стража*, *влѣшти-влакъ*, *облакъ*, *млѣти-млатъ*, *млѣсти—млазъ*, *плѣсти* (ползти)—*плазъ*, *тлѣшти—тлачити*.

Слѣдовательно *рѣ*, *лѣ* есть знаменательное Славянское ослабленіе усиленія *ра*. Оно само есть усиленіе по отношенію къ *ръ*, *лъ* и къ основнымъ формамъ.

Какъ *ѣн*, *ъм* общи Старославянскому и Русскому, между тѣмъ какъ ѧ, ѫ замѣнены въ Русскомъ черезъ *я*, *у;* такъ *ор*, *ар*, *ол*, *ал* общи обоимъ нарѣчіямъ, тогда какъ Ст. Сл-му *ра*, *ла* и пр. соотвѣтствуютъ въ Русс. *оло*, *оло*. *ѣн*, *ъм* относятся къ ѧ, ѫ (я, у), какъ *ар*, *ал* и пр. къ *ра* (оро и пр.). Если изъ существованія въ Русскомъ формъ *мну*, *дму* при *мять*, *дуть* выводимъ, что эти послѣднія предполагаютъ юсы (мѧти, дѫти); то изъ существованія формъ *воръ*, *варъ* при *вереть* и т. п. можемъ съ большею вѣроятностью заключить, что полногласіе предполагаетъ формы *ра*, *ла* и пр. Вѣдь никто же не думаетъ, что Русс. языкъ образовалъ свое я, у (=ѧ, ѫ) непосредственно изъ *ан*, *ам*, *им*, минуя формы, сохранившіяся въ Ст. Сл-мъ.

V.

Положимъ, вѣроятно, что Русское полногласіе предполагаетъ общеславянское *ра* и пр.; но какимъ именно

путемъ могло оно образоваться?

Аналогіи этому явленію слѣдуетъ искать въ звуковыхъ замѣнахъ, которыя выше мы старались отличить отъ усиленія или поднятія.

Всѣ Индоевропейскіе языки различали нѣкогда долготу и краткость простыхъ гласныхъ; двоегласные были непремѣнно долги. Отъ этого зависѣла метричность рѣчи и стиха. Въ настоящее время изъ европейскихъ языковъ сохранили долготу очень немногіе, да и въ тѣхъ она уже не глубоко входитъ въ строй языка, уже напр. не служитъ основою стихосложенія. Рядомъ съ сокращеніемъ звуковъ долгихъ простыхъ двоегласные слились въ одинъ звукъ, гласные первоначально короткіе, не поддерживаемые позиціею или удареніемъ, потеряли свою опредѣленность, измѣнились въ другіе или исчезли безъ слѣда; разстоянія между звуковыми стихіями слова уменьшились, вслѣдствіе чего стихіи эти стали вліять другъ на друга.

По своимъ результатамъ, этотъ процессъ (*) можетъ быть названъ *паденіемъ* гласныхъ, но въ составъ его входятъ явленія, по видимому, противоположнаго свойства. Я разумѣю образованіе двоегласныхъ изъ простыхъ, и чистыхъ гласныхъ изъ глухихъ. Это усиленіе назовемъ фонетическимъ въ отличіе отъ *гуны*, *вридги* и вообще, отъ, такъ сказать, логическаго усиленія, которое по своимъ отношеніямъ совершенно отлично отъ перваго. Въ однихъ языкахъ, именно въ романскихъ, удерживаютъ древнюю простоту преимущественно звуки долгіе или находящіеся въ позиціи, и измѣняются въ двоегласные преимущественно звуки короткіе. Такъ въ Итал. и Фр. только короткое Лат. *е* переходитъ въ *іе:* brieve (brĕvis), diece (dĕcem), bien (bĕne), dieu (deus); только короткое Лат. o—въ Итал. *uo*, Исп. *ue*, Волош. *oa*, Фр. *eu*. Такого происхожденія изъ краткихъ почти всѣ французскіе дифтонги: *ai*, *ei*, *eu*, *oeu*, *ou*, которые въ выговорѣ опять

(*) Времени, когда онъ начинается, нельзя опредѣлить; онъ сопровождаетъ всю жизнь языка. И *усиленія*, только что появившись, начинаютъ разрушаться наравнѣ со звуками неусиленными.

стали простыми. Другіе языки образуютъ двоегласные только изъ простыхъ долгихъ, какъ бы стараясь поддержать ихъ падающую долготу; таковъ напр. Верхненѣмецкій. Др. В-нѣм. î, неуклонно замѣняющее готское *ei*, но вѣроятно болѣе древнее, чѣмъ этотъ дифтонгъ, въ нов. В-нѣм. переходитъ въ *ei*, которое теперь большею частью выговаривается за *ai:* Др. В-нѣм. mîn, svîn, Нов. В-нѣм. mein, schwein. Гот. и Др. В-нѣм. û, въ Н. В. нѣм. переходитъ въ au: Гот. dûbo, rûm, Др. В-н. tûba rûm, Нов. taube, raum. Изъ Гот. ô—Др. В-нѣм. ua, uo, Сред. В-нѣм. uo (fluoch, bruoder, ruofen), новое опять u, fluch, bruder, rufen.

Такая наклонность дифтонгировать долгіе гласные есть и въ Слав. нарѣчіяхъ. Въ Чешскомъ:

ѣ, которое, всилу своего происхожденія изъ *ai*, должно бы быть вездѣ долгимъ, частью сокращается. Долгое до конца XIV и начала XV в. замѣняется двоегласною *ie* (viera), а короткое простымъ ě (věřím). Въ Словенскомъ такъ остается до сихъ поръ, но въ Чеш. въ XV в. *ie* изъ *ѣ*, равно какъ и всякое долгое е (изъ *ѧ*, изъ стяженія звуковъ *ије*) измѣняется въ долгое í, между тѣмъ какъ короткое ě остается (víra, věřím).

í долгое въ Крал. ркп. замѣняется черезъ ie (siela, cuziech); въ половинѣ XIV в. и эта замѣна большею частью переходитъ въ *и*.

ó долгое около того же времени образуетъ двоегласную *uo* (buoh, suol), которая и теперь живетъ въ Словенскомъ, но въ Чеш. въ началѣ XVI в. перешла въ ů (у съ чуть слышнымъ *о*), равное теперь чистому у (u).

ú долгое въ концѣ XIV в. переходитъ въ au (ау), чуждое Словенскому, ослабленное въ современномъ Чеш. въ ou: Древ. Чеш. súditi, rúcho, Сред. sauditi, raucho, Нов. souditi, roucho.

ý долгое въ XIV в. переходитъ въ aj, теперешнее ej: dobrej, zlej.

Какъ въ Чеш. такъ и въ Серб. *ѣ* то остается долгимъ, то сокращается. Въ южномъ Сербскомъ короткое *ѣ* остается въ видѣ односложнаго *ѥ* (je, по правописанію Караджича), а долгое разлагается на два слога ије. Это ије изъ *ѣ* представляется намъ явленіемъ сходнымъ

съ Русскимъ *оро* и пр. изъ *ра* и пр. Сходство это увеличится, какъ скоро обратимъ вниманіе на то, что по удареніямъ Ю. Серб. ије точно такъ относится къ Вост. Серб. *е*, какъ Русс. *оро* къ Серб. и по предположенію, Общеславянскому *ра*. Прежде чѣмъ докажемъ это, сообщимъ нѣкоторыя свѣденія о Сербскихъ удареніяхъ изъ малоизвѣстной у насъ книжки А. Мажуранича «Slovnica Hèrvatska». Zagreb, 1861, Dio I, 2 izd.

Въ *Штокавскомъ* нарѣчіи (оно же и литературное Сербское) краткій слогъ можетъ имѣть двоякое удареніе:

а) *Болѣе тяжкое* (̏), подъ коимъ произносится гласная такъ, какъ-будто за нею слѣдуетъ удвоенная согласная: *бра̏т*, *бра̏та*, *кње̏ига*, *ко̏ло*, *о̏лово*, *гле̏дати*, какъ въ Нѣм. и Итал. sattel, fallen, mitte, fallo, fatto. Старинные хорватскіе писатели и немногіе изъ новыхъ, писавшихъ Кириллицею, обозначали это удареніе удвоеніемъ слѣдующей согласной: окко вм. о̏ко.

б) *Менѣе тяжкое* (̀), которое произносится слабѣе и протяжнѣе предъидущаго, нѣсколько сходно съ облеченнымъ, но короче его; первые слоги въ словахъ *во̀да*, *го̀ра*, *но̀га*, *о̀тац*, подъ удареніемъ имѣющіе нѣкоторую долготу, становятся совсѣмъ краткими, теряя удареніе *по̏ воду*, *по̏д ногу*, *за̏ гору*.

Въ долгихъ слогахъ удареніе тоже двоякое:

в) *Облеченное* (̑), когда болѣе тяжкое удареніе падаетъ на первую половину долгаго слога: *да̑н*, *ме̑со*, *пи̑р*, *бо̑г*, *зу̑б*, читай *да̏ан*, *ме̏есо*, *пи̏ир*, *бо̏ог*, *зу̏уб*.

г) *Острое* (́), когда менѣе тяжкое удареніе стоитъ на второй половинѣ долгаго слога: *гла́ва*, *пе́та*, *ви́но*, *ру́ка*, читай *глаа̀ва*, *пеѐта*, *виѝно*, *руу̀ка*. (*)

(*) Мажураничъ употребляетъ для случаевъ *в* знакъ, ́, а для *г*—знакъ ̂ (да́н, гла̂ва), слѣдуя въ этомъ примѣру старинныхъ хорватскихъ лексикографовъ. Мы слѣдуемъ Караджичу, который пишетъ да̑н, гла́ва, потому что его словарь пользуется несравненно большею извѣстностью, чѣмъ словари его предшественниковъ. Замѣтимъ при случаѣ, что въ словарѣ Караджича знакъ ̑ обозначаетъ не только аа и т. д., но и *аа* т. е. долготу безъ ударенія, а потому часто стоитъ и на послѣднемъ слогѣ: *пи̑ше̑м* вм. *пи̑шем*. Это единственная извѣстная мнѣ и несомнѣнная неточность у Караджича въ разстановкѣ удареній. Все же знакъ ̑ всегда обозначаетъ долготу.

Изъ сказаннаго видно, что въ Штокавскомъ есть собственно только два ударенія: болѣе тяжкое (̏) и менѣе тяжкое (̀). Два же остальныя, служащія вмѣстѣ и для обозначенія долготы, тождественны: облеченное—съ болѣе тяжкимъ (Бȏг=бȍог), острое—съ менѣе тяжкимъ (ру́ка=руу̀ка).

Штокавскія ударенія подчиняются слѣдующимъ общимъ правиламъ:

1. Никакое удареніе не можетъ стоять на концѣ двухсложнаго или многосложнаго слова, будетъ ли послѣдній слогъ короткій, или долгій.

2. Облеченное и болѣе тяжкое могутъ стоять только на первомъ слогѣ съ начала слова: *гра̑д*, *су̑нце*, *пи̑шемо*, *па̑мѣе̄ње̄*, *бра̏т*, *ко̏ло*, *о̏лово*, *ца̏ревић*.

3. *Острое* и *менѣе тяжкое* могутъ быть на всякомъ слогѣ, кромѣ послѣдняго: *Слобо̀да*, *ко̀љено*, *на́рода*.

Чакавское нарѣчіе (*) имѣетъ такія же ударенія, кромѣ менѣе тяжкаго, но въ немъ они могутъ находиться на всякомъ слогѣ, не исключая послѣдняго. Нарѣчіе это особенно для насъ важно, потому что, какъ замѣтилъ и Мажураничъ, въ тоническомъ отношеніи оно представляетъ поразительное сходство съ Русскимъ.

Отношеніе Чакавскихъ удареній къ Штокавскимъ опредѣляется слѣдующими правилами:

1. Всякое Чакавское удареніе, стоящее въ серединѣ или на концѣ слова о двухъ или болѣе слогахъ, въ Штокавскомъ переходитъ на предъидущій слогъ, именно какъ острое (а́=аа̀), если этотъ предъидущій слогъ долгій, или какъ менѣе тяжкое, если онъ короткій: Чак. *гла̄ва̏*, *вода̏*, *доброта̏*, *незна̑м*, *неда̑м*, Шток. *гла́ва*, *во̀да*, *добро̀та*, *не̏зна̄м*, *не̏да̄м*.

2. Если въ Чакавскомъ удареніе стоитъ на первомъ слогѣ, то оно остается на немъ и въ Штокавскомъ, при чемъ болѣе тяжкое и облеченное не измѣняются, а Чак. острое (аа̀) переходитъ въ Шток. облеченное: Чак. *о̏ко*, *м̑со*, *пи́шем*, Шток. о̏ко, ме̑со, пи̑ше̄м. Такимъ образомъ Штокавское облеченное удареніе (а̑=а̏а)—двояка-

(*) Въ адріатическомъ приморьи и на островахъ.

го свойства: одно общее Штокавскому съ Чакавскимъ и, какъ увидимъ, болѣе древнее (*да̑р*, *бо̑г*, *та̑бор*, *су̑нце*, *гла̑ву*), другое—исключительно Штокавское, соотвѣтствующее Чакавскому острому и, какъ окажется, болѣе новое: *ба̑н*, *кра̑ј*, *пи̑ше̄м*=Чак. *ба́н*, *кра́ј*, *пи́ше̄м*. Въ произношеніи нѣтъ разницы между этими двумя облеченными, но, въ случаѣ соединенія слова съ предлогомъ, облеченное древнее, общее съ Чак. переходитъ на предлогъ въ видѣ болѣе тяжкаго, какъ и въ Чакавскомъ, а облеченное новое—въ видѣ менѣе тяжкаго. Такъ Чак. *су̑д*—сосудъ, а *су́д*—судъ; въ Шток. и то, и другое звучитъ *суд*, но разница обнаруживается при переходѣ ударенія на предлогъ: *ста̏ти на̏ сӯд*—стать на бочку (такъ и въ Чак.), *стати на̀ сӯд* (чак. на *су́д*) явиться на судъ.

Существованіе этихъ правилъ доказываетъ, что ни сходства, ни различія Чакавской и Штокавской интонаціи не случайны, но что одно изъ этихъ нарѣчій, какъ болѣе древнее, служитъ въ этомъ отношеніи основаніемъ другому. Мажураничъ стоитъ за большую древность Чакавскаго ударенія (а стало-быть и Русскаго, на сколько оно сходно съ Чак.) на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Штокавское нарѣчіе прилаживаетъ къ себѣ иностранныя слова, передвигая въ нихъ ударенія на предъидущій слогъ, если это возможно: Ἰησοῦς—И́сус, ἀπόστολος—а́постол, μετάνοια—мѐта̄нија, ἀμήν—а́мин; Тур. пара̏, паша̏—па̏ра, па̏ша; Нѣм. gerȅcht, gewîss—ге́рехт, гѐвис. Можно предположить, что всилу такого-же стремленія это нарѣчіе удалилось и отъ Чакавскаго. Обратнаго предположенія сдѣлать нельзя, потому что Чакавское, не измѣняя ударенія въ иноязычныхъ словахъ, тѣмъ самымъ доказываетъ, что не имѣетъ стремленія переиначивать и Штокавскаго ударенія. Стало-быть по отношенію къ ударенію Чакавское можетъ быть древнѣе Штокавскаго, но не наоборотъ.

б) Если-бъ Чакавское нарѣчіе уклонилось отъ Штокавскаго, подвинувши ударенія къ концу, то не было бы ни одного неслучайнаго совпаденія Чак. и Шток. ударенія, исключая слова односложныя, потому что Шток. не

имѣетъ удареній на концѣ многосложныхъ словъ и тѣмъ даетъ просторъ движенію удареній отъ начала слова къ концу. Но Чак. облеченное и болѣе тяжкое, стоящее на первомъ слогѣ, остается и въ Шток. Это было бы не объяснимо безъ предположенія, что здѣсь не было ходу штокавскому стремленію подвигать удареніе къ началу слова. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что какъ скоро къ инымъ словамъ, одинаковымъ по ударенію въ обоихъ нарѣчіяхъ (зна̏ти, у̑лица), приставляется проклитическая частица, то Шток. переноситъ удареніе на эту частицу, а Чак. нѣтъ: Шток. нѐ знати, нȁ улицу, Чак. не зна̑ти, на у̑лицу.

в) Различная природа Шток. облеченнаго ударенія на первомъ слогѣ (см. выше Шток. су̑д, но нȁ суд, на бочку, а нȁ су̑д—на судъ), объясняется Чакавскимъ нарѣчіемъ, но, на оборотъ, Чак. различіе су̑д отъ су́д не можетъ быть объяснено Штокавскимъ. Слѣдовательно послѣднее въ этомъ отношеніи новѣе.

г) Въ области Штокавскаго нарѣчія есть мѣстами Чакавское удареніе, напр. въ Боснѣ (въ Сараевѣ и др.) въ части Славоніи, въ Восточной Сербіи, въ Черной Горѣ. Послѣ сказаннаго, на эти островки можно смотрѣть какъ на остатки древняго, обще-сербскаго ударенія. Чакавская интонація повсемѣстно уступаетъ Штокавской.

До сихъ поръ Мажураничъ. Мы прибавимъ, что онъ, доказывая большую древность Чак. ударенія, имѣлъ безъ сомнѣнія въ виду и наиболѣе сильное доказательсто, именно сходство Чак. ударенія съ Русскимъ. Такое сходство двухъ удаленныхъ другъ отъ друга нарѣчій можетъ быть только остаткомъ общей имъ старины, но никакъ не слѣдствіемъ одинаковаго позднѣйшаго развитія.

Теперь возвратимся къ сербской замѣнѣ звука *ѣ* и къ тоническимъ отношеніямъ Русс. *оро* и Серб. ра.

а) Короткое Вост. Серб. е (=ѣ) замѣняемое въ Юж. Серб. мягкимъ *е*, можетъ или вовсе не имѣть па себѣ ударенія, или же имѣть одно изъ удареній, свойственныхъ короткимъ слогамъ: Юж. Серб. ђевòвати, трпљети вје̏нчати, сјѐкира; бје̏жати, вје̏ра, вје̏гар, ђе̏д, ђе̏ло=

Вост. Серб, девȍвати трпети и т. д. Попадаются у Караджича несоотвѣтствія между удареніями и долготами восточными и южными, напр. Вост. бȅо, дȅо, цȅо, Юж. бȉјел, дȉјел, цȉјел, тогда какъ слѣдовало ожидать въ Юж. краткаго је, бјȅо и пр. Такія несоотвѣтствія рѣдки.

б) Вост. Серб. ê, т. е. ȅе=Юж. Серб. ȉје, въ которомъ, очевидно ударенiе остается на томъ-же слогѣ, на которомъ оно стояло въ Восточномъ: Юж. Серб. бȉјес вȉјек, зȉјев, лȉјева, лȉјек, лȉјен и проч. (*)=Вост. бêс, вêк и проч.

в) Вост. Серб. é, т. е. еѐ=Юж. Серб. ијѐ: Юж. Серб. сијѐда, свијѐтла, бијѐда, вијѐнац и пр.=бéда, свéтла и проч.

Отсюда видно, что долгое *е*, разлагаясь на явственные два слога, не измѣняетъ ударенія; изъ слѣдующаго мы увидимъ, что и *ра* и пр. разлагаясь на Русс. *оро*, тоже не измѣняетъ ударенія.

Въ Серб. *ра*, *рѣ*, *ла*, *лѣ* могутъ быть и коротки, и долги. Первоначально всѣ они были только долги, какъ и всѣ *ѣ*, потому что какъ *ѣ* изъ *аі*, которое долго какъ двоегласная, такъ ра и пр.—изъ âр. Краткость въ обоихъ случаяхъ произошла, по всей вѣроятности, уже въ Славянскій періодъ, и условливается не происхожденіемъ *ѣ* или *ра*, а свойствомъ суффиксовъ. Такъ *е*, *ра* долги въ вéнац—вијѐнац, смрâд, но коротки въ вјѐнчати, смрȁдити.

аа) Короткіе Чак. и Шток. рȁ, лȁ, рȅ, лȅ=Русс. орó, олó, ерé, елé: блȁто, мрȁз, брȅза, млȅти—болóто, морóзъ, берéза, молóть.

бб) Долгое Чак. и Шток. рâ, т. е. рȁа и пр.=Русс. óро и пр.; какъ въ Сербск., такъ и въ Русскомъ удареніе стоитъ на первой гласной: врâн, глâс, брêг=вóронъ, гóлосъ, бéрегъ.

вв) Долгое Шток. рá, т. е. раа̀ имѣетъ удареніе позднѣйшее; въ Чак. и, стало быть, въ древнемъ обще-сербскомъ оно вовсе лишено ударенія, такъ что Шток. стрáна, глáва, срéбро, млéко должны звучать въ Чак.: страанȁ, глаавȁ,

---

(*) Въ первомъ изд. словаря Караджича на всѣхъ подобныхъ словахъ ошибочно стоитъ удареніе ̀: бѝјес и т. д.

среебрȍ, млекȍ. Этимъ последнимъ вполнѣ соотвѣтствуютъ Русс. *оро* и пр. безъ ударенія: сторона́, голова́, молоко́.

Эти правила имѣютъ нѣкоторыя исключенія, но незначительныя.

Изъ соотвѣтствій подъ аа, бб, вв, видно, что тѣ искомые слоги, изъ которыхъ развилось русское полногласіе, въ тоническомъ и количествен. отношеніи были совершенно равны общесербскимъ *ра* и пр.: они были коротки или долги въ тѣхъ-же случаяхъ, что и Сербскіе; долгіе имѣли удареніе на первой или второй половинѣ долготы въ тѣхъ-же словахъ, что и Сербскіе. Отсюда заключаемъ: и во всемъ остальномъ эти слоги были равны, т. е. Русское *оро* и пр. развилось изъ *ра* и пр. посредствомъ такого-же разложенія, какъ Серб. ӣје, ије изъ ê, é (*).

Сходство Русскихъ и др. Сербскихъ удареній не ограничивается одними полногласными въ Русскомъ словами: оно проходитъ черезъ всѣ склоненія существительныхъ и прилагательныхъ, измѣненія по степенямъ, спряженія, словообразованія, что мы постараемся доказать въ другомъ мѣстѣ. Встрѣчаются и различія, но, какъ справедливо замѣчаетъ Мажураничъ, слѣдуетъ удивляться не тому, что они есть, а тому, что они такъ малы въ языкахъ племенъ, живущихъ розно уже въ теченіе столькихъ столѣтій. Тоническое сходство Русскаго и Сербо-хорватскаго (а вѣроятно и Хорутанскаго, и Болгарскаго) есть такая прочная основа предположенія, что Русь составляла еще одно племя съ теперешними Задунайскими Славянами послѣ отдѣленія западныхъ племенъ, что передъ

(*) Можно здѣсь сдѣлать такое возраженіе: Вост. Серб. ȅ = Юж. Серб. јȅ (одинъ слогъ); слѣдовало бы ожидать, что и Серб. ра̑ не разложится въ Русс. на два слога оро, а останется въ видѣ *ра;* но мы видимъ противное. Слѣдовательно соотвѣтствіе между измѣненіями *ѣ* и переходомъ *ра* въ *оро* не полно. Возраженіе это имѣетъ силу. Изъ него слѣдуетъ, что *ра* разлагается въ *оро* не въ силу одной долготы. Впрочемъ дальнѣйшіе выводы, которые быть можетъ опровергнутъ нѣкоторыя наши положенія, предоставляемъ другимъ. Изслѣдователю нечего бояться упрека въ томъ, что онъ самъ не увѣренъ въ истинѣ своихъ словъ: если избранный имъ путь оказывается ложнымъ, то для другихъ польза въ томъ, что они увидятъ эту ложность.

нею кажутся ничтожными основанія дѣленій Добровскаго и Шафарика, эти *розъ* и *разъ*, *вы* и *изъ* и т. п.

Всѣ западныя нарѣчія, за исключеніемъ малоизвѣстнаго въ этомъ отношеніи Кашебскаго (Гильф. Ост. Сл. 86, Этн. Сб. V), потеряли подвижность удареній. Наклонность къ этому могла быть однимъ изъ первыхъ признаковъ ихъ отдѣленія отъ юговосточныхъ. Также велико и количественное различіе между сохранившими долготу западными (именно Чешскимъ и Словенскимъ) и Сербохорватскимъ. Въ словахъ съ *ра* и пр. (=оро) Сербскимъ короткимъ соотвѣтствуютъ Чешск. долгіе (Серб. мра̏з, кла̏да, бре̏ме, пле̏ва, Чеш. mráz, kláda, břime, plíva) и наоборотъ, Сербскимъ долгимъ Чешскіе короткіе: Серб. гра́д, мла́д, брêст, жлêб, бра́да, гла́ва, Чеш. hrad, mlad, břest, žlab, brada, glava. По счету г. Лавровскаго, на 123 случая въ Чешскомъ есть только 16 исключеній изъ этого правила. Если обратить вниманіе на производныя, то значительно увеличится общее количество словъ, въ коихъ видна противоположность Сербскаго и Русскаго съ одной стороны и Чешскаго съ другой. Такъ Сербскій, приставляя окончаніе ац, ак (ьць, ъкъ) къ словамъ съ удареніемъ облеченнымъ, измѣняетъ это удареніе на острое. Согласно съ этимъ въ Русскомъ изъ óло дѣлается оло̆ (безъ ударенія): Серб. глâс, гла́сак, гла́сац, Русс. го́лосъ, голосо́к, голосе́цъ, голосо́чекъ и пр. Наоборотъ, Чешское, приставляя окончанія ек, ечек, удлинняетъ короткое la въ lá: wlásek (отъ wlas), wlásecek, hlásek, klásek, chladek, prášek, mráček. Увеличится также число неправильностей. Такъ въ Русск. и Серб. глаголы съ характеромъ *и*, въ неопредѣленномъ накл. вообще согласны по удареніямъ, и расходятся только въ настоящемъ времени: Серб. бла́жати, зла́тити, гра́дити, мла́дити, хла́дити, вла́чити, гла́сити, мла́тити, пра́шити, вра́нити, (за) бра́нити, жлиjе̏бити хра́нити=Русс. золоти́ть и пр.; Серб. вла̏жити, здра̏ви, ти, мра̏зити, смра̏дити=Русс. воло́жить и пр. Но въ Чешскомъ значительныя неправильности: blažiti, zlatiti, hraditi, mladiti, sladiti, chladiti, всѣ съ краткимъ *а*, какъ и слѣдовало ожидать, зная что въ Серб. здѣсь а долгое; но

wláčiti hlásiti, mlátiti, prášiti, brániti, klátiti chrániti, что предполагаетъ Серб. вла̏чити, Русс. волóчить; wlažiti, zdraviti, mraziti, smraditi, всѣ съ короткимъ *а*, что предполагаетъ Серб. вла́жити или вла̂жити, Русс. воложи́ть или вóложить. Вообще неправильностей въ этомъ отношеніи немало, но правило о соотвѣтствіи Чешской долготы (въ Сл. съ *ра* и пр.) Сербскому ̏, а Чешск. краткости Сербскимъ долготамъ, стоитъ довольно прочно. Мы видимъ въ немъ фактъ неподлежащій сомнѣнію, хотя и требующій объясненія; но г. Лавровскій думаетъ, что Караджичъ ошибся, назвавши ̏ знакомъ наиболѣе остраго (по принятой нами терминологіи—болѣе тяжкаго) ударенія, а ̂ и ́ знаками долготы, что на самомъ дѣлѣ совсѣмъ наоборотъ: а̏ въ Сербскомъ долго, а â кратко, что стало быть между Чеш. и Серб. въ количественномъ отношеніи не противоположность, а согласіе. На это можно возразить, во-первыхъ, что лучше въ подобномъ случаѣ положиться на тонкость слуха такихъ знатоковъ Серб. языка какъ Караджичъ, который конечно понималъ, въ чемъ разница между *а* и *аа*, чѣмъ на свои соображенія; во-вторыхъ, что краткость ̏ видна изъ неразложенія *ѣ* подъ этимъ знакомъ: вје̏ра а не вијера.

Переходимъ къ другому вопросу, о происхожденіи Поль. и Лужиц. *ро*, *ло*. Что *о* въ этихъ слогахъ есть замѣна общеслав. â, не связанная съ измѣненіемъ смысла, это можно заключить изъ того, что есть и другіе случаи такой замѣны. Не говоря уже о Литовскомъ *о*, правильно замѣняющемъ долгое *а*, укажемъ на Мазовецкое pon, mom изъ pān, mām. Въ Кашебскомъ *а* переходитъ въ *о* обыкновенно, когда находится подъ удареніемъ, и всегда, когда долго: въ окончаніи прил. жен. *а* изъ *ая*=о, но въ им. ед. им. сущ. ж. оно, какъ краткое (въ Слав.) остается: piato noga, pańsko łaska, duobro žora; въ znaja оно остается, а въ žnoš, zno переходитъ въ о, потому что оно изъ *ае*. «Вообще, говоритъ Гильфердингъ, въ Каш. и Слав. слышно постоянное колебаніе между *а* и *о*, особенно подъ удареніемъ; одинъ и тотъ-же человѣкъ произнесетъ то ja, то jo, то gadac, то godoc, то

gođac, ибо собственно тутъ существуетъ звукъ средній между обѣими гласными, склоняющійся то въ ту, то въ другую стороны и неуловимый на письмѣ». Однако перехода *о* въ *а* нѣтъ.

Если Поль. го, ło происходятъ изъ долгаго га, ła, то значитъ Польск. языкъ не имѣлъ Русс. и Серб. различенія между краткимъ грӑх, горóхъ и долгимъ грâд, гóродъ? Поль. языкъ ни чѣмъ не отмѣтилъ этой разницы и въ обоихъ случаяхъ имѣетъ го: groch, grođ. Онъ могъ однако знать эту разницу и забыть ее, смѣшавши удареніе съ долготою, точно такъ какъ смѣшались эти явленія въ Кашебскомъ при переходахъ *а* въ *о*.

Относительно такихъ словъ какъ *молоко* (млѣко) мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Лавровскаго, впрочемъ несогласное съ остальными его мнѣніями: «какъ ни мала масса словъ полногласныхъ съ *лѣ*, но изъ нея можно смѣло дѣлать заключеніе, что еще въ доисторическую пору большая часть корней (*) этихъ словъ въ Русс. языкѣ измѣнила *лѣ* въ *ла* и уже отсюда образовала полногласное *оло*». Согласно съ этимъ и Поль. płowa (полова) произошло изъ pława, а это изъ *плѣва*. На дѣйствительность такого перехода *лѣ* въ Поль. ła можетъ указывать Каш. p ac, piele=Поль. pleć, pielę, полоть. Трудно сказать, предполагаетъ ли исключительно Польскій переходъ rźe въ rzo=среднюю форму rza (trzođa, trzos, череда, черéсъ); ср. однако въ неполногласныхъ grzac, грѣять, chrzan, Каш. chrzun (chrzon?), хрѣнъ. По видимому переходъ rze въ rzo въ словахъ=ере, какъ и переходъ *ѣ* въ *іа* вообще, зависитъ между прочимъ отъ качества, особенно отъ мягкости или твердости послѣдующей согласной: сущ. przód—на przeđzie, srzođa—srzedni, srzon—srzenisty, подобно тому какъ biały, bielić, trzask—trzeszczeć и т. д. Однако много исключеній.

Замѣчаніе г. Лавровскаго, что только тѣ нарѣчія, которыя не сохранили глухихъ звуковъ при р, л, именно Русское и Польское съ Луж., имѣютъ полногласіе или

(*) Слово «корней» здѣсь лишнее.

соотвѣтствующія ему замѣны слоговъ ра, ла, можетъ имѣть тотъ смыслъ, что фонетическое усиленіе слоговъ ра, ла и пр. произошло отъ того-же стремленія, которое *послѣ* превратило глухіе при плавныхъ въ чистые.

Если сочетанія ра, ла, рѣ, лѣ лежатъ въ основаніи Русскаго полногласія, и Поль. го, ło, то весьма вѣроятно, что отъ нихъ остались въ Русс. и Поль. хоть незначительные слѣды. Такъ въ Малорусскомъ не всякое *ѣ* перешло въ *і*; иное осталось въ видѣ *е*. Такъ въ Поль. осталось много словъ съ rze изъ рѣ и нѣсколько съ le изъ лѣ (brzeg, mleko) при словахъ съ rzo, ło (brzoza, młokos). И полногласіе могло «не разойтись по всему составу языка», могло оставить иныя слова при прежнемъ ихъ произношеніи. Существованіе въ Поль. словъ съ ra, ła (=оро оло) не признается г. Лавровскимъ; однако замѣтимъ, кромѣ приводимаго имъ płókać при płakać, еще четыре: błagać, умолять, błazen, шутъ, при b ogi; płaz гадъ (полозъ) и płazem, плашмя при płoz szabli; władza, władnąć właśny при włość straż, ж. р. при stróż. Конечно, эти неправильности можно объяснять постороннимъ вліяніемъ; но мы считаемъ нужнымъ прибѣгать къ подобнымъ объясненіямъ только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія объясненія окажутся негодными. Такъ напр. Поль. błahy, пустой, пустячный должно быть слово по формѣ не Польское, потому что Польскому языку чуждо h теперь, а тѣмъ болѣе было чуждо прежде, когда его не было ни въ одномъ Слав. нарѣчіи. И въ Русскомъ найдутся, вѣроятно, слова незахваченныя полногласіемъ, кромѣ приводимыхъ г. Лавровскимъ *платъ*, *плакать* при *полотно*, *полоскать*. Таковы кажутся напр. слова *благо*, *благой*. Вр. *благо*, много, немного, хорошо, дурно; *благой*, худой, безобразный, шаловливый, безпокойный; «благое тебя побери», чтобъ ты съ ума сошелъ; *блажь*, шалость, глупость; Мр. *благий*, —*енький*, пустой. Ни одного изъ этихъ значеній нѣтъ при Ст. Сл. *благъ*, *благо* ни у Востокова, ни у Миклошича, такъ что вліяніемъ Ст. Сл. эти значенія объяснить трудно. Мало вѣроятности, чтобы чужая форма, равносильная народной, заимствовалась въ тѣхъ случаяхъ, когда

удерживаемое народное значеніе слова столь отлично отъ Церк. Славянскаго. Можетъ быть, сюда-же относится Арх. *временить*, измѣнять видъ отъ преломленія лучей въ воздухѣ.

VI.

Однако многія слова съ ра, ла, рѣ, лѣ въ Русскомъ не потому не имѣютъ полногласія, что полногласіе не успѣло еще охватить ихъ, а потому что они не заключаютъ въ себѣ условій полногласія, потому что строеніе ихъ совсѣмъ не такое, какъ полногласныхъ. Пояснимъ это.

Во-первыхъ, слова *плавать* (кор. *плу*), *слава* (кор. *слу*), *право* (кор. предполагаемое *пру*, Скр. бру̂, говорить), *трава*, (кор. тру, ѣсть), не имѣютъ полногласія потому, что въ нихъ *ав* есть двойное усиленіе кореннаго *у*, что оно вмѣстѣ съ этимъ *у* составляло дифтонгъ и всегда стояло послѣ плавной, тогда какъ полногласіе предполагаетъ усиленіе а̂р, въ которомъ *а* первоначально предшествуетъ плавному звуку, потомъ, въ Славянскомъ періодѣ, перестановляется въ *ра*. Г. Лавровскій не допускаетъ, чтобы слово *соловей*, обыкновенно производимое отъ *слу*, говорить, было исключеніемъ изъ этого правила. Онъ сближаетъ *соловей* съ Скр. çарварӣ, ночь, собственно, какъ предполагаетъ Максъ Мюллеръ, «темная» (Zeitschr. f. V. Spr. V, 149) и непосредственно къ тому-же Скр. слову относитъ *соловой*, которое будто-бы значитъ темный. Но *соловей* значитъ не темный, а сѣроватый, даже бѣлый, судя по Вр. Обл. *соловцы*, бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра; оно относится къ *соловей*, какъ *голубой* къ *голубь*. Что же до самаго *соловей*, то проще допустить, въ видѣ исключенія, производство отъ *слу*, чѣмъ искать объясненія въ темномъ Скр. словѣ. Будетъ ли суффиксомъ этого слова—варӣ (Бенфей; кор. çр̥) или—арӣ, во всякомъ случаѣ нельзя допустить перехода звуковъ этого суффикса въ Слав. *ій*, нужно сблизить, стало-быть, *славій* не съ çарварӣ, а съ предполагаемымъ (основательно-ли не знаю) корнемъ этого слова çарв, убивать; но

мы не видимъ средней ступени между значеніемъ этого слова и значеніемъ *соловей*. Приведенное значеніе корня *çарь* есть единственное (кромѣ синонимовъ), какое находится у Боппа, Вестергарда, Бенфея.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ различать строеніе такихъ словъ какъ *брати*—бороть, и *брати*—брать. Глаголы: *врѣти—вереть*, *мрѣти—мереть*, *прѣти*, пр. *переть* (спорить), *прѣти*, *переть*, *стрѣти*—пр. *стереть*, *трѣти—тереть; клати—колоть*, *млѣти—молоть*, *плѣти—полоть*, *брати—бороть*, *прати—пороть* не имѣютъ характерной гласной: суффиксъ неопр. накл. приставляется въ нихъ прямо къ усиленному корню; корень принимаетъ полногласіе между прочимъ потому, что въ формахъ *клати*, *брати* никогда не было гласной передъ плавною, потому что никогда не было формы *кълати*, *бърати*. Та-же коренная гласная, которая въ усиленномъ видѣ стоитъ въ неопредѣленномъ наклоненіи послѣ плавной (кла-ти), въ настоящемъ времени частью стоитъ передъ плавною въ видѣ усиленія или основной формы, (*ко-лю ме-лю*), частью навѣрное предполагается: *мр*-у изъ *мър-ѫ*, или *мър-ѫ*, *прѫ* изъ *пърѫ*, Лит. peri, *стрѫ* изъ *стьр-ѫ* и пр.

Другое строеніе слѣдующихъ глаголовъ:

а) Въ гл. *брать*, (capere), *драть*, *прать* (мыть), *срать* *а* есть характерная гласная и не принадлежитъ корню; это видно изъ принадлежащихъ къ тому-же классу глаголовъ *гнать*, *ждать*, въ которыхъ *а* никакъ не можетъ быть результатомъ усиленія коренной гласной. Отсюда слѣдуетъ, что нужно раздѣлять такъ: *бр-а-ти*, *др-а-ти*, и что въ корнѣ пропущена гласная, происшедшая отъ ослабленія основной: *брати* изъ *бър-а-ти* (ср. *зъв-а-ти*, *жьд-а-ти*, *гън-а-ти*). Въ настоящемъ остается основная гласная: *бер-у*, *дер-у*, *пер-у*, *сер-у*, или ослабленіе: *жру* (отъ жрать) вм. *жър-у*, Лит. ǵeri. Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ ни усиленія âр, ни перестановки предполагаемой полногласіемъ.

б) Гл. *слать* (съլати), *стлать* (стьлати) отличаются отъ предъидущихъ только въ настоящ. времени: *шлю* (съл-ѭ) *стел-ю*.

в) Въ гл. *врѣти* (изъ *вѣрѣти*, настоящ. *врю* изъ *вър-ю*, Лит. werіu, werru), *зрѣти* (изъ *зърѣти*, Лит. żurėti, наст. *зрю* изъ *зърю*, Лит. żuru), *прѣти*, спорить (изъ *пърѣти*, наст. *пр-ю*,—или изъ *пър-ю*) *ѣ* не принадлежитъ корню, что видно изъ Лит. żur-ė-ti, и Сл. *гор-ѣ-ти*; форма корня остается неизмѣнною во всемъ спряженіи и постоянно предполагаетъ гласную передъ плавною, а потому не можетъ имѣть полногласія.

г) Въ гл. *грѣть*, *зрѣть*, *зрѣю*, *прѣть*, *прѣю*, Ст. Сл. *вла-яти*, *блѣ-яти*, Мр. *мрiяти ѣ*, *ая*, *ѣя* тоже не относятся къ корню: это характерные звуки соотвѣтствующіе скр-му характеру глаголовъ десятаго класса (aja), а потому въ корняхъ слѣдуетъ предполагать гласную передъ плавною. Отвергаемая Миклошичемъ Ст. Сл. форма *вълаахѫ сѧ*, *вълати*, кажется совершенно вѣрною.

Такимъ образомъ во всѣхъ этихъ глаголахъ одна причина неполногласія: присутствіе гласной передъ плавною и непринадлежность къ корню гласной слѣдующей за плавною. Усиленія корней этихъ глаголовъ *передъ гласными* ничѣмъ не отличаются отъ такихъ-же усиленій корней, при коихъ есть полногласныя формы: какъ при *мереть* стоитъ *моръ* и *мары*, такъ при *брати*—боръ, *драти—доръ*, *задоръ*, *ударъ*, *прати* (бить, летать)—*пра-поръ*, *парить*, *срать—соръ*, *врѣти—варъ*, *зрѣть—взоръ*, *зоря*, *заря*, *прѣть—споръ*, *мрiяти—марить* (о парахъ: струиться надъ землею) *влаяти—валъ* (волна), *прѣти—паръ*. При нѣкоторыхъ изъ этихъ глаголовъ есть формы полногласныя:

Брать значитъ между прочимъ рвать, хватать; по этимъ значеніямъ оно сближается съ *бороть* (ср. пѣсенное тавтологическое выраженіе «хватцы—борцы»), *борона*, борозда; *драть—дрѣти* ср. съ *долото*; *жрать—жрѣти* ср. съ *жерело*; *прать*, бить, летать ср. съ *пороть*, *папороть* (по сходству съ перомъ); *врѣти* ср. съ *веремя*; *зрѣти* ср. съ Поль. wzrok, пр. зорокъ.

Въ-третьихъ, полногласіе предполагаетъ ра и пр. изъ âр, а потому не имѣютъ полногласія слова, въ коихъ уже въ дославянское время было не âр, а ра, и пр. послѣ

согласной. Такъ Сл. *братръ*, *братъ* имѣетъ уже въ Санскр. форму бҺратр. Выписываемъ изъ статьи г. Лавровскаго нѣсколько словъ, сближенія коихъ со словами въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ кажутся несомнѣнными: *гладить*, *плакать*, *платъ*, *братъ*, *грабить*, *градъ*, *грань*, *страхъ*, *страдать*, *клѣй*, *клѣть*, *плѣшь*, *слѣпъ*, *хлѣбъ*, *дрѣмать*, *стрѣла*. Найдется еще не мало и другихъ.

Въ заключеніе скажемъ, что есть слова, неполногласіе коихъ мы можемъ объяснять только гадательно. Быть можетъ, они имѣютъ всѣ условія, требуемыя полногласіемъ и остались въ языкѣ, какъ исключенія; но можетъ быть также, что они уже до выдѣленія Славянскаго языка имѣли гласную послѣ плавной. Въ однихъ болѣе вѣроятности на сторонѣ одного предположенія, въ другихъ—на сторонѣ другаго. Таковы слѣдующія, сходныя съ полногласными:

Пластъ, Вр. обл. *пластина*, половина капустной головки, половина рыбы разрѣзанной по кости, *пластать*, Поль. płatać, ср. *полость*.

Плаха, доска, бревно, огниво, Мр. полоса сабли, Слов. placha, krajina, мѣстность, ср. *полоса*.

Кладу въ значеніи рѣзать, ср. съ *колода* и *колоть*, Лит. kalti. По суффиксу д (Скр. дhâ, класть) *кладу* такъ относится къ *колю*, какъ Лит. mel-dziu, mal-dau, прошу, молю, («мило дѣю») malda, просьба, къ *молю*. Относительно суф. ср. также Серб. *зна-демъ*, *млидем*, *имадем* и пр.

Вр. Обл. *плѣницы*, силки, *плёнка* тоже, Ст. Сл. *плѣница*, цѣпь, ср. *полонъ* и *пелена*.

Плѣснь, Лит. palû,—ėti плеснѣвѣть, palszas—palvas, *половой*.

Трахнуть ср. съ *торохнуть*.

Тратить, ср. *терять* и *тереть*.

Вѣроятно найдутся и другія подобныя слова.

О ЗВУКОВЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

1. Русскіе говоры распадаются на двѣ большія группы, которыя, по отношенію къ предполагаемому въ прошедшемъ единому Русскому языку, назовемъ *нарѣчіями:* Великорусскимъ и Малорусскимъ. Нарѣчіе Великорусское состоитъ изъ двухъ поднарѣчій–Южнаго и Сѣвернаго, которыя названы, по весьма важному признаку, именно по произношенію неударяемаго *о*, первое—рѣчью высокою или свысока (на *а*), а второе низкою (на *о*). О дальнѣйшихъ дѣленіяхъ Сѣв.-русскаго поднарѣчія и Мр. нарѣчія скажемъ ниже, а здѣсь—нѣсколько словъ о Южно-Великорусскомъ. Это послѣднее дѣлятъ на собственно Юж.-Русское и Бѣлорусское, Западное, по отношенію къ первому. О Бѣлорусскомъ давно уже было высказано мнѣніе, что въ немъ нѣтъ ни одной звуковой черты, которая бы не повторилась хотя гдѣ нибудь въ Великой Россіи, и что, слѣдовательно, говоръ Бѣлорусскій рѣшительно принадлежитъ къ группѣ Великорусскихъ, при томъ Южныхъ. Мы можемъ повторить то же самое, если исключимъ Бр. *дж* вмѣсто *ж* изъ *д* и удвоеніе согласныхъ вслѣдствіе ихъ смягченія, и если, во избѣжаніе недоразумѣній, прибавимъ, что говоры съ *уо* вм. *о* въ среднемъ слогѣ (намъ извѣстенъ одинъ такой, на югъ отъ Бѣлостока Гродн. губ., но ихъ можетъ быть больше) принадлежатъ къ Мало-

русской, а не Бѣлорусской группѣ. Относительно упомянутыхъ признаковъ (*дж* и удвоеніе), которые есть и на сѣверныхъ границахъ Бр. говора (напр. въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской г.), не будемъ утверждать, что они непремѣнно заимствованы изъ Мр., но, рискуя подвергнуться упреку въ противорѣчіи со сказаннымъ нами въ статьѣ о полногласіи (II), не беремся оспаривать возможности этого заимствованія, при чемъ основываемся на слѣдующемъ. Какъ ни трудно судить о лексическихъ заимствованіяхъ изъ сходныхъ нарѣчій, если на такія заимствованія нѣтъ звуковыхъ указаній, однако позволительно думать, что лексическое вліяніе Малой Руси простирается не только на всю Бѣлую, но и на окраины Новгородскаго говора. Вліяніе народной Мр. словесности на Бѣлорусскую очень велико. Судя по извѣстному намъ, въ Виленской г. на сотню пѣсень врядъ-ли найдется пять-шесть такихъ, которыя бы не носили несомнѣнныхъ признаковъ Малорусскаго происхожденія, да и тѣ по складу стиха—Малорусскія. Объяснять это сходствомъ самостоятельныхъ пріемовъ мысли въ Бр. и Мр. племени такъ-же трудно, какъ и въ свадебной пѣснѣ, которая поется у Вр. поселенцевъ въ Харьк. г. (Этн. Сб. III. Слобода Трехъизбянска, Старобѣльскаго уѣзда):

Дружко коравая кро́я,
Залатой ножикъ мо́я (моетъ)

трудно не увидѣть Мр. пѣсни:

Дружко каравай крає,
Золотий ножикъ має.

Естественно, что упомянутое вліяніе слабѣетъ на сѣверныхъ предѣлахъ Бѣлой Руси. Витебскую губернію можно, кажется, раздѣлить на двѣ половины, такъ что половина прилегающая къ Псковской г. будетъ тянуть въ литературномъ отношеніи къ Великой Руси, а другая —къ Малой. Въ Ржевскомъ у. Тв. г. пѣсенность уже вполнѣ Великорусская. Между Бѣлою и Малою нѣтъ литературной взаимности, а есть только вліяніе второй на первую, сильнаго творчества на слабое. Изъ этого одного, если-бъ не было другихъ данныхъ, можно бы заклю-

чить, что Бѣлая Русь принимаетъ большое, хотя, страдательное участіе во внутренней жизни Южной Руси въ XV—XVII в., когда, какъ предполагаемъ, окончательно сложился характеръ этой послѣдней. О болѣе древнихъ связяхъ здѣсь, кажется, нечего говорить. Все сказанное даетъ нѣкоторую вѣроятность предположенію, что Бр. *дж* и удвоеніе занесены съ Юга, и объясняетъ, почему иные дѣлили Русскій языкъ на три нарѣчія: Великорусское, Бѣлорусское и Малорусское и считали Бѣлорусское за переходное отъ Великорусскаго къ Малорусскому: Бѣлорусскіе говоры суть Южновеликорусскіе (довольно чистые въ фонетическомъ отношеніи), подверженные сильному малорусскому вліянію. Никто, сколько извѣстно, не говорилъ того же о Ювр. говорѣ на востокѣ, въ губерніяхъ Курской и Воронежской, гдѣ населеніе смѣшанное. Причина та, что здѣсь сосѣдство племенъ новѣе, а потому и заимствованія изъ Мр. носятъ болѣе внѣшній характеръ.

Великорусское нарѣчіе [1].

А. Южно-Великорусскіе говоры.

2. Замѣны глухихъ звуковъ. Памятники, подобные договору Мстислава съ Ригою и Готскимъ берегомъ, убѣждаютъ, что въ XIII и XIV в. глухіе звуки въ серединѣ и на концѣ словъ произносились въ Свр., къ которому принадлежатъ эти памятники, какъ глухіе гласные, составляющіе слогъ. Такъ ли было и въ Ювр. поднарѣчіи, которое въ то время уже несомнѣнно отличалось отъ Сѣвернаго?

Вѣроятно, въ Ювр. и Мр. весьма рано появилась разница между тѣми глухими звуками, которые потомъ исчезли безъ слѣда, или (какъ ь) исчезли только какъ гласные, и тѣми, которые замѣнились гласными чистыми.

---

[1] *Даля*, О нарѣчіяхъ Русскаго языка, въ V кн. Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. за 1852 г. и IV вып. Толковаго Словаря Даля.

Къ первымъ принадлежатъ *ъ* и *ь* на концѣ словъ. Совершенная потеря этихъ глухихъ, какъ гласныхъ, характеризуетъ теперешніе Ювр. и Мр. говоры (послѣдніе—развѣ за исключеніемъ 1 л. мн. ч. наст. вр.—*мо*, если эта форма предполагаетъ *мъ*). Въ нѣкоторыхъ Свр. говорахъ и теперь *ъ*, *ь* на концѣ слова замѣняются черезъ *о*, *а*, *е*. Въ XIII и XIV в. эти звуки произносились на Сѣверѣ довольно явственно какъ глухіе, что видно изъ написанія Федор*ъ* (*о*), Жирятиничам*о* (ъ), Иванович*е* (ь) рядомъ съ Борис*ъ*, Смен*ъ*. Вѣроятно уже въ то время въ Ювр. и Мр. глухихъ гласныхъ на концѣ не было слышно.

Глухіе звуки внутри словъ почти одинаково во всѣхъ Русскихъ нарѣчіяхъ частью замѣняются чистыми *о*, *е*, частью исчезаютъ. Они исчезаютъ, если слогъ ими составляемый можетъ, не нарушая благозвучія, слиться въ одинъ съ послѣдующимъ, или примкнуть къ предъидущему; они замѣняются чистыми, если такое сліяніе невозможно. Слова съ н ъ, м ъ х ъ, р ъ ж ь, п ь н ь и т. п. и въ Русскомъ были сначала двухсложны. Потомъ (въ Ювр. и Мр. можетъ быть въ XII в. или раньше) стерся конечный глухой звукъ, а согласная втораго слога вмѣстѣ съ первымъ прямымъ образовала среднiй слогъ, послѣ чего произошло измѣненіе перваго ъ, ь въ о, е: сон, пен'. Если же во второмъ слогѣ этихъ словъ будетъ основная чистая гласная (съ–на, пь–ня), то въ Русс. первый слогъ потеряетъ свою гласную и соединится со вторымъ (сна, пня). Тоже повторяется и въ многосложныхъ словахъ: кубок, вѣнец (изъ кубъ-къ, вѣ-нь-ць), кубка, вѣнца (изъ ку-бъ-ка, вѣ-нь-ца). Появленіе и исчезаніе бѣглой гласной (изъ глухой) въ разныхъ видахъ свойственно всѣмъ Слав. нарѣчіямъ. Вездѣ исчезновеніе глухой гласной въ слѣдующемъ слогѣ могло быть одною изъ причинъ измѣненія глухой въ чистую въ слогѣ предшествующемъ. Гдѣ невозможно чередованье прямыхъ и среднихъ слоговъ, гдѣ слогъ съ *ъ*, *ь*, при всѣхъ измѣненіяхъ слова, остается среднимъ или прямымъ, тамъ и замѣна глухаго звука постоянная: кров', холм, бочка, дожд' изъ кръ-вь, хлъ-мъ, бъ-чь-ка, дъ-ждь.

Потеря конечнаго глухаго звука ведетъ къ появленію бѣглыхъ гласныхъ не изъ *ъ*, *ь*, а изъ ничего. Такъ изъ вѣ-тръ, ви-хрь, род. вѣтра, вихря вышло вѣтер, вихор'. Такія бѣглыя гласныя ни чѣмъ не отличаются отъ органическихъ, кромѣ происхожденія.

Съ теченіемъ времени во многихъ словахъ забылось происхожденіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ бѣглыхъ гласныхъ, и они сочтены за постоянные. Съ другой стороны гласные постоянные (=Ст. Сл. *е*) приняты за бѣглые. Это явленіе свойственно не только Русскимъ, но и другимъ Слав. нарѣчіямъ. Между Русскими нарѣчіями разница здѣсь не въ правилѣ, а въ томъ, на какія именно слова оно распространяется. Чтобъ опредѣлить эту разницу, нужно бы перечислить слова съ бѣглою и постоянною гласною, въ которыхъ расходятся Рус. нарѣчія. Этого мы сдѣлать не можемъ, и ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами: тесть, тестя (но въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ т'стя, Стар. ть-стя), рель, рели (мѣстами на рли), вихорь, вихоря (обыкн. вихря), мертвецъ, чернецъ,—еца (Мр. мерця, ченця), въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича даже первенеца, Перм. олень, ольня (вм. оленя), лобъ, лба, корень, корня, камень, камня (Мр. лоба, каменя, кореня, и Арх. каменя, кореня).

3. Переходъ *и* въ *е*. Въ началѣ XIII в. въ Свр. встрѣчаемъ уже случаи измѣненія *ій*, *ія*, *ію* въ *ей*, *ея*, *ею*: Іерьмея, людѣй (ей), хотя около того-же времени и позже людии, днии, волостии, судии. Въ началѣ XIV в. постоянно Патрикѣй, Сергѣй, божей. Въ настоящее время переходъ этотъ имѣетъ мѣсто въ Ю. и Свр. въ слѣдующихъ случаяхъ: а) въ им. ед. сущ. м. соловей, жеребей, гдѣ *е* принимается за бѣглую гласную, происшедшую изъ *ь*: соловья, жеребья; б) во всѣхъ падежахъ слова иней и именъ собственныхъ, какъ Еремей, Сергѣй (слѣдовало бы писать Сергей), род. инея, Сергѣя; в) во всѣхъ пад. словъ остреё и колея, если это послѣднее предполагаетъ форму колия, что сомнительно (ср. Поль. kolej); г) въ род. мн. вм. *ии*: свиней, сѣней, людей, дѣтей, князей и пр.; въ им. сред. знаній вм. знаней *и*

есть слѣдствіе вліянія Церковнаго языка; д) въ повелит. накл. лей, вей, пей, шей, и въ повелит. н. и наст. вр. брей (пишутъ брѣй), брею (пишутъ брѣю; основаніе такое-же, какъ и въ Сергѣй, т. е. никакого), е) не знаю, какимъ именно Вр. говорамъ свойственно измѣненіе *ій* въ им. ед. м. прилагательныхъ въ ей: божей, лучшей, синей; несомнѣнно, что такое произношеніе есть въ Свр. и въ Ювр., но вездѣ ли? Относительно а) и г) нѣтъ разницы между Вр. и Мр.: Мр. соловей, свиней, сіней, дітей; поэтому вѣроятно, что это измѣненіе древнѣе раздѣленія Русскаго языка. Относительно б) ничего рѣшительнаго сказать не можемъ: теперь въ Мр. эти имена имѣютъ ій: Мусій, Веремій, Климентій, но въ Заднѣпровскихъ Мр. грамотахъ XVI в. находимъ: Климентей, Веремей, Мосей, Лаврентей, Василей, Григорей (Акты изд. Врем. ком. т. I, II). Нельзя утверждать, чтобъ форма *ей* была здѣсь чужая, потому что и теперешнее Мр. *ій* могло образоваться изъ *ей*, хотя, конечно, это ій можетъ быть и старинное, общеслав. *ии*, какъ въ синій. Случаи д) е) рѣшительно позже вышеупомянутыхъ: не только въ Мр. бий, вий, ний, ший, божий, синій, но въ Бр. (Смолен. Витеб. Черниг.) выпій, налій.

Миклошичъ находитъ вѣроятнымъ, что *е* въ словѣ иней есть такое же ослабленіе кореннаго *и*, какъ и *ь* въ словѣ судья и т. п. (Vergl. Gr. I, 379). Врядъ ли это справедливо. Явленіе это очень сходно съ измѣненіемъ *ъ*, *ь* въ *о*, *е* въ среднихъ слогахъ и исчезновеніемъ ихъ въ прямыхъ: какъ сон, вес' (сън, вьс') относятся къ сна, вся (изъ съ-на, вь-ся), такъ воробей, свиней, лей (изъ —ий) относятся къ вöробья (изъ—би-ја), свинья (изъ—ни-ја), бью (изъ би-ју). Если *о*, *е* въ словахъ сонъ, весь назовемъ фонетическимъ усиленіемъ глухихъ, происшедшимъ между прочимъ отъ вліянія средняго слога, какъ бы позиціи, то и *е* въ упомянутыхъ случаяхъ мы должны считать за фонетическое усиленіе по отношенію къ замѣнѣ гласнаго *и* въ ј (бью=бју изъ би-ю).

4. Переходъ *ы* въ *о*. Аналогичное съ предшествующимъ измѣненіе ый въ ой имѣетъ мѣсто въ Свр. и

(не повсемѣстно) въ Ювр. и совершенно чуждо Мрусскому. По этому оно позднѣе измѣненія *ій* въ *ей* въ соловей, хотя въ XIV ст. уже обыкновенно даже тамъ, гдѣ надъ окончаніемъ прилаг. *ый* нѣтъ ударенія: даной, бурой, старой, посельской, духовной. Это ой изъ ый въ им. п. ед. ч. прилагат. муж. свойственно всему Свр.; въ Ювр. оно безъ ударенія переходитъ мѣстами въ а й, о чемъ ниже, а съ удареніемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ въ эй: Ржев. Тв. г. (Бѣлорусс.): рябэй, живэй, кривэй, благэй, другэй, дарагэй, маладэй, залатэй, раднэй, хлапатнэй, даже бальшэй (изъ бальшой); тоже мѣстами въ Витеб. г. другэй, маладэй и въ Смолен. святэй, чужэй, худэй, злэй, другэй, якэй, такэй, но безъ ударенія—ай: мягкай, лёгкай. Такой переходъ распространяется тамъ же и на ой въ род. и предл. ед. прилаг. жен.: изъ сладкэй, у сладкэй (основная Русская форма видна изъ Мр. солодк*оі*, у солодкій, т. е. у солодкôй); по увѣренію Васьянова (Оч. Россіи, Пассека II, 12—26), такъ и въ Курскомъ говорѣ, т. е. въ Кур. Орл. и Калуж. гг.: род. дат. предл. бизъ аднэй и др. тэй, раднэй и даже твор. тэю, роднэю, что сомнительно. Въ Бѣлой Руси, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ мѣстностей, удерживается въ им. ед. ый и ій, иногда въ видѣ *ы*, *и*: багаты, хижи.

Ой изъ *ій* въ повелит. накл. и въ наст. вр. глаголовъ: мой, рой, ной, мою, рою, ною, кажется, во всемъ Свр. Въ Ювр. только на востокѣ: во всемъ Бѣлорусскомъ, начиная съ юга Тверской губ.—рыјиць или рыјець, мыјець, пыјець, крыјець, рый и т. д., въ Кал. накрыеть; тоже и въ Смоленской.

Можно думать, что *о* въ рой такъ относится къ *ы* въ рыть, какъ *е* въ бей къ *и* въ бить. Однако сходство съ гл. бить и пр. не полно, и полно только съ брить (брей, брею= рой, рою; но бей—бью). И измѣненіе *ы* въ *о* есть усиленіе въ томъ смыслѣ, какъ и *е* изъ *и*. Быть можетъ, сначала *и* и *ы* измѣнялись въ *е*, *о* только въ слогахъ среднихъ, подъ вліяніемъ позиціи (брей, рой изъ брий, рый), а потомъ уже стали измѣняться и въ прямыхъ (брею, рою).

5 а) Образованіе j (ь) изъ *и* неударяемаго—черта общерусская, замѣтная уже въ первыхъ памятникахъ Русской письменности. Главные случаи этого сокращенія: мать (Мр. мати), дочь (Олон. доцй, дочй); наст. вр. глаголовъ съ корнемъ на *и:* бью, вью и пр. пов. накл. глаголовъ, не имѣющихъ ударенія на *и*: сядь, глянь, гляньте, но везй, несй, несйте; окончаніе неопр. накл. если на немъ нѣтъ ударенія: дѣлать и пр., но везтй, нестй при вéзть, нéсть. Полное окончаніе неопр. накл.—*ти* въ большей или меньшей мѣрѣ сохранилось во всѣхъ Русскихъ нарѣчіяхъ, но болѣе обыкновенно въ Мр. чѣмъ въ Вр. и въ самой области Вр. нарѣчія обыкновеннѣе въ однихъ мѣстахъ, напр., по словамъ Даля, во Владим. чѣмъ въ другихъ; какъ архаизмъ, оно въ Вр. чаще въ пѣсняхъ, чѣмъ въ разговорѣ.

б) Образованіе j изъ е. Род. ед. прил. опр. жен. р. съ XIII в. принялъ на сѣверѣ окончаніе *ое* вм. ыѩ (Лавр. О яз. Сѣв. Р. Лѣт. 69), потомъ *ои* (два слога); сообразно съ этимъ изъ ѩ ѩ (синѩѩ) вышло *ее*, *еи*. Эти измѣненія, по-видимому, общерусскія. Въ Мр. за Днѣпромъ еще въ концѣ XVI ст. *ое*—господствующее окончаніе род.: тое скляное оболоны, здругое коморы, земли Волынск*ое;* рѣже болѣе древнее *ые* (юхты чирвон*ые*) и болѣе новое *ои* (до тои корчмы, дани медовои) которое и теперь остается въ Мр. (оі, ёі). Вр. пошло дальше, сокративъ конечное *и* въ согласное j: той, доброй, синей. Такому же сокращенію подверглась ӣ и *ю* изъ ѭ въ твор. ед. ж. доброй, синей вм. доброю, синею. Въ Мр. только полная форма *ою*, ё*ю* и, въ Галицкомъ и Карпатскомъ, *ов*, *ев*.

6. Измѣненія другихъ гласныхъ неударяемыхъ твердыхъ. Переходъ неударяемаго *о* въ *а* отличаетъ Ювр. съ одной стороны отъ Свр., съ другой—отъ Мр. На Сѣверѣ Юж.-Великорусскаго говора, на небольшомъ пространствѣ около Москвы *о* изъ *а* имѣетъ звукъ средній между *а* и *о*; въ другихъ Ювр. говорахъ и въ Бѣлой Руси это въ извѣстныхъ случаяхъ чистое *а*. Появленіе этого звука не позже конца XIV ст.

Въ настоящее время въ большей части Ювр. говоровъ *о* измѣняется различно, смотря по степени его ударенія отъ ударяемаго слога.

а) *о* въ третьемъ слогѣ передъ ударяемымъ. Въ Липецк. и Шатск. у. Тамб. г. *о* переходитъ частью въ глухой звукъ чуть замѣтный, который будемъ обозначать апострофомъ, частью въ глухой же звукъ, близкій къ *ы*: п'расёночка, г'варитъ, х'рашо, пы-арѣхи, пыдгладали, пынясу, пылижалъ, пысматрѣлъ, рыздрала́, прылила (про-), кычатокъ, кычаргу, зылатой. Тоже въ Обоян. у. Кур. г., сы вярха́, сы палу́начи, кы бялу́ свѣту, кы сяры́мъ гусямъ. Тоже въ Бѣл.-русскомъ, въ Ржев. у. Тв. г. въ Полоц. у. Вит. г.: зылатая, пыдъ адни́мъ кылпачко́мъ сямсотъ кызачко́въ. Въ тѣхъ же говорахъ нерѣдко *а* вм. *о*: с*а*твари и т. п.

б) *о* во второмъ слогѣ отъ ударяемаго въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ произносится большею частью какъ чистое *а*; исключенія, какъ г'разда-ли, кар'вай, сы ве́чира, пышолъ, довольно рѣдки.

в) *о* въ слогѣ, слѣдующемъ за ударяемымъ, измѣняет*ся* такъ, какъ въ третьемъ передъ удареніемъ. Липец. Шат. курычка, галовычку, съ этый жа, титерькыю, утычку, у́тыкъ (род. мн), па ягыды, съ вадицый, сол'но, казлён'чикъ, выс'сала, кол'калъ. Очень обыкновенно въ этомъ случаѣ и *а*. Мценск. Орл. г. рубашкыю, яблыко. Переходъ *о* неударяемаго въ *ы* повелъ къ смѣшенію глаголовъ на *ывать* и на-*овать*: камандывалъ, пажалывалъ. Тоже въ Бѣлорусскомъ: въ Дрисенск. у. Вит. г. пчолынька (вм. онька), сиротынька, слёзынька, но рядомъ съ этимъ галов*а*нька и, что кромѣ Бѣлой Руси, кажется, не встрѣчается, ядзё*р*ечки, удо́в*е*нька, на гор*е*нцѣ (Мр. на гіронці), камор*е*нька; такъ и въ другихъ уѣздахъ Вит. г. Изрѣдка *о* неударяемое падаетъ до *у*, какъ въ нѣкоторыхъ Свр. говорахъ и, въ отдѣльныхъ словахъ, въ Мр.: Кур. куго́ (кого), куё (коё, Калуж. чаё, почему), Ворон. по́русъ (порозъ, быкъ), съ палкуй; Погар. Черн. г. убо́е, даже бушмакъ, птушка. Послѣднее и во многихъ

другихъ Бр. мѣстностяхъ; возможно, что въ немъ *у* есть звукъ основной, а не образованный изъ *а*.

Тотъ-же законъ распространяется въ большей или меньшей мѣрѣ и на остальные твердые гласные *а*, *е* (гдѣ оно произносится твердо) *у*, *ы*.

г) *а* въ Лип. и Шат. у.: въ третьемъ слогѣ передъ ударяемымъ произносится очень глухо или какъ короткое *ы:* во второмъ передъ ударяемымъ—остается, въ слѣдующемъ за ударяемымъ—какъ въ третьемъ передъ ударяемымъ: с'паги, зыкричалъ, зыхатѣлъ, пыстухи, стырику́ (но ста-ру́ха, стари́къ), жить ды поживать, ныварп, ны каня, ны авечку, ны свинью (но на у́тку, на клюшку) вы́т'щилъ, паѐхылъ. Тоже въ третьемъ послѣ ударяемаго: пывара́-чев*ы*йси, спра́ш'в*ы*пть. Ржев. Тв. г. тыкъ е́вта ты?, т*ы*ки́ (таки́); сюда же слѣдуетъ отнести цы изъ ца вм. ться: сватацц*ы*, напитцы, женитцы и рядомъ—свататц*а*. Дрисен. Вит. ды выслала, ды прійду и пр.

д) *е* послѣ шипящихъ, гдѣ они произносятся твердо, въ слогѣ за ударяемымъ: Ржев. Тв. церезъ рѣц*у*нь-ку, ташнёшунька, жаласнёшунька, груснёшунька; также ташнёш*а*нька, изъ чего видно, что произношеніе колеблется между нѣсколькими неопредѣленными звуками. Обоян. Кур. при дарожуньки, падружунькамъ, ташнё-шуньк*я*, очупь. Тамъ гдѣ *е* въ этихъ случаяхъ произносилось мягко, тамъ оно перешло въ *и*, о чемъ ниже.

е) *у*, особенно въ 3-мъ сл. передъ и во 2-мъ за ударяемымъ, произносится то совсѣмъ глухо, то какъ *ы*, то какъ *а:* Тамб. г. на с'пративъ, пажа́л*ы*ить (-уетъ); Обоян. винн*а*ю чару, харошаю, краснаю; Вит. г. вин-наю чарачку, высокаю, буйнаю, русаю, вукс*а*съ (уксусъ); рядомъ съ этимъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ и у: буй-ную, русую.

ж) *ы*—частью въ *а*, частью рѣже, въ *у*: Ржев. Тв. добраи, уштив*а*и, разумнаи (им. мн.), но чаще—*ы*и: ду-бовыи; баяраня (изъ—ыня вм.—иня); Обоян. Кур. глу-бокаи, хришшенскаи, званаи, стараи, барадатаи, ни жа-натаи и т. д., бѣл*а*ми, чорн*а*ми (изъ бѣлыми) и рядомъ—алыми; ум*у*валася; Новогруд. Гродн. атказ'вае, расказ'-

вать; Вит. такъ-*ба* и апохъ (опухъ), каб*а* ни ѣжа; Ряз. ты *ба* и ты-бы.

7. Измѣненія гласныхъ неударяемыхъ мягкихъ. Сюда прежде всего относятся измѣненія звука *е*. Ст. Сл. *е* во всемъ Вр. Сѣверномъ и Южномъ произносится мягко, какъ є, въ выговорѣ и на письмѣ смѣшивается съ *ѣ*, начиная съ первыхъ памятниковъ Русской письменности. Этимъ Вр. нарѣчіе рѣзко отличается отъ Малорусскаго Въ Юж.-Вр. неударяемое *е* и *ѣ* измѣняются аналогично съ измѣненіями неударяемаго *о*: черта, отличающая Южное Вр. отъ Сѣвернаго.

а) *е* въ третьемъ слогѣ передъ ударяемымъ въ Липец. Шат. Тамб. г., Обоян. Кур. и во всемъ такъ называемомъ Рязанскомъ говорѣ переходитъ большею частію въ *и*, нѣсколько рѣже въ *я*, еще рѣже совсѣмъ опускается: пир'вези́; бирягу́, чилавѣ́къ, н*и*навидили, зиляно́ вино, чирнабро́вой, въ тирямѣ́, стрипяну́лась, пиряво́съ: Ржев. Тв. г. ни ляжи́, припадо́бная, пируномъ, шинавать (шановать, угощать), нипуца́йце, нивазмо́жна; но тутъ же и *я*, *а*: ц*а*цьвяри́къ, цалавѣ́къ, бяряглй, дяся- ти́на; въ Вит. губ. разныхъ у. пирябаиць, пиряйти́, дзивяци́, ни бяри́, съ цирима́, въ вичару́, цижало́, бязъ той б*и*съ таски́, но тамъ же—бязъ слязно́ва, бязъ цяжко́ва, бязъ цяжо́лава вздыханья; въ Погарѣ Черн. г. этого *и* не слышно, или же оно такъ близко къ *е*, что записыватель могъ постоянно употреблять это послѣднее: перярѣжемъ, у середпнѣ, ремясло, невялѣла; *ѣ*: *би*ляна, т. е. бѣлена́.

б) *е* въ 4-мъ слогѣ передъ ударяемымъ переходитъ то въ *и*, то въ *я*; примѣровъ мало: Тамб. пир'ганятца, Вит. нивалачицясь, нипиряняць, пирикукуя, бизъ храматы, Ржев. няпоцынай.

в) *е* во второмъ слогѣ передъ ударяемымъ большею частью въ *я* (а), рѣже въ *и*, такъ что на этомъ послѣдній переходъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно смотрѣть какъ на исключеніе. Тамб. Кур.: яво́ (Тамб.), яго́ (Ряз.), яму, зярно, сястра, кыч*а*токъ, шастой, ничаво (Тамб.) жана, но тамъ же с*и*стра, къ жинѣ, ны зимѣ (земли),

миня, биригётя, абначивать, яё и нё, сярчая и асирчала, рябята и рибяты; Ржев. Тв. г. смярды, вянецъ, вяляць, цябя (табѣ, сабѣ изъ тобѣ, собѣ, а не изъ тебѣ), цаго (Вит. чаго) бярёгъ, вязець и т. д.; встрѣчается и *и*: дзиревня, двинадцать, ахрисцили, цирпѣць; въ Вит. г. исключеній (*и* вм. *я*) еще меньше; въ Погарѣ Черн. г. исключеній тоже немного.

ѣ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ переходитъ то въ *я*, то въ *и*; Тамб. Кур.: бягу, но бижалъ, вяшшать, ряку́, бялуга, миняй, встричаитца, уцыпился (*ы* изъ *и* послѣ *ц*, которое въ этихъ говорахъ твердо); Ржев. нямой, пятухъ, пяняць, у лясу́.

г) *е* во 2-мъ и 3-мъ слогѣ послѣ ударяемаго въ однихъ случаяхъ большею частью переходитъ въ *и*, въ другихъ постоянно въ *я*. Къ первымъ принадлежитъ 2-е л. наст. вр. ед. *е*шь, 3-е еть, 1-е л. мн. ч. *е*мъ, суффиксы ецъ, екъ, енъ и мн. др.: Тамб. Кур. плачишь, баишь, плачитъ, баитъ, кидаитъ, йдишь, братицъ, бережечикъ, ледочикъ, песочикъ (такъ въ пѣсняхъ записанныхъ въ Москвѣ 1619—20 Р. Джемсомъ), Микитьивичъ, Уласьивна, теримъ, на́ бирихъ; Ржев. по́йдзимъ, па́йдзишъ, хочишь, ѣдзитъ, станимъ, пойдзимъ, зъѣдзина, знаряжина, зварина, брацицъ, маладзеницъ, серибра, въ церими, зъ корнимъ, скацирци, дзенигъ, пташицка и пташацка, пашиму и нашаго; Витеб.: скажиць, будзимъ, вининъ, куплинъ, черизъ, дзерива, сцюдзинь, кармилицъ, спасициль, збавициль, тонинька, гусцинька, здаровинька. Почти постоянно *я* въ им. вин. ед. сущ. и прил. средн. р, въ им. вин. мн. им. прилаг. всѣхъ родовъ (изъ ые, гдѣ это окончаніе не измѣняется въ аи); въ 3-мъ л. ед. числ. наст. вр. еть, если ть опускается; во 2-мъ л. множ. ч. наст. вр. вм. те: Кур. Тамб.: горя, синёя моря, писанья, стада каровья, авеча (чье), стада гусиная, (*)

(*) Такія же измѣненія въ Ворон. губ.—куриная яйцо, чистая лицо, сѣна зелёная—повели Даля къ заключенію, что здѣсь къ существит. ср. р. идутъ прилагательныя въ женскомъ родѣ. Это ошибка. Сущ. сѣна (им. п.) не становится женскимъ оттого, что окончаніе его произносится какъ а; отъ такой фонети-

нажи булатны*я*, катлы нѣмецкі*я*, агни жаркія (Тамб.); дѣлая (аетъ), сярчая, равняя, вянчая, яруя, будя, поря. Если въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. на *ить* ть опускается, то *и* измѣняется въ *е* (какъ въ Мр. любить полюб*е*), а это *е* переходитъ въ *я*: ходя, ѣздя, выдя, служа, пиша. Во 2-мъ л. мн.: слухайтя (Орл.), баславитя, берéтя и т. д. постоянно. Въ тѣхъ-же самыхъ случаяхъ постоянно *я* и въ Бр. Ржев.: стада гусиная (но во мн. мал*аи*, а не малыя); Вит. здаровья, царство нябесноя, добрыя людзи, близкія сусѣдзи; Вит. клыча (клочетъ напр. вѣтеръ волоса), гая, савивая, выбивая, судзя хваля, пýша, патуша (кажиць, судзиць); точно такъ и въ Погарѣ Черн. г. хóчя, но хочеть; Вит. будзьця, стыдзицясь, ядзиця, ѣшча-жъ (ѣжьте), но там же—давайци. Кромѣ этихъ случаевъ есть въ Бр. много другихъ, гдѣ *я* изъ *е*, тогда какъ можно бы ожидать *и*. Такъ въ Погарѣ Черн. губ. выняси, вывявъ, вѣтяръ, къ берягу, мастяръ, Попяловъ, въ попялѣ и т. д.

ѣ въ слогахъ слѣдующихъ за ударяемымъ: въ Тамб. ѣ на концѣ обыкновенно какъ *и*: къ арѣшни, барыни (ѣ) на кустики, но вмѣстя; Кур. Обоян. у.—почти постоянно *я*: ва тэй ли кавы́ля (ѣ), на рябиня, у поля, у терима; Ворон. у лéся, у городя, у поля; во многихъ мѣстахъ оно остается: на березѣ, при дарозѣ, въ кабацѣ (Васьяновъ Оч. Рос. Пас. II); Вит. на ниўцѣ; Гродн. Новогр. у. въ царствѣ, государствѣ, на озярѣ, но тамъ же—на возяри, у доми, на патылици, на звѣздацц*и*.

я, будетъ ли оно коренное, или образованное изъ ѧ, въ слогахъ неударяемыхъ измѣняется въ *е* въ Московскомъ и въ *и* (изъ *е*) въ другихъ Южныхъ говорахъ.

ческой причины не станетъ женскимъ и прил. зеленая, согласуемое съ *сѣно*. Кажется ошибочны у Даля примѣры: пшен*а* желтая так*ая* вм. пшено такóя и т. д. Не менѣе ошибочно и другое мнѣніе Даля: «въ Боровскомъ у. Кал. губ., говоритъ онъ, какъ увѣряютъ, яблокъ гнилой, яйцо свѣжій, полотенце бѣлъ, т. е. средняго рода нѣтъ, а уравненъ онъ съ мужескимъ». Здѣсь въ *яблокъ* ъ есть сокращеніе изъ *о*, въ *гнилой й* сокращ. изъ *е*, но при всемъ этомъ полное сознаніе различія родовъ.

Начало перехода въ *е* не позже XIII в. Примѣры измѣненія въ *є*: Резань, Ерославъ, кнеиня, тысеча, чаели и пр. Переходъ въ и, ји: Тамб. чижолъ, јивил*и*сь, лыш*и*дина капытца; Обоянь: па*и*сочки, ичмень, правой, книзей. *Ся* въ Тамб. Кур какъ *си*: урадилси, пригадилси; Ворон. наѣлси, дралси: въ Пензен. тоже; но въ Курской и ся, са: стужитца, сгарюитця; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бр., напр. въ Гродн.—*сє*: схвацилис*є*.

Объ измѣненіи *и* въ *я* въ оконч. 3 л. наст. вр. (вид*я*) было говорено. Замѣтимъ еще Ржев. сль́шашъ изъ слышишъ.

8. Замѣчанія объ измѣненіяхъ гласныхъ неударяемыхъ. Не смотря на многія исключенія, для всего Ювр. имѣетъ силу слѣдующее правило: слогъ третій отъ ударяемаго слабѣе втораго, предшествующаго ударяемому и равенъ слогу слѣдующему за ударяемымъ. Если тоническую силу ударяемаго слога обозначить черезъ 3, то отношеніе другихъ слоговъ къ ударяемому въ четырехсложномъ словѣ можно будетъ изобразить такъ: 1, 2, 3, 1. По такой формулѣ построены слова: к'чато́чикъ, пирярѣ́жимъ. Чтобъ легче было находить примѣры, возьмемъ вмѣсто приведенной формулы, двѣ, т. е. формулу 1, 2, 3 (трехсложное слово съ удареніемъ на послѣднемъ: х'рашо́ (или хырашо), въ тирямý) и формулу 3, 1 (двухсложное сл. съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ: я́г'дъ (ягыдъ), те́римъ). Сходство между измѣненіями неударяемыхъ твердыхъ и мягкихъ здѣсь полное. Глухой звукъ изъ *о* въ первомъ и четвертомъ слогѣ соотвѣтствуетъ звуку *и* изъ є въ тѣхъ же слогахъ; *а* изъ *о*=*я* изъ є во вторыхъ слогахъ. Въ словахъ четырехсложныхъ съ основными *о* или *е* тонъ возрастаетъ до третьяго слога, а на четвертомъ падаетъ на ту степень, на которой былъ на первомъ слогѣ. Трехсложныхъ словъ, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, такихъ, изъ которыхъ можно бы видѣть тоническое отношеніе послѣдняго слога къ предпослѣднему, нашлось мало: вы́с'сыла, казле́н'чикъ. Изъ нихъ видно, что на третьемъ за ударяемымъ сила такая же, какъ на второмъ, или малымъ чѣмъ больше, такъ что

формула будетъ: 3, 1, 1.—Для такихъ словъ, какъ пык'латйлъ, котырыхъ тоже нашлось очень мало, формула: 1, 1, 2, 3.

Во всемъ этомъ видно, что въ Юж.-Вр. ударяемый слогъ имѣетъ бо́льшее значеніе, рѣзче выдвинутъ, чѣмъ въ Свр. и Мр. и что слоги неударяемые въ Юж.-Вр. тѣмъ самымъ болѣе остаются въ тѣни, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ. Малорусское нар. въ этомъ отношеніи древнѣе Московскаго говора, въ которомъ измѣненія неударяемыхъ еще только слегка намѣчены, а Московскій древнѣе остальныхъ Ю.-Врусскихъ.

Подобнымъ образомъ въ Романскихъ нарѣчіяхъ увеличилось значеніе ударенія сравнительно съ Латинскимъ. Память о латинской долготѣ и краткости сохранилась только въ ударяемыхъ слогахъ. Гласные неударяемые подвергаются болѣе сильнымъ и по видимому неправильнымъ измѣненіямъ, чѣмъ ударяемые. Гласная слѣдующая за ударяемымъ слогомъ обыкновенно выбрасывается (Ит. caldo - cálidus, ópra—opera, posto—positus). Слѣды такого опущенія есть уже и въ Латинскомъ: caldus, me hercle, valde, seclum, poclum, periclum.

Какъ Романскія нарѣчія относятся въ тоническомъ отношеніи къ Латинскому, такъ Верхненѣмецкое къ Готскому. Изъ тоническихъ явленій Верхненѣмецкаго возьмемъ для примѣра два-три наиболѣе сходныя съ Ю.-Вр. Полнаго сходства быть не можетъ, потому что въ Нѣмецкомъ главное удареніе стоитъ всегда на корнѣ, стало-быть, или въ самомъ началѣ слога, или близко къ началу, тогда какъ въ Русскомъ оно можетъ находиться на концѣ многосложнаго слова, на окончаніи. Однако есть сходство между Ср. Внѣм. sae-li-gen, въ которомъ тонъ постоянно понижается (формула 3, 2, 1) и Ю.-Вр. х'ра-шо, гдѣ тонъ все повышается (формула 1, 2, 3). Еще болѣе сходства между колебаніями гласной, слѣдующей за главнымъ удареніемъ въ Др. Вн. dúrah, dúruh, durih (Нов. Вн. durch) и Ю.-Вр., о́чань, о́чунь, о́чинь; между сильнымъ пониженіемъ тона въ слогѣ, слѣдующемъ за коренномъ краткимъ (lés-en, mán-ic (Нов. manch),

какъ бы l e s'n, m a n'c), между выпущеніемъ и опущеніемъ (syncope, apocope) гласной слѣдующей послѣ ударяемаго слога и плавной согласной (Др. Вн. sâlida, halid, Ср. Вр. sael'de, hel'd; Др. Вн. hano, bëro, Ср. hane, bëre, Нов. Вн. han, ber) и между пониженіемъ вь Ю.-Вр. я́гыдъ или я́г'дъ (формула 3, 1), сестри́цъ (три слога, вм. сестрица, формула 2, 3, 1), бѣ́л', бѣ́лъ (два слога вм. бѣ́ло, формула 3, 1).

Почему є въ третьемъ слогѣ отъ ударяемаго переходитъ въ *и* или ји, а во второмъ въ *я* (бирягу́)? Отъ различной силы тона на 3-мъ и на 2-мъ слогѣ. Но какимъ именно образомъ это тоническое различіе производитъ въ одномъ случаѣ *и*, въ другомъ *я*? Словенскому *е* изъ короткаго *ѣ* въ Чешскомъ соотвѣтствуетъ ě (Слов. d e t i, Чеш. d ě t i), а Словенскому *іе* изъ долгаго *ѣ*-Чешское ì долгое (Сл. dìetky, Чеш. dìtky). Сравнивая Чеш. ě съ Чеш. í, замѣчаемъ, что въ первомъ краткость дала перевѣсъ второму элементу, а во второмъ долгота дала перевѣсъ первому, который уподобляетъ себѣ второй. Если этотъ перевѣсъ обозначить удареніемъ, то Чеш. ě будетъ=ié, а Чеш. í т. е. íi=íe. Нѣчто подобное находимъ въ Готскомъ, въ которомъ двоегл. *ai* съ перевѣсомъ второй половины переходитъ въ Др. Внѣмецкое короткое ë (Гот. haírto=Др. Вн. hërza), а двоегл. ái съ перевѣсомъ первой половины—въ др. Вн. долгое ê (Гот. làisjan=Др. Вн. lêran). Нельзя ли допустить въ Ю. Вр. краткихъ *и*, *я*, изъ *є* процесса обратнаго тому, который мы видѣли въ Чешскомъ? Нельзя ли предположить, что въ Ювр. меньшая степень тона даетъ перевѣсъ первому элементу (т. е. ётѣ, вслѣдствіе чего ј уподобляетъ себѣ *е*), а большая степень—второму (вслѣдствіе чего *е* измѣняется въ *я*)? Однимъ словомъ, нельзя ли объяснить Вр. б и р я г у фиктивнымъ б і е р і é г у, фиктивнымъ въ томъ смыслѣ, что для ясности въ немъ стоятъ двоегласные тамъ, гдѣ въ дѣйствительности гласные короткіе?

Въ разсмотрѣнныхъ Юврі. явленіяхъ мы не могли замѣтить ничего, кромѣ вліянія ударенія и прогрессивной ассимиляціи въ измѣненіяхъ звуковъ неударяемыхъ *е*, *ѣ*

(je, jѣ) *я*, въ которыхъ ёта уподобляетъ себѣ слѣдующую гласную, такъ что изъ jачмень выходитъ jечмень, jичмень. Академикъ Бетлинкъ видитъ въ подобныхъ явленіяхъ прогрессивную ассимиляцію, то есть вліяніе слѣдующей твердой или мягкой гласной, какъ въ нѣмецкомъ перезвукѣ (Umlaut) или въ Верхнелужицкомъ, гдѣ *е* передъ мягкимъ слогомъ произносится ясно (hell) т. е. ближе къ *и* (напр. г'еńši), а передъ твердымъ—глухо (напр. pе́го. Mikl. Vergl. Gr. I, 489). Бетлинкъ находитъ, что *е*, *ѣ* передъ мягкимъ слогомъ приближаются къ *и*, а передъ твердымъ—къ *а*, такъ что гласные эти иначе произносятся въ пеки, летѣть, вѣки, чѣмъ въ пеку, летать, вѣка. Замѣчаніе это не подтверждается фактами. Въ говорахъ съ наиболѣе ясными измѣненіями звуковъ *е*, *ѣ*, происшедшее изъ этихъ звуковъ *я* одинаково стоитъ и передъ твердыми, и передъ мягкими: зв*ля*нò вино, пир*я*возъ, висялю, въ тир*я*мѣ; въ тѣхъ же случаяхъ тамъ же можетъ стоять и *и*: чилавѣкъ, н*и*радастинъ. Еще менѣе очевидно замѣчаніе Бетлинга, что а, и, о, у, ы иначе произносятся передъ мягкими слогами (б*а*ни, мол*о*ли, б*и*ли, б*ы*ли, д*у*ли), чѣмъ передъ твердыми (б*а*бы, мол*о*ла, била, была, дула). Возможности этого явленія отрицать нельзя, по дѣйствительности его не видно. Можно бы сдѣлать исключеніе въ пользу одного слова баня, которое во многихъ говорахъ и въ Свр. произносится байня и отъ этой формы образуетъ уменьшительное баенка, какъ въ Поль. отъ stajnia-stajenka.

О несомнѣнныхъ случаяхъ обратной ассимиляціи скажемъ ниже.

9. Переходъ *е* ударяемаго въ ё. Времени, когда начался этотъ переходъ, опредѣлить не можемъ. Несомнѣнно только, что онъ съ одной стороны гораздо новѣе раздѣленія Великорусскаго языка, а съ другой, что онъ старѣе половины XVI ст. Въ памятникахъ Новгородскихъ или близкихъ къ нимъ по языку *о* послѣ шипящихъ и *ц* стоитъ уже въ XIII ст.; но изъ этого нельзя дѣлать заключеній о началѣ подобнаго измѣненія въ Ювр., потому что въ Свр. законы этого измѣненія не тѣ, что въ Ювр.

Въ Ювр. со включеніемъ Бр. измѣненіе е въ ё (jo), о, предполагаетъ мягкость и ударяемость этого ё и твердость слѣдующаго слога: слеза́ (*е* неударяемое остается) но слёзы, ель (є передъ мягкою остается), но ёлка. Конечное *е* подъ удареніемъ измѣняется такъ, какъ будто послѣ него твердый слогъ: маё, тваё; но въ Бр. и Кур. (и другихъ Ювр. говорахъ, кромѣ московскаго?) є изъ ѩ и *е* на концѣ личныхъ мѣст. въ род. не измѣняется: Гродн. Вил. маѐ бычки, тваѐ целятки, кони маѐ, Кур. минé, табé, сибé. Въ литературномъ языкѣ слова заимствованныя изъ Церковнаго яз. или иностранныя сохраняютъ *е* подъ удареніемъ. (Павскій, Разс. I, 133 и слѣд). Такое нарушеніе цѣльности языка очень понятно, но есть не мало исключеній, которыя объясняются не такъ легко или вовсе непонятны.

Окончанія 2 и 3 л. ед. ч. наст. вр. *шь*, *ть*: первое считается, а второе дѣйствительно остается мягкимъ во всѣхъ Ювр. и Бр. говорахъ, а потому правильно: найдешь, найдеть, завешь, заветь; но въ Московскомъ—идёшь, завёшь, идётъ, завётъ. Замѣтимъ Бр. ёсць.

е передъ оконч. 2 л. мн. ч. наст. неправильно въ Московскомъ: идёте, зовёте; но правильно въ другихъ Ювр. говорахъ (во всѣхъ ли?) идёте, зовёте.

мь въ *ть*. ед. м. и ср. р. давно отвердѣло, а потому правильно царёмъ, конёмъ; однако, кажется, на югѣ канемъ.

Совсѣмъ непонятно, почему землёю и т. д. а не землéю. Мягкость послѣдующаго слога очевидна, какъ и въ идёте.

Шипящіе принимаются за твердые (грабёжъ, ёжъ, тёща), но очень много исключеній (мéчъ, съ плéчъ, пéчь тéчь, вещь, мéжъ Бр. адежа; за мягкое принимается *ч* передъ суф. ка, ко, но не передъ окъ, екъ; *ц* постоянно считается за мягкое, хотя произносится твердо: купецъ, писецъ.

Изъ примѣровъ: вéрбы, пéрвый, сéрбъ, сéрпъ, сéрце верхъ, меркнуть и т. п. (изъ вьрбы и пр.) можно заключить, что *ь*, измѣняясь въ *е*, смягчаетъ слѣдующее р; па-

мять объ этомъ смягченіи обнаруживается въ удержаніи *е*. Судя по другимъ подобнымъ случаямъ, *р* не мѣшаетъ ассимилирующему вліянію послѣдующей мягкой согласной: терпишь, червь, перстень, шершень, жердь и пр. но само по себѣ это р твердо, почему при черти, смерть и пр. находимъ чортъ, напёрстокъ.

Лишь въ немногихъ общеизвѣстныхъ словахъ Ювр. нар. измѣняемъ *ѣ* въ ё; вообще-же *ѣ* ударяемое остается при звукѣ є, сохраняя этимъ память о своемъ происхожденіи, отличномъ отъ происхожденія звука *е*.

10. Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. Глубоко-гортанное произношеніе звуковъ *г*, *к*, *х*, (бывшее причиною того, что звуки эти, соединяясь съ ётою, или мягкою гласною, переходили въ шипящіе или свистящіе) около XIV ст. стало измѣняться въ произношеніе болѣе небное, при которомъ возможно непосредственно сочетаніе гортанныхъ съ мягкими гласными. Впрочемъ въ этомъ отношеніи Ювр. говоры представляютъ значительное разнообразіе.

а) Сочетаніе *к* съ *и* изъ *ы*—повсемѣстное (ногй, рукй), съ *я*, *ю*—въ Орлов. Кур. Ворон: копѣйкя, толькя, горькя, шапачкю, чайкю, кваскю; въ серединѣ словъ этого послѣдняго измѣненія нигдѣ не видно. Въ Бр. повсемѣстно и на концѣ словъ *ка*, а не *кя*.

б) Очень обыкновенны, но не повсемѣстны сочетанія гортанныхъ съ *и*, *е*, ё, *ѣ*, замѣнившія посредственныя смягченія: ногѣ, ноги, волкѣ, волки, слухѣ, слухи, пеки, моги, пекёшь или пекешь, пекеть, жгёшь, жгеть, магимъ, бѣгить. Старинныя смягченія *г*, *к* въ *з*, *ц* встрѣчаются еще на востокѣ—въ Туль. Орл. Кур. на Саснѣ рѣцѣ (Даль), на березѣ, при дарозѣ (Васьян. Оч. Р. Пасс. II), въ кабацѣ, на застрѣсѣ, на версѣ (Этн. Сб. II. 20), но они составляютъ исключеніе, а не правило, какъ въ Мр. Въ Бр. говорахъ эти смягченія, кажется, повсемѣстны, кромѣ юга Тв. г. Мы имѣемъ свѣдѣнія о Смол. части Витеб. Гродн. Вилен. Смол.: на дарозѣ, на пазѣ; Лепель. у. Вит. г. у стадолоньцы, у корчманце; Дрис. свя-

кровцѣ, ятровцѣ и т. д. Новогр. у. Гродн. г. на дарозѣ, на малацѣ, сабацѣ, на бельцы, однако на койкѣ, яблынькѣ.

6) Шипящіе, которые нѣкогда могли соединяться только съ мягкими гласными, теперь сохраняютъ это свойство только на сѣверѣ Ювр.; но въ Кур. г. Обоян. у. сможышь (пшь изъ ешь) жыть, взворушылъ, шшыпать; Смол. жыць; такъ и въ Вит. Вил. Гродн: жевжыкъ, чужы, бачыць, тучы, пушыць, зняушы, нщы, таварыщы. Кажется во Ржев. у. Тв. г. шипящіе мягче.

г) Основное *ц* даже въ Московскомъ, въ которомъ замѣтна еще мягкость шипящихъ, сочетается только съ а, о, у, ы, а не съ я, ё, ю, и. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ ожидать того-же въ другихъ Ювр. говорахъ. Сочетаніе *цѣ*, кажется, выговаривается въ Моск. какъ *цэ*; Въ Бр. мѣстами какъ *ци*, мѣстами какъ *цэ*, *цы*, (набельцы, у карчоманце, Леп. у. Вит.) или *цѣ* (Дрис.). На концѣ *ц* вездѣ твердо. Изъ ться въ оконч. неопр. накл. выходитъ тца или цца (Моск. Кур. Ворон. Новгор. у. Гр. г., Погар. у. Черн. г.) или ццы (Калуж, Пенз. Ржев. у. Тв. г.). Вѣроятно есть мѣста, гдѣ и то и другое; по крайней мѣрѣ въ Ворон. г. *ся* выговаривается какъ *си* (и вѣроятно близкое къ среднему М-русскому): дралси, збузыкалси, и какъ *са*, что видно изъ брезжитца (Даль). *ц* въ прилаг. на ской, образующееся изъ *с* съ предыдущимъ *д*, *т*, *ч* (гарацкой) мягко развѣ гдѣ нибудь на Бѣлой Руси; *ть* въ 3-мъ л. ед. и мн. ч. наст. вр. потеряло старинную мягкость въ Москов. Пенз. и сохранило ее въ Калуж. Орл. Тамб. Кур. Ворон. и во всей Бр. начиная со Смол. и юга Тв. губ. при чемъ въ Бр. изъ ть вышло ць.

11. Количественныя измѣненія согласныхъ. Количествомъ согласной называется степень силы дыханія, нужная для произнесенія этой согласной. Дыханіе съ большею силою приражается къ органамъ, когда произносимъ к, т, п, чѣмъ тогда, когда произносимъ *г*, *д*, *б*, и съ большею силою въ этомъ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ тогда, когда произносимъ spirantes (j, в, с, х, h и пр.), язычные р, л и носовые н, м. Поэтому измѣненіе соглас-

ныхъ беззвучныхъ или одновременныхъ по направленію къ звучнымъ или длительнымъ, которые незамѣтно сливаются съ гласными (h съ а, j съ и, в съ у), есть количественное паденіе этихъ согласныхъ. Явленія ётацизма, т. е. смягченія согласныхъ суть тоже количественныя ослабленія согласныхъ; шипящіе и свистящіе изъ гортанныхъ количественно слабѣе этихъ гортанныхъ, и всякое прибавленіе длительной ёты приближаетъ одновременную согласную къ длительности; но мы произвольно будемъ называть количественными только такія измѣненія согласныхъ, въ которыхъ не участвуетъ ёта.

а) Древнее общеславянское произношеніе звука *г* одинаково далеко и отъ Лат. и Мр. h, и отъ *к*. За исключеніемъ род. ед. прилаг. опр. м. и ср. и нѣкоторыхъ словъ (государь, когда, тогда, и нѣкр. др.) это произношеніе остается въ Московскомъ внутри словъ; въ окончаніи о г о здѣсь, какъ и большею частью въ Свр. *г* произносится какъ *в*, начиная не позже какъ съ конца XV ст. (Кириловсково, посельсково). Такъ и въ Тамб. Пенз. гг. (дикатьку, лихова). Въ другихъ Ювр. говорахъ (Калуж. Кур. Ворон. Смол. и всей, почти, Бр.) *г* внутри словъ какъ h, не исключая и оконч. прилаг. (широкаhа, зилёнаhа). Въ Ржев. у. Тв. г. *г* какъ h, «какъ бы съ удвоеніемъ» (какъ гh? Этн. Сб. I, 237); тоже и въ окончаніи прилагательныхъ. Въ Себежскомъ у. Вит. г. у крестьянъ православнаго исповѣданія—какъ g, *в* (зяленава), а у крестьянъ римскокатолическаго—и въ Лепель. у.—какъ h (Этн. Сб. II, 115). Въ Бр., начиная съ Рж. у. Тв. г., гдѣ *г* какъ h, тамъ, рядомъ съ придыханіемъ *в* (возяро, воко) есть и h (hэто, hострый, hарацъ). Въ одной пѣснѣ, записанной въ Дрис. у. даже я́ г о р ъ (яhоръ) вм. яворъ (Пам. и Обр. 244.).

б) На Югѣ отъ Москвы *в* никогда не звучитъ какъ *ф*, а напротивъ близится къ гласному *у* (Даль). Предлогъ *у* измѣняется въ *в* и наоборотъ (у горатъ, вдарить) въ Кал. Орл. Кур. Ворон. отчасти въ Пенз. (но не въ Тамб. Даль) и во всей Бр. Въ Кур. у в ъ Арины вм. у; въ Рж. у. Тв. г. у лѣсѣ, ува ржи, увва сняхъ (во снѣ), уввадзинъ дзень,

уремя, унукъ. Начальное *у* почти во всей Бр. (Ржев. у. Тв. Вит. Гродн.) любитъ придыханіе *в*: вухо, вумный, вучоный, вуксасъ. Въ Ржев. у. аневожъ (а неужели), валазень (влазень, зять, который входитъ въ домъ въ приймы). Во всей Бр. *в* передъ согласными и на концѣ— какъ короткое *у:* утамиўшысе.

в) Даль говоритъ, что въ Ряз. говорѣ есть наклонность измѣнять *л* на *в* въ окончаніи прош. вр. (хаднў, хадивъ). Онъ исключаетъ однако Тамб. г. Вѣримъ на слово, хотя самимъ не приходилось встрѣчать. Во всей Бр. начиная со Смол. и Юга Тв. г. этотъ переходъ выдерживается строго, мѣстами, кажется, только въ окончаніи прич. пр. на *л*, но большею частью (Смол. Вил. Вит.) въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ Мр. (см. ниже), и даже на концѣ существительныхъ (Гродн.): сакоў, хотя Укр. сокілъ.

г) *ч* въ старинномъ ч ь т о повсемѣстно ослабляется въ *ш*; ш т о (или безъ ударенія, шта, шты) остается въ Моск. и въ большей части Бр.; въ другихъ говорахъ т смягчается, изъ чего выходитъ штё (Пенз.) щё, що (Ржев. у. Тв .Калуж. Кур. Ворон. Тамб., гдѣ безъ ударенія—щи).

д) *ч* въ звукѣ *щ* во многихъ мѣстностяхъ ослабляется въ *ш* (Кур. шшыпать и т. п.); въ Ржев. у. Тв. г. *щ* какъ *ш* (вешь вм. вещь), *шт* (ешто; такъ и въ Тамб.; въ Пенз. ища, ищо; во многихъ мѣстностяхъ на востокѣ и сѣверѣ Ювр. шти вм. щи), *сш* (сшалкаць, сшипаць: «что-то среднее между *щ* и *ш*», Этн. Сб. I, 239).

е) Къ числу количественныхъ ослабленій относится и повсемѣстная въ Ювр. (кромѣ Моск.) возможность опускать *ть* въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр., при чемъ это опущеніе вознаграждается усиленіемъ предшествующаго *и* въ *е* (хо́д*е*, откуда хо́дя). По Далю, *ть* опускается и въ 3-мъ л. мн. ч. (ру́ки боля́), чего нѣтъ въ Мр.

ж) Довольно распространено ослабленіе *к г* передъ *к*, *т* въ х: хъ каму, хъ тибѣ, хто; также *х*рестъ.

з) Повсемѣстно измѣненіе звучныхъ передъ отзвучными и на концѣ въ отзвучные: рокъ (въ Моск. и вообще тамъ, гдѣ г=Лат. g), рохъ, снѣхъ, друхъ (въ Кур. и вообще гдѣ г=h), готъ, лопъ, восъ (возъ), ношъ (ножъ).

Особенности нѣкоторыхъ Бѣлорусскихъ говоровъ.

12. а) Сокращеніе *и* въ j, ь: свайго, свайму (Ржев.) изъ сваиго́; въ Вит. и въ другихъ Ювр. говорахъ сваво, сваму, что, наравнѣ съ Мр. свого, предполагаетъ свойго; пайщи-тка, гаво́рьти, пакажьте, подзь (кажется есть и въ другихъ говорахъ, кромѣ Бр.); дзякуй (вм. ую, Вит.); зъянъ, знетильку (изъянъ, изнетильку=нечаянно, Рж.).

б) Въ Вил. Гродн. окончаніе прил. опр. ый, ий стягивается въ *ы*, *и*, какъ въ Польскомъ: зелёны, печоны, стары ,старши, сильномогущи, гарадзилаўск*и*; но рядомъ съ этимъ мокрый, семиголовый, послѣдній. Тамъ-же би, разби вм. бий.

в) Неорганическое появленіе ёты послѣ гласныхъ твердыхъ, независимое отъ вліянія послѣдующаго слога: пройци (противъ), пайславъ, пайзвавъ, зайздрасць (Вит.); пайшовъ предполагаетъ форму ишовъ, какъ Мр.; Дрис. жнийце (жните) какъ въ Поль.

г) Ржев. піецъ, въ др. Бр. говорахъ пѣе, пѣецъ, поетъ. Ср. рыю при Вр. рою.

13. Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. а) Въ Вил. Гродн. отчасти Вит. удерживается древнее посредственное смягченіе *д* въ дж, свойственное многимъ Мр. говорамъ и чуждое остальнымъ Вр-скимъ въ такихъ формахъ, какъ виджу, ураджу, пагляджу. Только послѣ *ж* встрѣчаемъ дж и въ Московскомъ (пріѣжджалъ) и въ Бр. (дажджу, барждожей, что, кажется, предполагаетъ Поль. bardzo, потому что изъ *з* въ борзо врядъ ли могло образоваться дж).

б) Относительно новое измѣненіе д, т передъ ь, е, и, я, ю, ѣ въ мягкіе дз, ц, свойственно всему Бр. говору, начиная со Смол. и юга Тверской; однако въ Погарѣ Черн. г. дѣдъ, третій, а не дзѣдъ, треціи. Изъ другихъ Ювр. говоровъ, по словамъ Даля, есть дзеканье только въ Нижнеломов. у. Пенз. г.

в) Измѣненіе *д*, *т* передъ согласными въ *й* произошло путемъ непосредственнаго смягченія: брайцыки

(Рж. изъ братчики), зъ айцо́мъ, малайца́ (Вит.). Въ Вит. ли (для) татухны, ля свекарки *д* совсѣмъ опущено; ср. Кур. идѣ́ (гдѣ), отъ котораго прямой переходъ къ 'дѣ.

г) Удвоеніе согласныхъ передъ ь (j) съ послѣдующею гласною: Ржев. у. Тв. г. Васильля, Ильля, сабольлю, съ сольлю, пачтенне (т. е. нню изъ нье), пѣнне, сяленне, Ахрасиння, Малання, кунню шубу, Марря, каппё, цалавѣццая (изъ—чьяя), у груддё (въ кучу), лошаддю, питтё, плаття, зъ прицастямъ (изъ—ьемъ, какъ въ Мр.), аброттю, миласттю, воласттю. Изъ послѣднихъ примѣровъ видно, что въ Ржев. удвоеніе зубныхъ предохраняетъ ихъ отъ измѣненія въ дз, ц, которое не предполагаетъ явственной ёты. Однако въ Смол. г. на ряду съ удвоеніемъ другихъ согласныхъ (бяльлё, видзяньнё, вясельля, кручча, валосьси) находимъ и удвоеніе цьцё (жицьцё).

Въ Дрис. у. Вит. и Новогруд. Грод., и вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Бѣлой Руси, нѣтъ удвоенія; рване (т. е. не), гараване, до свитаня, до снѣданя (какъ въ польскомъ и, можетъ быть, въ силу польскаго вліянія) па загорію, па застолью, Вил. щастё, Грод. адзѣнё. Въ остальныхъ Вр. говорахъ удвоенія не видно.

д) *р* сохранило смягчаемость только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Сѣверѣ (Рж. Тв. г. Себеж. Вит. г.) и на Югѣ (Погар. Черн. г.), въ остальной же Бр. начиная со Смол. г. оно постоянно твердо: дударъ, гаспадаръ, багатыръ, парадокъ, гарачый, бяроза, мацяр*ы*, гавару́. Это черта несвойственна Юврн. на Востокѣ, ни Мр. восточному, но обыкновенная и на Западѣ Малой Руси.

е) Въ Ржев. сочетаніе сть на концѣ словъ переходитъ въ сь: ёсь (есть), рась (рости), ісь (ѣстъ) сѣсь, зависъ, радось, шесь, цась (часть), даже балѣзь (вѣроятно балесь изъ болесть). Въ другихъ Юврн. говорахъ ничего подобнаго мы не встрѣчали. Это Св.-русскій признакъ.

14. а) Въ Ржев. *ч* переходитъ въ *ц*, которое то мягко, то твердо: ноць, проць, доць, сѣць, Ивановиць, прицетникъ, ме́лця (мельче), цалавѣкъ, цаго, ницогъ (ничего), цасы, гастинцыки, ларцыкъ, концылось, унуцыкъ, пацынаць, цыста, на плецы, хоцытъ, яблацко, наслѣд-

ницка, боцка, яцмень. Это цоканье, какъ и предъидущій признакъ, слѣдуетъ, кажется приписать вліянію сосѣднихъ Св.-русскихъ говоровъ. Однако оно есть не только въ Вит. г. по границѣ Псковской, но и въ Новогруд. у. Гродн. г. церезъ, клоцья, ци (чи; впрочемъ ци можетъ быть изъ ти, равнаго по значенію съ чи). Въ такъ называемомъ Рязанскомъ говорѣ, въ Боровскѣ Кал. г. цто, цаво, цашка, въ Бѣлевскомъ «нечисто произносятъ *ч* и *ц*»; въ Нижнеломовскомъ у. Пензенской г. (см. выше 13, б): ставцыкъ, цаво, свинцай, застуцали у цугуны (Даль).

б) Ржев. *ц*, наоборотъ переходитъ въ *ч:* вулича, черкавь, моладичь. Въ Медыни Кал. г. овча, черяпать, чарапать (Даль). Признакъ Сврусскій.

в) Во всемъ Бр., начиная со Смол. и Тв. въ предлогѣ съ (если его смыслъ не утраченъ и онъ не причтенъ къ корню) *с* измѣняется въ *з*, какъ и въ Мр.: зъ вѣтру, зъ ѣсць, здумаць, згадаць.

Въ Ржев. такое измѣненіе распространяется не только на *съ* потерявшее свое значеніе (звать, звадьба, змѣту нѣту (смѣты), звиданне, змерть), но и на коренное со слѣдующею согласною: звиньня, злушаць, звѣтъ (свѣтъ), змѣласць, зваею ахотаю; въ звижжишь *з* коренное изъ *г*.

г) Ржев. приѣхавши, приѣхамши, пришодши—пришомши (какъ и въ другихъ Ювр. восточнѣе), но тамъ же приѣхадчи, пришодчи; Вит. ишолши (?).

Б. Сѣверно-Великорусскій говоръ.

15. Какъ выше мы нашли мало побужденій говорить отдѣльно о Бѣлорусскомъ говорѣ, такъ здѣсь находимъ еще меньше—разсматривать говоръ Восточный отдѣльно отъ Сѣвернаго. То, что мы знаемъ изъ статьи Даля о Восточномъ говорѣ (другихъ свѣдѣній не имѣемъ), заставляетъ насъ отнести часть Меленковскаго у. Влад. г. и южную часть Нижегородской губ. (приблизительно

на Югъ отъ рѣки Пьяны) къ Южно-Великорусскому говору, а остальныя части губерній Владимірской и Нижегородской и губерніи Ярославскую и Костромскую—къ сѣверному. О Казанской и Симбирской знаемъ очень мало. Кажется, вѣрно, что сначала Великорусское нарѣчіе дѣлилось только на два говора: Южный и Сѣверный. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ тѣснѣе сходились поселенія южныя съ сѣверными, стали образовываться средніе говоры, впрочемъ до сихъ поръ сохраняющіе свой основной цвѣтъ. Такъ мы видѣли, что Ржев. говоръ, не смотря на присутствіе въ немъ признаковъ сѣвернаго говора, несомнѣнно принадлежитъ къ южному.

Изъ сѣверныхъ говоровъ намъ удовлетворительно извѣстны: Онежскій (Арх. г. «Были», записанныя Верещагинымъ, Пам. нар. яз. и сл. I), Вытегорскій (Олон. г.; см. тамъ-же), Ситскій (по р. Сити, Молож. у. Ярослав. г.; Этн. Сб. I), Вельскій (Волог. г. Этн. Сб. V). Изъ многихъ другихъ знаемъ только по нѣскольку признаковъ.

16. Замѣна глухихъ звуковъ на концѣ словъ (см. § 1). Хотя муж. имена на *о* не чужды всему Русскому языку и другимъ Славянскимъ (напр. Серб. Мужило, Станило), однако въ однихъ только Новг. старинныхъ памятникахъ встрѣчаются такія замѣны конечнаго ера, какъ въ Вълхов*о*, Смоленьск*о*, Варлам*е* (вм. ъ), Павл*е*, Иване (см. Срезн. Мысли etc. 193 слѣд. Лавр. О яз. Сѣв. Русс. Лѣт. 135). Въ нѣкоторыхъ современныхъ говорахъ *ъ* на концѣ=*о*, *а*, аj на концѣ (т. е. jъ= древнѣйшему jа, jас и т. д.)=jе; съ послѣднимъ Ср. Серб. Радо*е*, Владое, Радивое, Паміе, Макаріе (им. ед. вм. Радой и пр.). Въ Ситскомъ ицёш*о*, ицёт*о*, бьёто, будзет*о*, ицёмо, сдзѣлаемо, идуто, дають, Богъ далò, (вездѣ съ *о* вм. *ъ* основнаго, или произшедшаго изъ *ь*); однако рядомъ съ этимъ отдаетъ, разовьютъ и пр.

Въ Волочкѣ Тв. г. знаем*а*, дѣлаема (вм. мъ), въ Бронницахъ Новг. г. идет*а*, сидита, смотрита (вм. тъ).

Въ Онежскомъ говорѣ: конь косматы*е*, народъ православны*е* (вм. ый); стоитъ на горы да на высокі*я* (вм. ой=ѥй=ій); и то и другое, впрочемъ, встрѣтилось не въ

простой рѣчи, а въ пѣсняхъ, для размѣра. Въ Кашинѣ и Колязинѣ Тв. г. мо*е* цыпленокъ вм. мой (моjʒ). Въ Ситск. родзимоё моё вм. родимой мой; въ пѣсняхъ обыкновенно *ю* изъ jъ въ окончаніяхъ дат. предл. ед. ч. прилагат. жен.: скажи-тко ты сироцѣ горькею, мнѣ-то-ли горюхѣ горькюю, во своей-то-ли волѣ вольнею, на мнѣ горюшѣ горькею. То-же и въ Вельскомъ: вить мни-ко бидно*ю*, ко пеци кирпицною, къ обиднѣ присвященною, горькой сиротѣ безцесною, безталанною, по веснѣ красною, въ етой бугрѣ церною, на пецѣ кирпицною. Рядомъ съ этимъ и обыкновенное окончаніе о й.

17. Измѣненія *и* въ *е*—какъ въ Юж.-Вр. (см. § 2): середнѐй, трет*ей*, бей, вей, но къ этому слѣдуетъ присоединить еще одну черту. Кажется повсемѣстно въ В.-русскихъ пѣсняхъ для размѣра можетъ удерживаться старинная двойная гласная въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ прилагательныхъ: богатыихъ, великиихъ, порядовыимъ. Такъ и въ Шенкур. Арх. г. и Вытегорск. Олон. г., по Онеж. и Ситск. *и* передъ согласною въ этихъ случаяхъ переходитъ въ *е*: Онеж. гласомъ скромкіемъ, робечьнемъ, шагомъ варо̀выемъ, ко тѣмъ-ли кельемъ низкіемъ; Ситск. своемъ лицомъ, тонкіемъ полотномъ, моефъ, цастыефъ, восплесни рукамъ бѣлыемъ, возгляни-ко оцамъ-це ясныемъ (твор. п.). Подобнымъ образомъ и въ Костром. г. данныемъ, званыемъ. Трудно сказать, зависитъ ли измѣненіе *и* въ *е* отъ качества слога, какъ переходъ *ʒ* въ *о*, или нѣтъ. Очевидно не зависитъ отъ этого появленіе *е* въ вехоря (Онеж.), перогъ, перогомъ, прешить (Вытег.), уц*е*раемса (Ситск.).

18. Въ пѣсняхъ удержалось несокращеннымъ окончаніе род. ед. ж. р. прилагательныхъ опредѣленныхъ: ы я, ы е или ы ё, і е или і ё: Онеж. Индеи богатыя, корелы проклятыя (можетъ быть и здѣсь произносится ы*е*, ыё?); Ситск. дороги широкіё, безъ великіё милосци, съ чужиё, дальніё сторонушки: Вельсқ. у родныя матушки, скатерти берцатые, миня горюхи го̀рькіё, безъ сабли вострыё, тое грозные туци (род.). е вм. ѧ мѣстами и въ винит. мн.: Ситск. моѐ, твоѐ, своѐ руки бѣлыё. См. § 5, 9.

19. Вліяніе ударенія на измѣненія гласныхъ гораздо меньше чѣмъ въ Юж.-Вр.

а) *о* неударяемое на всемъ Сѣверовостокѣ Россіи остается при своемъ звукѣ. Это общеизвѣстное и самое яркое отличіе всего сѣвернаго говора отъ Южновеликорусской рѣчи на *а*, называемой на сѣверѣ рѣчью свысока.

б) Наоборотъ, *а* неударяемое на всемъ Сѣверовостокѣ въ отдѣльныхъ словахъ переходитъ въ *о*. Такое измѣненіе въ началѣ иноязычныхъ именъ составляетъ древнюю принадлежность всего Русскаго языка (Мр. Олексій, Олександро, Свр. Обрамъ, Ондрей и пр. см. Лавр. О Яз. Сѣв. Лѣт. 130), и стерлось въ Ювр. болѣе позднимъ переходомъ *о* неударяемаго въ *а;* но только Свр. говору свойственно измѣненіе *а* въ *о* внутри нѣкоторыхъ словъ: т*о*ково, тр*о*веной, пьеничу к*о*бачкого (но іѣ. к*а*бакъ), въ к*о*рманѣ, тороканъ, стоканъ, торелка. Не можемъ сказать, измѣняется ли такъ и *а* слѣдующее за удареніемъ; несомнѣнно, что на концѣ слова *а* никогда не измѣняется.

в) Мѣстами *о* неударяемое переходитъ въ *у*. Такъ въ Твер. уѣздѣ, въ Ситчинѣ, въ Костром. г.: утопокъ, удѣяло, мутылекъ, утвори, утопри, вы́мую, съ палкуй, досадуй, охотуй. Вѣроятно не во всѣхъ упомянутыхъ мѣстностяхъ переходъ этотъ одинаково распространенъ и *у* одинаково ясно. По крайней мѣрѣ въ Ситскихъ пѣсняхъ помѣщенныхъ въ 1-мъ вып. Этн. Сб. *у* изъ *о* мы нашли только въ одномъ словѣ. Явленіе это составляетъ правило въ Болгарскомъ (дудо́хъ или до́духъ, т. е. долдохъ), а въ нѣсколькихъ словахъ встрѣчается и въ М.-русскомъ.

г) Изрѣдка встрѣчаемъ глухой выговоръ неударяемыхъ а, о, у: въ Вытег. сына любимаго д*ы* и прекраснаго, ко матышки (но бабушки, роднушки); Онеж. к*е*ролевисьня, тутова и *е*каменѣлъ, Ситск. осудар*о*ня.

д) Болѣе обыкновенно такое-же какъ въ Моск. измѣненіе *е* неударяемаго въ *и*. Онеж. Шенк. Вельск. Вят. тёгинька, маминька, миня; Вытег. миня, тибя, сибя, ве́дина (но плет*е*на), малинькой, каротинькой, меньши; Ситск. грудзиньки, надзежиньки. То-же въ Ковр. у. Влад. губ.

и вѣроятно во многихъ другихъ мѣстахъ по всему Сѣверовостоку.

е) Стяженіе а́е или ае (безъ ударенія) въ *а* имѣетъ мѣсто во 2 и 3-мъ л. ед. и 1-мъ л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ на *а*-ть въ Онеж. Вельск., а равно и во Влад. Костр. г.: дѣла*шъ*, ду́машъ, послу́шашъ, сыма́тъ, называ́тъ, потеря́тъ, знамъ (знаемъ), дѣламъ. Въ Вельскомъ даже встатъ вм. встае́тъ. Этимъ не вытѣсняется окончаніе не стяженное: Онеж. оставлеё̈тъ, срецеё̈тъ, Вытег. дѣлае, знае, бывае. Въ одной Твер. губ. намъ извѣстно стяженіе въ 1-мъ л. ед. наст. вр., при томъ иногда такое, которое предполагаетъ, что вторая гласная уподобила себѣ первую: сбѣ́гу, сдѣ́лу, вѣ́ду, (=аю) диву́сь (—уюсь).

20. Измѣненіе *е* (је или *е* послѣ шипящихъ) *въ* ё (јо). Въ Смоленской грамотѣ 1229 г. *е* послѣ шипящихъ и *ц*, въ слогахъ ударяемыхъ и неударяемыхъ одинаково переходитъ въ о: должонъ, сужона, разрушонъ, тожо, ожо, жоною, утвержонъ, купцомъ, немцомъ. Возможно, что въ это время въ сѣверномъ говорѣ, которымъ написана эта грамота, мягкое *е* въ другихъ случаяхъ, послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ, еще не измѣнялось въ ё, но оно могло и измѣняться, а не обозначалось только за неимѣніемъ въ азбукѣ соотвѣтствующаго знака. Какъ бы то ни было, уже въ то время сѣверный Вр. говоръ отличался и въ этомъ отношеніи отъ южнаго, въ которомъ только ударяемое *е* измѣняется въ ё. Условія измѣненія је въ ё въ теперешнихъ Свр. говорахъ малоизвѣстны. Предположивши, что въ большинствѣ случаевъ Св.-русское удареніе совпадаетъ съ Юв.-русскимъ, можемъ думать, что въ Свр. *е* измѣняется въ ё или остается въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же случаяхъ, что въ Ювр. именно:

1. а) Измѣняется передъ твердыми и на концѣ: Онеж. хрёсъ (крестъ; въ Ювр. въ этомъ словѣ *е* остается, можетъ быть по вліянію Церк. яз.), рублёвъ, бьётъ, выдёргивалъ, вымётыватъ, вёдра; Вельск. котёлъ, тёмново, по тёсану, слёзно, тётушка, молодёхонька, молодёшенька, пойдёшъ, роднёй, объ цёмъ, своё, твоё; Ситск. забрелъ, пойдзёмъ, падёжинька, твоё, лицо́, серцо́, лицомъ, дожжомъ.

б) Остается *е* ударяемое не только передъ мягкими, но и передъ твердыми въ случаяхъ, которыхъ опредѣлить не можемъ: Онеж. глуп*е*шонекъ, мал*е*шонекъ, благословл*е*нье, мол*е*нье, середней, вецеръ, топ*е*рь; Вельск. церныё и цёрныё, желтые, колесцатой, дреснеце, дожемъ (дождемъ), бьемъ; Ситск. до пьянешенька, сердзешной, хорошенекъ, вста*е*мъ, веселыё, цотыр*е*фъ.

е неударяемое частью переходитъ въ ё, частью остается.

2. Переходитъ: на концѣ почти всегда, именно:

а) въ имен. п. ед. ч. существительныхъ и прилагат. Онеж. полё, платьё, сонцё, намѣреньё, надвоё, облако ходяцёё благословленьё полноё, моленьё пустынноё; Шенкурск. бѣлоё, красноё, бáбьё житьё; Вельск. полё, горё прибѣжисцё, прилитисцё, красноё, хорошоё; Ситск. полё времё, пріяцелишшо, спроцкоё, горемышнёё, вѣшноё Даль замѣчаетъ: «нигдѣ нѣтъ столько ё, какъ на Вяткѣ: воскресеньё заговеньё, при чемъ это конечное ё вытягивается такъ, что слово получаетъ два долгіе слога». Но переносится ли удареніе на послѣдній слогъ? Врядъ ли.

б) Въ род. ед. прилаг. жен. Вельск. меня горухи горькіё, безъ сабли вострыё, воды клюцёвыё, но у родны*я* матушки; въ Онеж. здѣсь на концѣ намъ встрѣчалось только *я*; Ситск. дороги широкіё, безъ великіё милосци.

в) Въ именит. мн. прилагательныхъ всѣхъ родовъ: въ Онеж. здѣсь опять, кажется, на концѣ *я*, но въ Вельск. постоянно ё: цесныё родители, милыё подруженьки, поля гористыё, каменистыё и т. д.: Ситск. столы дубовыё, руки бѣлыё и т. д.

г) Въ сравнит. степ. Вельск. биляё, любяё, Ситск. полнѣё, скорѣё, но въ Арх. губ.. по Далю. здѣсь *е*: корочае, громчае, смѣляе.

д) Во 2-мъ л. мн. ч. наст. вр. и повелит. накл. Вельск. пойдитё, поменитё и т. д.; Ситск. стрѣцайцё, становицё, сажай-ко-цё, здоро-во-цё.

е) Въ возврат. мѣстоименіи въ Вельск. говорѣ: надѣюсё воспрогниваусё, дожидаласё, цасы цасуютсё, времена минуютцё, и такъ постоянно; но въ Онеж. Шенкур.

Вытегр. постоянно *се*, *це*: луцилосе, оборонитце; въ Вытегор. *си*, *цы*: встрепенитси (встрепенитесь); въ Вологдѣ се и сы: катитце, надіявсе, дѣлатцы, купатцы, въ Ситск. постоянно *са*, *ца*: уцераемса, дзержицца.

Внутри словъ:

ж) Передъ согласными падежныхъ окончаній: Онеж. каменьёмъ, податаманьёмъ, со Алешою, съ Опраксіей, среднёю, младшою, нашого; Шенк. дѣвицёй, своёй, дѣвьёй; Вельск. зятёмъ платьичомъ, братьичомъ (но съ удар. дожемъ т. е. дождемъ, шитьемъ), братьичовъ, своёй, дремуцѐво: Ситск. ви́хорёвъ, свѣжой водой, но землей, волей, дзѣвьей.

з) Въ образовательныхъ окончаніяхъ: Онеж. Дунаѐво, лазурёва, булатёнъ, цудёнъ, цестёнъ, насажоно, запрелшоно, нагонёно, глупешенёкъ, малешенёкъ, поценёкъ (род. мн.); Шенк. косящото, подрузенёкъ; Вельск. зыцёнъ голосъ, буёнъ витеръ, есонъ соколъ, голубушокъ, подруженёкъ; Ситск. сторонушокъ, косяшшото окошецко; Вытег. кошоцка, ложоцка.

і) Во 2-мъ и 3 л. ед. ч. наст. вр: Онеж. кушаёшъ хвастаёшъ, кушаётъ, хвастаѐтъ, стрѣцаётъ, принимаётъ, думаётъ, ѣдётъ, топцётъ; Шенк. будёгъ, хоцётъ, плацётъ, кукуётъ. Вельск. будѐтъ, но, если это не ошибка, хоцетъ; Ситск. будзётъ. Въ Вель. а вѣроятно и въ другихъ, станёмъ.

и) Въ корняхъ: Онеж. жонату быть; Вытег. шолко́въ, на цёрны́ груди, на цѐсно́мъ пиру, дёржалъ, лёжитъ, за̀ вёрсту; Вель. обжонити, по цёрну́ смородину (и по церну), хлёбаютъ; въ разныхъ мѣстностяхъ цово, цорвакъ.

з. *е* остается безъ исключенія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно образовано изъ *и*, напр. въ оконч. им. ед. и род. мн. сущ: соловей, гусей, лебедей; въ окончаніяхъ мѣст. и прил. опр: своемъ (своимъ), цужіефъ, цужіемъ; остается также вездѣ, гдѣ оно изъ *я* (см. ниже), за исключеніемъ возвратнаго мѣст. *ся*, о которомъ уже сказано.

Оно не измѣняется во многихъ другихъ случаяхъ тамъ, гдѣ измѣняется въ Ювр; ни опредѣлить, ни перечислить этихъ случаевъ не можемъ. Даль говоритъ, что въ Новг. губ.—вед*е*шъ, вед*е*мъ, смѣ*е*шся, женка, черный; въ Вельск. мертвово, церпаютъ, пош*е* (пошолъ).

Неудовлетворительность того, что сказано нами объ *е*, въ значительной степени извиняется небрежностью или незнаніемъ собирателей народныхъ памятниковъ. Вобще для грамматики народныхъ говоровъ нельзя много сдѣлать теперь, когда одни собиратели, частью руководясь задними мыслями, частью безъ всякой мысли, гнутъ народные говоры подъ правила литературнаго языка, а другіе, рѣшившись записывать такъ, какъ говорятъ, не въ состояніи поступать согласно съ этимъ рѣшеніемъ. Встрѣчаются напр. на одной и той же страницѣ церныё, и цёрныё и т. д., и не знаешь, колебанія ли эти народнаго говора, или ошибка записывателя.

Изъ немногихъ примѣровъ, приводимыхъ Далемъ видно, что въ мѣстностяхъ, относимыхъ имъ къ восточному говору, условія измѣненія *е* въ ё тѣ-же, что и въ сѣверномъ: Влад. г. сёло́, ёво, стрёкать, чово, чосать, бёда, пёсокъ, ёда (ср. Кирил. Новг. г. целковицька полтора, поцёлуй; ѣ=е); Костр. г. хотитё, глядитё, кусаётъ, мякнётъ; Нижегор. станёшъ, встанётъ, чово, ёво, ёму, Стёпанъ.

22. Переходъ *я* въ *е* (=ие) въ Онеж. у. Арх. г., а равно, въ Пошех. Яр., въ гг. Вят. и Перм. зависитъ отъ мягкости слѣдующаго слога. Передъ твердымъ слогомъ и на концѣ (исключая мѣст. ся) *я* остается: нацялъ, туця, Добрыня. Изрѣдка *я* неударяемое переходитъ въ *е* и передъ твердымъ слогомъ: тров*е*но́й, в*е*залъ; *я* ударяемое—никогда. *Я* ударяемое или неударяемое, равно въ среднемъ и обратномъ, какъ и въ прямомъ слогѣ, передъ мягкою согласною переходитъ въ *е:* зеть, кнезь, бояринъ, кресьенинъ, со всеками, перснеми и т. д. Это явленіе свойственно не всѣмъ сѣвернымъ говорамъ, и судя по этому—довольно поздпее, позже напр. измѣненія *я* неударяемаго въ *е*. Въ Ювр, единственный случай регрессивной ассимиляціи—неизмѣ-

неніе *е* ударяемаго въ ё передъ мягкими; въ Мр. нѣтъ и этого: поэтому вышеуказанное измѣненіе *я* въ *е* въ Онеж. и др. говорахъ отличаетъ ихъ отъ остальныхъ Русскихъ. Такое же измѣненіе въ Чешскомъ, замѣтное уже въ XIII ст. (křest*a*n, но křest*e*ne, Pol*e*ne, pět, но pátý) отличается отъ Онежскаго тѣмъ, что распространяется и на конечное *я* (duš*e* изъ duša) и на твердое *а* передъ j въ среднемъ и обратномъ слогѣ (dej вмѣсто daj). Регрессивная ассимиляція замѣтна кое-гдѣ въ Хорутанскомъ (duš*e*, dej), въ Болг. (Стоянъ, но Ҫто*е*не, ѣяра, но вѣренъ), въ Поль. (biorę, но bierzesz, wiara, но wierzyc). Umlaut въ Нѣм. есть ассимиляція несмягченной гласной послѣдующею ётою или гласною *i*. Такъ и во Французскомъ аттракція гласнаго звука i, слѣдующаго за l, n, r, s (témoin изъ testimoni(um), contraire изъ contrari(us) не предполагаетъ мягкости измѣняемой гласной. Въ Слав. нарѣчіяхъ, за исключеніемъ такихъ случаевъ, какъ Чеш. dej, гласная, измѣняемая вліяніемъ слѣдующаго *и* или j, всегда мягка.

Въ Вельскомъ говорѣ условія измѣненія *я* въ *е* для насъ не ясны: оно измѣняется независимо отъ ударенія не только передъ мягкими, но и передъ твердыми: на радост*е*хъ, на подилехъ (пóдѣляхъ), на заводехъ, на конехъ, въ гостехъ (но во сняхъ, въ забытяхъ), оди*е*ло, пр*е*дено, снеўбы (снялъ), грéнули, боера и пр. На концѣ *я* не измѣняется, какъ и въ Онежскомъ. Встрѣчаются случаи, когда оно не измѣняется и передъ твердыми, и передъ мягкими: петьдес*я*тъ, вил*я́*тъ, прибор*я*не, панзжане, кушайти (но прощей). Можетъ быть, конечно, это ошибка записывателя.

23) Переходъ *ѣ* въ *я*, *и*. а) Въ *я* измѣняется только въ окончаніи сравнит. степени Арх. веселяе, смѣляе, скоря́ и, согласно съ требованіями стариннаго языка, корочае, громчае; Устюж. скоряя, добряя; Вель. биляё; любяё; а, по Далю, въ Сибири: бѣдня́, синя́, легчае, тишае, и внутри немногихъ слоъ: Онеж. Шенк. видялъ, смотрялъ. Череп. Новг. г. сясть, налятятъ.

б) Гораздо болѣе распространенное измѣненіе *ѣ* въ *и* ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ говоровъ не имѣетъ такого полнаго господства, какъ въ Мр. Отсюда

видна ошибочность мнѣнія, будто звукъ ѣ=є (потому что о двоегласномъ или долгомъ ѣ=Скр. ê рѣчи быть не можетъ) издавна пропалъ въ Новгородскомъ говорѣ и *ѣ* продолжало употребляться только какъ орѳографическій знакъ. Дѣйствительно, *и* изъ ѣ появляется уже въ XIII ст. (Обон*и*жаномъ 1265 г.), но рядомъ съ нимъ всегда было и ѣ=є. Теперешніе говоры, если насъ не вводятъ въ заблужденіе собиратели, въ этомъ отношеніи представляютъ значительное разнообразіе. Въ Онеж. *и* изъ *ѣ* только на концѣ, да и то не всегда (въ город*и* Кiев*и*, въ сундук*и*), рѣдко въ серединѣ (кал*и*ки), хотя въ другихъ говорахъ Арх. г.—довольно часто (вси, рици, вмистятъ, но ѣдкóй, мѣшанка). Въ Вытег. на концѣ почти постоянно (вси, гди, сиби, въ городи, на кони, на поли, ко матышки, ко роднушки, но въ мѣшоцкѣ, въ лѣсѣ); въ серединѣ словъ большею частью передъ мягкими, какъ бы въ силу ихъ вліянія: отъ бездилья, рукодилье, у дивиря, на свити, вить (вѣдь), миняй, на писняхъ, плить; передъ твердыми обыкновенно остается: съ невѣсткой, пропѣть, сидѣлъ, дѣдъ, дѣва, лѣсъ, но рипнича (род. ед.), Въ Кирил. Новг. г. на концѣ постоянно *ѣ:* на конѣ, женѣ, всѣ, на травонькѣ, въ кавтанѣ, въ кобацкѣ, въ корманѣ; въ серединѣ, какъ въ Вытег. передъ мягкими *и*, передъ твердыми *ѣ:* въ синничю, къ пинью, би́литця, билеюшко (заюшко), писни пити, но дѣло, повѣса, пострѣў, збѣгай, дѣўка, невѣрная. Въ Вельск. на концѣ *ѣ:* тибѣ, въ сторонѣ, по горѣ и т. д.; исключенія (*ѣ* какъ *и*) очень рѣдки; но въ серединѣ то *ѣ*, то *и* безразлично и передъ твердыми, и передъ мягкими, нерѣдко въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ: хлиба, билово, ви́дати, нитъ, совитъ лиса́, викъ, чвитъ, тило, стиной билокаменной; дивей викъ, злодій, скоріе, свицу, въ лисѣ, на дилѣ, по рицкѣ, спись (но спѣсивая), пили пѣтухи; объѣла, сидѣла, сѣно, крѣпко, дѣвича и дивича, вѣсцицы и висти, и т. п. О другихъ говорахъ знаемъ меньше. Въ Соликамскѣ (кромѣ окончанія предлож. ед., гдѣ—*ѣ*) почти вездѣ *и* (Даль); въ Вяткѣ *и* только въ началѣ словъ: исть, издить, а въ прочемъ повсюду *ѣ*. Судя по имѣющимся

примѣрамъ, въ Пошех. Яросл. г. и въ Перм. г. *и* передъ мягкими, но въ Волочкѣ Твер. г. и передъ твердыми: лито, викъ, рика. Въ Ситск. свитиць, при закаци, по на зор*ѣ*. Въ г.г. Влад. Костр. Нижег. *и* изъ *ѣ* появляется изрѣдка; въ немногихъ словахъ оно есть даже въ области Ювр. напр. на сѣверѣ Пенз. г. смотрилъ.

Если приведенныя свѣдѣнія на столько вѣрны, что мы можемъ принять за фактъ существованіе Свр. говоровъ, въ которыхъ *ѣ* измѣняется при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и *я* въ *е*, т. е. передъ мягкими, то слѣдуетъ принять, что уже въ XIV в. Свр. нарѣчіе было раздѣлено на говоры: въ этомъ вѣкѣ уже встрѣчается переходъ *ѣ* въ *и* и передъ твердыми. Начало этого перехода не позже конца XII в. или начала XIII в.

24. а) Изрѣдка *и* переходитъ въ *ы:* Онеж. оны, межъ глазмы́, подъ ушмы, Вытег. ёны, съ намы. Кажется во всей Олонец. г. въ твор. мн. *ы* вм. *и:* подаркамы и т. д.; но незнаю, всегда ли такъ. Въ серединѣ словъ рѣдко: Вытег. крыкнетця. Въ Вышневолоц. у. Тв. г. на границѣ съ Валдаемъ слышно смѣшеніе *и* и *ы:* ми, мило (мыло), полинь (полынь) и мыло (мило), мылость (Даль). Въ южной части Меленк. у. Влад. г. гдѣ рѣчь на *а* (Ягоръ, у няво), но съ примѣсью Свр. *ц* вм. *ч*, *и* вм. *ѣ* (цирвякъ, хлібъ) тоже есть *ы* вм. *и:* оны, пырагы, пыла (Даль). Въ Нерех. Костр. г. грыбы.

б) Изрѣдка *у* переходитъ въ *ы:* Онеж. быдто, Ситск. бытто, глыбо́ко, быйну голову, быйныефъ вѣтро́въ.

25. По происхожденію, совершенно отличны отъ предыдущихъ три слѣдующія явленія.

а) Въ именахъ жен. р. на *ь*, въ оконч. предл. пад. ед. ч. *и* замѣняется посредствомъ *ѣ:* Вель. по гризѣ; Муром. на лошадѣ, на печѣ. Кажется, тоже не только во многихъ Свр. говорахъ, но и на сѣверѣ Ювр. области, напр. въ Пенз. г. Этотъ случай слѣдуетъ строго отличать отъ Ситск. свое (*е*) уста, Ковров. Влад. г. свае, твае руки; Витеб. мае́ дзѣтки, тва́е ключи, чіе́ бычки. Въ послѣднемъ случаѣ *е* есть непосредственная замѣна *ѣ* и не предполагаетъ звука *и*, а въ первомъ звукъ *и* есть основ-

ной. При томъ въ послѣднемъ случаѣ (мае́) *е* есть продуктъ чисто-звуковаго стремленія, а въ первомъ *ѣ* появилось въ силу стремленія сравнять склоненіе *и* (печь) со склоненіемъ *а*: предл. печѣ́ по аналогіи съ зол*ѣ*.

б) Уже въ первой Новг. лѣт. встрѣчаемъ довольно часто форму дат. пред. ед. именъ на *а* вм. формы род.: изъ Русѣ (Рус*ы*). Теперь въ однихъ говорахъ находимъ только эту замѣну (напр. въ Ювр. въ Тамб. и Пенз. гг.: у свинь*ѣ*, у жин*ѣ*); въ другихъ—и эту и обратную: Борович. Новг. Торж. Тв. Псков.—изъ Москвѣ, у рѣкѣ, отъ ногѣ, уха съ рыбѣ, къ рѣки, на ноги́, на рѣки на Мсты, рыба въ воды́; въ третьихъ, кажется, только род. вм. дат. пред.: Онеж. скажи молодой вдовы поклонъ; самъ онъ головы-то удивляется; пошелъ по се́реды кирписьныя; стоитъ на горы да на высокія; сватать-се на той-ли Катерѣнуши Цясовисьны. Тоже на сѣверѣ Бр. въ Ржев. у. Тв. г. и Себеж. Леп. Вит. г.: на травы, на галавы, на вады, къ божай церквы. Ни въ Ситск., ни въ Вельск. ничего этого незамѣтно: къ моей матушкѣ, въ своей волѣ, род. стороны, дат. сторонѣ.

в) Въ Ситск. у. дат. мн. ч. замѣняется творительнымъ, и на оборотъ: восплесни рукамъ бѣлыемъ, возгляни-ко оцамъ-це ясныемъ, горюцми слезамъ, горюцыемъ слезамъ и горюцмы́ слезми́, по полями-це по цыстыемъ, по лугами-це по зеленыемъ, по травами-це по шелковыемъ. Тоже въ Пошех. Яр. г. въ сѣверной части Нижегор. г. и въ Осѣ, Кунгурѣ, Верхотурьи, Екатеринбургѣ Перм. г.: дѣлать рукамъ, отдать дѣтьми. Тоже, кажется, и въ Новг. г.

Въ Псковской, части Влад. и въ Вологод. гг. есть только замѣна твор. мн. дательнымъ, но не наоборотъ. Тоже, кажется, въ Вытегрѣ Олон. г.: трудамъ праведнымъ наживешъ домовъ каменныхъ; въ Онеж. Вель. нѣтъ, по видимому, и этой замѣны. Во всѣхъ трехъ случаяхъ а, б, в, мы видимъ не звуковую замѣну, въ родѣ перехода *ѣ* въ *и*, *я* въ *е*, не замѣну независимую отъ измѣненій мысли, а результатъ забвенія значенія падежей, явленіе, которое вовсе не относится къ фонетикѣ, что

такъ-же мало можетъ быть объяснено звуковыми законами, какъ напр. слѣдующіе примѣры употребленія винительнаго вм. родительнаго: потянуў бўёнъ витеръ съ поўдневую сторону; пахались вѣтры буйныё со всѣ цетыре стороны (Вель.) (*).

26. Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. Уже въ первыхъ памятникахъ Новгородской письменности обыкновенна замѣна *ц* на *ч* и наоборотъ, при чемъ сохраняется мягкость этихъ звуковъ. Нельзя сказать, что эта мягкость производитъ упомянутыя измѣненія, потому что въ Мр. *ц* соединяется съ *я*, *і*, *ю*, а не съ *а*, *и*, *у*, а между тѣмъ, съ незначительными исключеніями, оно не переходитъ въ *ч*. Однако кажется вѣрнымъ, что если-бъ потерялась мягкость, то упомянутыя измѣненія были бы невозможны. Такъ въ Мазовецкомъ dz, c=Ст. Сл. *жд*, *шт* остаются при своемъ звукѣ, потому что тверды, но dź, ć=Ст. Сл. *д*, *т* передъ мягкими (chodźić) произносятся какъ *дэсь*, *чь*, благодаря тому, что мягкость здѣсь постоянно сохранялась. Кашебское нарѣчіе, образовавши *дзь*, *ць* изъ мягкихъ *д*, *т* потеряло мягкость этихъ *дзь*, *ць*, и потому осталась при звукахъ *дз*, *ц*: dzatki а не dźiatki, какъ въ Поль. wiece, pówiece, а не wiećie, powiećie.

(*) По причинѣ неопредѣленности извѣстныхъ намъ данныхъ, мы можемъ только вскользь упомянуть о явленіи, которое со временемъ можетъ быть принято за одну изъ наиболѣе характеристичныхъ чертъ нѣкоторыхъ Свр. говоровъ, именно объ особой пѣвучести рѣчи, за которою можетъ скрываться старинная долгота. Даль говоритъ о пріятномъ говорѣ (речитативѣ) Олончанокъ и сравниваетъ его съ безсмысленнымъ напѣвомъ (въ обыкновенной рѣчи) Бѣжечанокъ, который состоитъ въ отрывистомъ произношеніи всѣхъ слоговъ фразы, кромѣ послѣдняго: «дŏмŏвāя̄ (хозяйка), ўдѣ̆лăлăсь лй ты̄?» По его словамъ, Архангельскій говоръ отличается отъ Олонецкаго особымъ удареніемъ и повышеніемъ голоса, безъ скороговорки и распѣва Олончанокъ, но съ удвоеніемъ гласной въ началѣ или концѣ рѣчи: кумашникъ новоой, что говориишъ; въ Ситскомъ «выговоръ словъ вообще крайне протяжный, болѣе похожій на нотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ» (Этн. Сб. I, 131).

а) Мѣстами основное *ц* отчасти сохраняетъ свой звукъ, при чемъ постоянно мягко: Онеж. Муромець, мѣсець, молодецькія, Богородиця, молодця, царевицямъ, палици, молодци, кольцю, пеницю; Вытег. отьця, братцямъ, отьцю, криницю; Красноуф. Перм. г. царь, овця, оконниця, кольцё, полотенцё; Макарьев. Нижегор. г. отець, братець, цяриця, циганъ. (Ср. § 10, г.).

Рядомъ съ этимъ, по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ мѣстностяхъ и *ч*, обыкновенно мягкое, изъ *ц*: Онеж. пьенича, улича, паличи, крыльчё, Богородичой, тридчеть, коньчёмъ, паличу, чѣловальники, чѣна, самочвѣтное; Вытег.: у зайчя, сестрича, кормилечъ.

Во многихъ другихъ мѣстностяхъ *ч*, повидимому, совершенно вытѣснило основное *ц*, при чемъ первое частью еще мягко, частью отвердѣло. Кирил. Новг. синичю, молодчя, ситчю, куричу; Вель. свѣтлича, горнича, огнивча, корминичей, братча, личо (но роженьицо, владиньецо) дѣвичу, чвитъ; Вятка, мыльчя, въ черквѣ; Кунгуръ, Перм. г. братечь; мѣстами—во Влад. г. (Гороховецъ, Вязн. Мур. Судог. Переясл., при чемъ въ послѣднемъ *ц* какъ *цч*: цчерква, цчелокъ, цчово и целэкъ, цово, а въ Вязн. тшарь, тшерква), мѣстами въ Костромской. Въ Ситск. Яросл. г. (и въ Пошехон.?) *ц* частью остается, какъ твердое, частью переходитъ въ *ч*: конецъ, кормилецъ, кормилеца, сердцу, свѣтлицу (но жалѣньеця); братечъ, сестрича, курича, кольчо, чѣлковый. Конечно, здѣсь переходъ въ *ч* древнѣе отвердѣнія основнаго *ц*. Слова: цвѣтъ, цвѣтокъ, цвѣту въ Ситскомъ, минуя правило, произносятся какъ твѣтокъ, твѣтно и какъ свѣтъ. Первое произношеніе свойственно не только Свр. но и Ювр.: твѣтъ—Пск. Орл. Влад., твѣтеньё—Симб., твяту Ворон., второе—только нѣкоторымъ Св.-русскимъ: свѣтокъ—Нижег. Тв. Яросл. Влад.

б) *ц* изъ *ч*, мѣстами сохраняетъ мягкость, мѣстами отвердѣло: Онеж. Царь, куця, поцялъ, скрыцялъ, церезъ, отсѣцёна, откацёна, ключи, королевици, цюжа, цюдёнъ, поповиць, ноць, уцливые; Шенк. цисто, словця; цѣмъ; Вытег. тоже, но, можетъ быть по неточно-

сти записывателя, чаще попадается твердое *ц*: доцъ, не плацъ; Кирил. кобацёкъ, цюмаку, заплацю, цёлковицька, въ кобацкѣ, скобоцька; Вель. по часту (*ця* не встрѣчалось), цеботы, на пеци, наскуцило, цюдо, цюжу сыну, словецюшко, (но часто *цу*: свицу), доць, проць, руцька, (но руцка, окошецко); Вятка: изъ цяшки, ворцять, лацётъ, цёрный, карацюнъ; по Далю, здѣсь слышится звукъ среднiй между *ц* и *ч*; Кунг. Красноуф. Перм. г. нецево, хоцю, колецько; Макарьевъ, Ниж. г. цяшка, свѣця, цинъ, цисто, ноць, проць, овецька.

Въ Ситск. говорѣ *ц* изъ *ч* мягко, по-видимому только передъ ы: сейцасъ, цело (*е* здѣсь должно быть, твердо), друзоцыкъ, оцы, горюцы, возмоцы (моч—) горюцова, цужова, охоцъ, руцку, яроцки, целушецки; неправильно: ноть, состытаць, сотно (сочно). Та же твердость должна быть, и въ Новг. г., исключая, разумѣется, вышеупомянутый Кирилловъ: голцыть, сцытать. Цокаютъ мѣстами и во Влад. Костр. (см. § 14, а, б).

в) Въ Онеж. мягкое *ц*, образованное изъ *ч*, передъ *н* постоянно ослабляется въ *сь*: по середу кирписьному, сторону встосьную, по тусьнымъ бедрамъ, королевисьня, зысьнымъ голосомъ, на Микулисьнёй, Цясовисьны, гудосьниковъ, клюсьницалъ и пр. Вѣроятно, что и въ Переясл. у. Влад. г. ясной пирогъ, молосное, не изъ яшной, какъ предполагаетъ Даль, а изъ яцьной; тамъ цокаютъ: цчово или цово. Въ Вельск. *ц* изъ *ч* передъ *н* остается: кирпицною. Въ Ситск. не смотря на то, что тамъ есть *ц* изъ *ч*, находимъ въ этихъ случаяхъ *ш* изъ *ч*: вѣшное, безконешное, неудашную. По Чусовой—сарь, отесъ, сапля. Въ Красноуф. улиса. Эти ослабленiя могли произойти и безъ помощи смягченiя.

г) Нигдѣ не встрѣчалось намъ *ц* изъ *ч* въ мѣстоименiи *что*. Вездѣ *ч* ослабляется въ *ш*, а слѣдующее за нимъ *т* или остается (Ситск. што; по Далю—такъ во всемъ Бѣж. говорѣ), или смягчается частью непосредственно (штё, на Вяткѣ, около Оханкса Перм. г., въ Ветл. у. Костр. г.), частью посредственно: що, около Оханска (гдѣ и штё), въ Вель. Устюж. у. Волог. г. Псков., Кинеш. у. Костр. г.

Подобное, позднѣйшее смягченіе звука *т* находимъ и въ Ситск. ѐщо вм. ѣжьтё, ѣштё. См. § 11, г.

Нигдѣ не находитъ себѣ соотвѣтствія встрѣчаемое въ Осѣ и Кунг. Перм. г. свѣшя изъ свѣчя.

д) *ч* въ сочетаніи *щ* мѣстами остается, или, согласно съ общимъ правиломъ, измѣняется въ *ц* (Вельск. кладбисчё, игрища, гульбища, животворясщіе, игрисца, гульбисча, цюдисца; въ Горох. Влад. г. *щ* произносится чисто, Даль), мѣстами ослабляется въ *ш*, уподобляясь предыдущему звуку, или совсѣмъ исчезаетъ: Онеж. старчи*шш*о, ко царишшу, ко уранишшу, выпушшалъ, пошшербалисе, Данильшо, сокольшицёкъ, нахвальшицёкъ, ишо; Ситск. ишшу, разговоршица; ср. пошшуй (потчуй); однако безсцасцё; *шш* вм. *щ* въ гг. Вят. и Перм., мѣстами во Влад. Въ Онегѣ изрѣдка слышно шт: штёпочка. Ср. § 11, д.

е) Замѣчательно неравномѣрное распредѣленіе мягкости на однородные звуки. Въ Вытег. (и, судя по одному примѣру, въ Онегѣ), гдѣ *ц* и *ч* мягки (см. выше а и б), звуки *ж*, *ш*, *щ* соединяются съ *ы*, а не съ *и*: цюжымъ, скажы, прижыли, держышъ, спрашывать, тещы, однако прощятисе, хотя обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ *а*. Ср. § 10, в.

ж) *ь* окончанія *ь*скъ въ Онеж. какъ и въ Мр. смягчаетъ слѣдующее за нимъ с: Онеж. Гречеську, Руська, поповського, женьськіе, княжесько, богатырськая; Кологр. Костр. г. Боровського, лонського, людського, Мижегородського; Ветл. Нижег. г. Завольской, Ветлуцькой. Въ другихъ говорахъ, напр. въ Ситск. Вельск. *с* твердо.

То же дѣйствіе *ь-я* въ оконч. ьство; смягченіе звука с способствуетъ, кажется, ассимиляціи и исчезновенію слѣдующаго за нимъ *т*: Онеж. сватовсьвомъ, отецесьво, замужесьво, царсьво; Вель. убожесьво, гдѣ *с* уже отвердѣло.

Наоборотъ, въ сочетаніи сть *ь* дѣйствуетъ черезъ *т* на *с*, при чемъ, какъ и выше, *т* уподобляется предыдущему звуку и исчезаетъ: Онеж. корысь, шерсь, есь, за кресьенина; Вытег. гось, шесь, уцасью, исъ (ѣсть);

Вельск. гось, госья, биднось, волось, пусь, есь, за госьбу, хресьенскому; въ Перм. г. въ Кунг. и по Чусовой—сцесье, вись, хресьенинъ. Предположенію, что ассимиляціи звука *т* содѣйствуетъ мягкость звука *с*, противорѣчатъ случаи, гдѣ *т* въ сочетаніи стъ исчезаетъ какъ и въ сть: Онеж. хрёсъ, ѣсъ (ѣстъ), дасъ (дастъ); Вель. кресъ. Въ Ситск. цесць, а не цесь, но не по той причинѣ, что *ть* на концѣ измѣняется въць; изъ § 13, е, видно, что въ Ржев. рось, шесь (вм. рость, шесть), хотя по общему правилу мягкое *т* произносится какъ *ць*.

з) Посредственное смягченіе гортанныхъ въ склоненіи существительныхъ повсюду потеряно. Въ нѣкоторыхъ говорахъ *к* въ корняхъ словъ по прежнему сочетается съ а, о, у, но въ окончаніяхъ—только съ я, ё, ю: Кирил. Паранькя, преницькя, словецькё, Ванькё, Прохорькё (зват. пад. изъ Ваньк*а*), ой тропинкя тропитьця, да конопелькё ломитьця, Оверькю; Ситск. травкя, горькяя (но крѣпк*ая*), маниѣнькёй, сининькёй, валкёй, прйпоркё (пристально), бережнешенькё, родзицельскёй, солнышкё, падкёе, возмоцы-ткё (чаще—ко, тко) бацюшкю, косынькю, сереблениинькю пробоинкю, горькюю; Переясл. Влад. г. Ванькя и Ваньтя. См. § 10, а.

и) Въ Ситск. *д*, *т*, при соединеніи съ мягкими гласными и *ь*, смягчаются въ дзь, ць: дзерево, родзицели, одзёръ (дроги, на коихъ возятъ снопы), дзѣлаць, нелюдзь, цесць, цёска, зяць, ицци, бацья, бацюшко, брацья; тоже въ Бронниц. Боров. Корч. Черепов. Новг. г., въ Торж. Осташк., Тв. Твер. г. См. § 13, б. *Тъ* въ 3 л. ед. наст. вр. кое-гдѣ опускается. Такъ въ Вытег. сосе, знае́, клюе́, бывае, дѣлае, потеряе; въ Новг. г. возьме́, бра́жничае́, поѣде, даже ход*и*, люб*и*, безъ измѣненія конечнаго *и* (см. § 11, е), а около Бронницы даже ёны ѣздя, любя. Въ

Онеж. Вель. Ситск., и, по Далю, во всемъ восточномъ говорѣ этого опущенія нѣтъ. Уже въ послѣсловіи Остр. Ев. «иже гораздиѣе сего напише.»

Въ Ситск. *д* въ прямыхъ слогахъ передъ мягкими ударяемыми гласными ослабляется въ j и исчезаетъ: ий (иди), пои (поди), провои, гляйцё, глятъ; въ Пошех. у. Яр. г. по́мъ изъ поёмъ вм. подёмъ. Это j изъ д (ijй) такъ относится къ дзь изъ д (дзень), какъ Франц. jour (diurnum) къ envie (invidia). См. § 13, в.

і) Въ нѣсколькихъ словахъ при такихъ же условіяхъ ослабляется и опускается *б*, *в*: Онеж. тіѣ Ситск. цея́, сея́, цеѣ́, сеѣ́; Пошех. сіѣ́, тіѣ́; Каш. Каляз. Тв. г. цея; Ковр. Сузд. Влад. г. тея, сея, сеѣ, тѣ, ти; Ситск. благослой, благослойла.

к) Уединенно стоитъ Ситск. jо́бро вм. рёбро; нёмная ноть вм. тёмная.

26. Измѣненія согласныхъ независимыя отъ мягкости.

а) *г* на всемъ Сѣверѣ и Востокѣ произносится какъ Лат. g, немного тверже Московскаго, а на концѣ какъ *к*, за исключеніемъ очень немногихъ словъ, какъ восподь, и оконч. род. ед. м. и ср. прилаг. опр. гдѣ оно какъ в: дубовово, своево. Но и въ этомъ окончаніи въ Олон. г. и изрѣдка въ Арх. Костр. и Заволжской части Нижегор. *г* произносятъ какъ g лат.: доброго, синёго, (Даль). Ср. § 11, а.

Сюда же отнесемъ Ситск. Переясл. (Влад. г.) ковда, товда, Вытег. ковды; скорѣе изъ этого *в*, чѣмъ прямо изъ *г* произошло *л* въ Вят. колды, толды, завсялды. И около Ряз. слышно калды.

б) Кое-гдѣ *к*, особенно въ сочетаніи *кв*, въ немногихъ словахъ ослабляютъ въ *х*: Пошех. брюхва, хвасъ, хватера; Вель. дѣвича храсная (чаще красная). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Перм. губ. на оборотъ *х* измѣняется въ *к*: клѣба, прокварава, сукари, этикъ.

в) Согласно съ стремленіемъ, обнаруженнымъ въ переходѣ гортаннаго *г* въ губное *в*, кое-гдѣ *х* переходитъ въ *ф*: Ситск. цужіефъ, горькіефъ, нежданыефъ, незваныефъ, людзяфъ, ифъ; другимъ слышится въ томъ же говорѣ *в*: горькіевъ, всѣвъ, цотыревъ (Пам. и Обр. I, 112); Пошех. этифъ, тѣфъ, въ окошкафъ, фто и хто, фартальный, фатера (изъ хвартальный, хватера); Кирил. не фодила, фодитъ, форо́шова, не фоцю, сфатилъ, фарала, фисталъ, нафистывалъ (изъ хвисталъ).

г) *д* уподобляется слѣдующему *н*: Ситск. су́нно, ланно, винно, ронныё, ннемъ (днемъ), нно (дно), сегонния, сморонняк, оннѣмъ; Черенов. Новг. мѣнные; Устюгъ Волог. г. ланно, стынно, схонно. Такъ на Югѣ Тв. г., въ области Ювр. говора (Аѳан. Ск. IV 58).

д) Изрѣдка подобное же уподобленіе звука *б* слѣдующему *м*: Вельск. омманываў, омманка.

е) *в* передъ согласными и на концѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ—какъ *у* краткое, необразующее слога: Кирил. пиўка, дѣўка, въ пѣўцихъ, даже въ каўтанѣ; Вельск. постаў, миноваў, лаўка.

ж) *л* при тѣхъ же условіяхъ тамъ же произносится какъ ў или в: Кирил. стаў, купиў, пострѣў, подва́ў, поўно: Вель. заходиў, спеў бы, росчвёў, свитёў мисечь, колокоў, дроводѣў, братеўко, соўнышко, доўго, взвоўновалисё, но столъ, столба, можетъ быть по ошибкѣ. Въ Перм. г. (гдѣ именно? Перм. Сб. II, 40) всякое твердое *л*—какъ *в*: шва, товква, бвиновъ и т. д.

Малорусское нарѣчіе. [1]

27. Свѣдѣнія наши о Малорусскихъ говорахъ недостаточны. Удовлетворительно извѣстенъ намъ только говоръ а) Украинскій. Границы его по сю сторону Днѣпра, тамъ, гдѣ Мр. племя сосѣдитъ съ Вр. съ недавняго времени (съ XVII в.), совпадаютъ съ границами Мр. племени; но въ Черниговской г. этотъ говоръ идетъ приблизительно только до Сейма. За Днѣпромъ къ нему относится Кіевская, часть Екатеринославской и, кажется, Херсонская. б) Говоръ Подольскій занимаетъ г. К.-Подольскую, часть Волынской и часть Галиціи по сю сторону р. Середа. в) Говоръ Галицкій—въ Галиціи, въ бассейнѣ Днѣстра. г) Говоръ Карпаторусскій или Горскій—по обоимъ склонамъ Карпатъ, въ Галиціи и Венгріи, начиная отъ р. Попрада: д) Отъ Подольскаго говора, въ которомъ *о*, какъ и въ Укр.=і, слѣдуетъ отличать Волынскій, въ которомъ, по крайней мѣрѣ мѣстами о=у. е) Имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о говорахъ: Сосницкомъ Черн. г. и Заблудовскомъ, на Югъ отъ Бѣлостока Гродненской. Судя по этому последнему говору, который, не смотря на нѣкоторые Бр. признаки, долженъ быть отнесенъ къ Мр. нарѣчію, Шафарикъ ошибочно полагалъ, что сѣверный предѣлъ Мр. нарѣчія совпадаетъ съ границами Кіевской и Волынской г. отъ Минской и Гродненской. На самомъ дѣлѣ Мрус. нарѣчіе простирается дальше на Сѣверъ.

---

[1] См. Як. Головацкаго, Розправа о языцѣ Южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ, Львовъ 1849.

Его-же, Грамматика Руского языка, Львовъ 1849.

Miclosich, Vergl. gram. der slav. sprachen, I, Wien 1852.

М. Осадцы, Грамматика Руского языка, Львовъ 1862.

Въ слѣдующемъ вездѣ, гдѣ не будетъ сказано, что рѣчь идетъ о такомъ то говорѣ, слѣдуетъ разумѣть говоръ Украинскій.

28. Замѣны глухихъ звуковъ. 1. Относительно замѣны и потери глухихъ Мрус. нарѣчіе вообще сходится съ Врусскимъ. О времени частью измѣненія ъ, ь въ о, е, частью ихъ исчезновенія возможны только догадки. Отмѣтимъ два слова изъ Волынскихъ памятниковъ XVI в.: черн*ъ*городцки (1578) и гридуню (1566). Въ послѣднемъ у вм. *ъ*, потомъ потеряннаго (гридъню изъ грид*ь*ню); вѣроятно, что *ъ* въ этомъ мѣстѣ въ то время еще слышалось. Изъ современныхъ говоровъ, Карпатскій удержалъ глухой звукъ при р: кр-стити, тр-стина, Тр-стяна (село), кр-тиця, кр-товина, или (какъ еще иначе пишетъ Головацкій, не знаю, соотвѣтственно ли выговору) хр*ь*стити, выхр*ь*ста, вр*ь*хъ, тр*ь*вати, водохр*ъ*щи, др*ъ*ва. Такъ и въ Галицкомъ, но не во всемъ, и навѣрное не во всѣхъ подобныхъ словахъ: рь-стити (крестить), водо-р-щи, врхъ, но кертицьє, кертовина, кервавый, тервати. Галицкое дрыва вм. дръва встрѣчается уже въ памятникѣ 1421 г.. Судя по Галиц. блыха, которому соотвѣтствуютъ въ Поль. pchła, можно думать, что и Галиц. лыжка (Поль. łyżka) не есть заимствованіе съ Польскаго. Напротивъ, бѣглое *е* вм. бѣглаго *о*, свойственнаго Русскому языку, въ Галицк. и Карпат. (підешва, вікенце)—указываетъ на заимствованіе. Тоже слѣдуетъ сказать объ Укр. кревний, певний (ср. Ст. Сл. уп*ъ*вати). Изъ сравненія Галиц. кервавий и Карп. крьвавый (предполагая, что это не заимствованія) съ кровавий или крівавый (?) остальныхъ Мр. говоровъ видно, что въ этомъ отношеніи между ними не было различія только въ то время, когда во всѣхъ было кръвавый, т. е. вѣроятно не позже XIII и XIV в.

2. Въ нѣсколькихъ словахъ, начинавшихся нѣкогда съ согласной, преимущественно плавной, съ слѣдующимъ

глухимъ звукомъ, этотъ послѣдній въ Укр. и Галицк. и кажется Карпат. перестановляется и замѣняется чистымъ і, и: іржа, іржати, ірвати, ірха, ірци, ільну, ільняний, Ильвівъ (въ пѣснѣ зъ Вільбова=изъ Львова), Ильтиця (Льта); сюда же Укр. імла (мьгла), імжить (мьжити), ішовъ (шьлъ), ікъ мені, Карпат. ідъ міні=д' міні (къ), ізо мною, изкласти и т. д., іспасъ (спасъ). Уже въ Южно-руск. грамотѣ 1490: из' своею братею, из княгинею, из дѣтьми (Бѣлор. Арх.). Это явленіе не составляетъ отличительной особенности Мр. нарѣчія, потому что повторяется въ разныхъ мѣстностяхъ Великой Руси. Ср. Пск. Тв. въ ирью (во рью, на гумнѣ), иржа, иржи (рожь, им. мн.), ильгота, ильётъ, ильзя, ильнецъ, ильстецъ, иркать (орать, кричать; ср. аркучи въ Сл. о П.), ивсельникъ (въсельникъ, кто поселился въ чужомъ домѣ или на чужой землѣ), имшйть, изря, икрина (льдина, Поль. kга), даже индравъ, искусъ (вкусъ), Кур. игруша (груша). Въ Вр. находимъ и другую форму этой замѣны, именно замѣну черезъ *а*: Альта (р. Ильтиця), алленой, аржаной, авчера, авторникъ.

3. Въ нѣсколькихъ словахъ гласная, происшедшая изъ ъ, ь, постоянна, тогда какъ въ Вр. она бѣглая: лобъ, лоба, ротъ—рота, лёдъ—лёду. Въ другихъ бѣглая появляется тамъ, гдѣ ея нѣтъ ни въ Ст. Сл., ни въ Вр.: корабель, журавель, рубель (дрюкъ), мозокъ (такъ уже у Берынды), човенъ. Въ им. п. словъ швець, жнець опускается глухой звукъ въ корнѣ, а въ род. шевця, женця (и вездѣ, гдѣ окончаніе начинается съ гласной)—глухой звукъ въ окончаніи. Ср. мертвець, чернець, мерця, ченця. Вр. швеца, жнеца, мертвеца, чернеца: вездѣ замѣна глухого звука постоянная. Отъ многихъ, хотя не ото всѣхъ Вр. говоровъ Мр. отличается тѣмъ, что *е* въ именахъ на *е*нь въ немъ не становится бѣглымъ: гребінь, род. гребеня, камінь—на камені, кремінь—кремені, ремінь—зъ ремéню, селезень, селезня, но зв. селезеню, тв. мн. селезенями, корінь, кореня (хотя прйкорня, якорня):

4. Кое въ какихъ словахъ глухой звукъ опускается, не смотря на стеченіе согласныхъ: ссе и сце (со-сетъ), изосхнутця, позву, пхнуть, въ пѣснѣ—взьму (возьму).

Говоря о Ювр. (§ 3.) мы упомянули о случаяхъ измѣненія *и* въ *е* (соловей, коней). *ы* въ *о* никогда не измѣняется (рию, мию, рий, мий, добрий).

29. Измѣненіе *о*, *е* въ *і* (*). 1. Этотъ переходъ не зависитъ ни отъ ударенія, ни отъ качества слѣдующей согласной. Мы не нашли только примѣровъ измѣненія о передъ х, щ. Найболѣе широкое правило, общее для всѣхъ Мр. говоровъ, состоитъ въ томъ, что основные звуки о, е измѣняются въ слогахъ среднихъ, и остаются неизмѣнными въ прямыхъ.

а) облігъ—обло-ги, рікъ—року, вів-са, о-весъ, віл-ний—во-ля, гомінъ—гомо-ню и т. д.; въ оконч. предл. п. ед. ч. прил. м. и ср. р.: въ густімъ(=ômъ) очереті, въ чистімъ полі; въ окончаніи предл. п. ед. прил. ж.: у зеленій (=ôй, а не—ѣи) диброві; въ оконч. род. мн. м.: волівъ; въ такомъ же окончаніи прилагат. притяжательныхъ и въ окончаніяхъ сложныхъ съ нимъ: батьківъ, марківъ, жидівка, попівна, жарівня, жирівниця, садівничий, Чернівці, батьківський, батьківщина (но Литовський, Московський и всѣ фамиліи такого окончанія, Моск*о*вщина и т. п. не измѣняютъ *о* вслѣдствіе вліянія книжнаго языка).

б) жін-ка—жо-на, слізъ—слёзи, лідъ—лёду (въ Вр. *е* бѣглое не согласно со Ст.-сл. ледъ). мідъ—ме-ду (Галиц.; Укр. медъ), ніжъ (нежели), міжъ, пічь—пе-чі, плічъ—пле-чі, пікъ, утікъ, вівъ, брівъ, візъ, нісъ (пе-кла, уте-кла и т. д.), шість—ше-сти, сімъ—семи, вечіръ—вече-ра, матіръ—мате-рі, постіль, метіль—

(*) Единственный, сколько извѣстно, случай измѣненія *а* въ *и*, *і*, соотвѣтственно измѣненію *о*, *е* въ *і*, представляетъ Укр. *крій, крий* (край) въ значеніи предлога («крій ко́ника», но сущ.—край). Что до гидкий, то оно предполагаетъ не г*а*дкый, а гыдкый; ср. гудити, Чеш. hyd, Скр. гу, гува́ти, гадить; въ Слав словахъ d изъ dhâ, какъ въ Серб. знадем.

пост е-ли, лебідь—лебе-дя, гребінь, камінь, корінь, (*) кремінь, стрижінь, ячмінь—гребе-ня, каме-ня (Ст. Сл. камене), волосінь—ени, осінь—ени, весілля, каміння; въ род. мн. сущ. гаівъ, краівъ; въ предл. ед. прил. м. и ср. у жупані синімъ, на синімъ морі; въ дат. и предл. прил. и мѣст. ж. усій, синій, у синій; въ оконч. прил. притяж. зя́тівъ, те́стівъ; въ окончаніяхъ сложныхъ съ предъидущимъ: вишнівка, королівна, въ прил. на—івскій (Вр.—евскій) (однако всѣ фамиліи на—евськиі не измѣняютъ *е*, въ силу книжнаго вліянія: Маляревській и т. д.)

2. Не подходятъ подъ это правило *о*, *е* изъ *ъ*, *ь*, которые въ рѣшительномъ большинствѣ случаевъ не измѣняются, отличаясь этимъ отъ о, е основныхъ и отъ о, ё изъ е.

а) *о* изъ *ъ* при плавныхъ въ корняхъ: брость, борщъ, горбъ, гордий, горнуть, кортіть, корчма, кормить, кровъ, моргать, морква, морщить, торгъ, хортъ, бовтать, вовкъ, вовна, ковзатця, повзти, повній, повкъ (обыкн. полкъ, по книжному), товкти, товстий. Исключеній знаемъ немного: хортъ и хиртъ (Гребенка), горло и гирло (устье), гірсть, брівъ, дрівъ (отъ брова, дро́ва), бліхъ и блихъ (отъ блоха́), брівка, блішка и блишка. Въ нѣсколькихъ словахъ и въ Укр. говорѣ, гдѣ і изъ о болѣе или менѣе остро, слышится среднее и изъ ъ: дригати, дрижати, крихта, кришити, тривати, чорнобривий; сравни дрыва вм. дрова въ Галицкомъ. Вѣроятно, что *и*, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ этихъ словъ, не изъ *о*, а непосредственно изъ *ъ*. Въ такомъ случаѣ это *и* не составляло бы исключенія изъ правила 2 а. Впрочемъ можетъ быть *и* есть здѣсь неточная передача Польск. г, не составляющаго слога: drgać, drżeć, krszyć, trwać, drwa, однако czarnobrewy хотя и czarnobrwy.

(*) Миклошичь сравниваетъ корінь съ Серб. корijен, предполагающимъ Ст. Сл. корѣнь. Этого не нужно, потому что и безъ такого предположенія измѣненіе е въ і въ Млр. словѣ правильно.

аа) *е* изъ *ь* при плавныхъ въ корняхъ: дерти, мерти, перти, терти, Галиц. черти (черпать), Галиц. вергти, умеръ, деръ, перъ, вергъ, верба, верхъ, держати, зерно, первий, серпъ серце, червоний, хрестъ, жернівка, жорна, чортъ, чорний, шершінь, жовна, жовтий шовкъ.

б) *о* изъ *ъ* при другихъ согласныхъ, кромѣ плавныхъ, въ корняхъ: вошъ (обыкновенно воша), бочка, бодня (липовка, изъ бъдьня), дохнути, дошка, дочка, дощъ, лобъ, ложка (Галиц. лыжка), мохъ, ночви, ротъ, сотъ (род. мн. отъ сто), сопти, сонъ, сохнуть, тонкий, топтать.

бб) *е* изъ *ь* при другихъ согласныхъ кромѣ плавныхъ: день, пень, легко, лёнъ, менший, мечъ, темний, тесть, стежка, увесь, честь.

в) *о* изъ *ъ* въ окончаніяхъ: въ творит. ед. сущ. м. и ср. р. паномъ, селомъ (—ъмь); вездѣ въ окончаніяхъ гдѣ *о* бѣглое, при чемъ *о*, появившееся для устраненія стеченія согласныхъ и не предполагающее Ст. Сл. *ъ*, принимается за равносильное такому, которое произошло изъ *ъ*: огонь, уголь, вихоръ, свекоръ, локоть, пісокъ, ставочокъ, церковъ (обыкн. церква), молитóвъ (род. мн.), жінокъ, віконь; такое *о* остается неизмѣннымъ хотя и станетъ постояннымъ отъ присоединенія новаго окончанія: свекорко, пісочку, церковця, морковка (но жернівка, хотя основная форма жьрнъвъ), скрипочка, віконце, віконниця, суконний, уго̀лля.

вв) *е* изъ *ь* въ окончаніяхъ: въ твор. ед. сущ. муж. и ср. р. конемъ, королемъ, серцемъ, полемъ (—ьмь); вездѣ, гдѣ е бѣглое, улень (род. ульня, обыкн. улій), пенёкъ, ручокъ, відеръ, сідель, жоренъ, капель, конопель, пісень, молодець, віконець, орелъ, човенъ, повенъ, перстень (род. персня, однако перстені); вездѣ, гдѣ *е* бѣглое становится постояннымъ отъ присоединенія новаго окончанія: відерце, конопельки, віконечко, Лумельський (отъ Лумля), Котел*е*вський (отъ Котельва).

г) Бѣглое *о* изъ *ъ* въ предлогахъ переходитъ въ *і*, составляя т. о. исключеніе и изъ правила, что такой переходъ имѣетъ мѣсто въ слогахъ среднихъ, а не прямыхъ, и изъ правила, что ему не подвержены *о* изъ ъ: увійти (въ), зігнать (съ), надібрать, одібрать, обізватця, розірвать.

3. Не составляетъ исключенія изъ правила *е* изъ *и* въ словѣ соловей (но Галиц. соловій, соловія, а не соловья, какъ въ Укр.), коней, свиней. Отсюда можно вывести, что и *і* въ именахъ, какъ Мусій и т. п. предполагаетъ не *е*, потому что въ такомъ случаѣ оно бы не измѣнилось, а *ѣ*: Моисѣй, Мосѣй, что и встрѣчается въ Ст. Сл. рядомъ съ Моисий. Этой послѣдней формы нельзя принять за основную Мр., потому что въ Мрус. памятникахъ XVI в., не обнаруживающихъ Вр. вліянія, обыкновенно здѣсь окончаніе *ей*: Мосей. См. выше § 3.

4. Правило 1-е не подрывается, наконецъ, ни тѣмъ, что въ словахъ полногласныхъ второе *о*, *е* остается неизмѣннымъ въ им. п. ед. ч. и въ нѣкоторыхъ производныхъ. Языкъ не считаетъ этихъ *о*, *е* за основные и въ этомъ отношеніи приравниваетъ ихъ къ о, е изъ ъ, ь. Этимъ подтверждается мнѣніе о происхожденіи полногласія изъ общеславянской формы *ра* и пр.: нехворощъ, волосъ, голосъ, голодний, у холодку, здоровъя, колосся, берестъ, передъ, келепъ, на бережку, вередливий. Исключенія въ им. п. ед. ч., по крайней мѣрѣ въ Укр. говорѣ, рѣдки: ворігъ, порігъ, поперідъ (Радомысль) непріятны для нашего уха. Однакожъ вполнѣ обыкновенно і изъ *о*, *е* въ род. мн. им. жен. и ср. р.: борінъ, борі̂здъ, корівъ, сторінъ, ворітъ, берізъ, черідъ стоятъ рядомъ со столь же обыкновенными: боро́нъ, воро́нъ, коро́въ, воро́тъ, боло́тъ, березъ.

5. Дѣйствительное исключеніе изъ 1 составляютъ слѣдующіе случаи:

А. *о*, *е* измѣняются въ і въ слогахъ прямыхъ передъ нѣкоторыми окончаніями, начинающимися съ гласной: а) передъ *окъ* въ им. ед. м. р.: гвіздокъ, дзвінокъ

(и дзвонокъ), кілокъ (и колокъ), заробітокъ, містокъ, обліжокъ, підгірокъ, сніпокъ, стіжокъ, підвечірокъ, однако лёдокъ, а не лідокъ; о, *е* изъ *ъ*, ь и о, е въ словахъ полногласныхъ и въ этомъ случаѣ не измѣняются: торжокъ, вовчокъ, лобокъ, ротокъ, деиёкъ, пенёкъ, лёнокъ, горошокъ, голосокъ, бережокъ, однако жайворінокъ и жайворонокъ; въ косвенныхъ падежахъ *о*, *е* измѣняются или нѣтъ, смотря по именительному: стіжка, до бережка; б) передъ-*окъ* въ род. мн. им. жен. р. на *ка:* гірóкъ, зірóкъ, кізокъ, комірокъ, кісокъ, ластівокъ, ляхівокъ, маківокъ, різокъ, бджілокъ, жінокъ, застіжокъ, виплітокъ, лебідокъ, матірокъ, слізокъ и т. д.; въ отличіе отъ а) такъ и въ полногласныхъ на—ка: борідокъ, доріжокъ (однако головокъ, коровокъ), перепілокъ, берізокъ, черідокъ; такъ и въ блишóкъ (о изъ *ъ*), но бочокъ, голокъ, дочокъ, дощокъ; остальные падежи согласуются съ родит. мн.: зірка, доріжка, но перепелка; в) передъ —*ець*: кінець, гребінець, корінець, камінець и т. п. но въ полногл. о, е остаются: молодéць, жеребéць, молóдче, жерéбче; г) передъ окончаніями, сложенными съ—*окъ*, *ка*, въ тѣхъ же словахъ, которыя имѣютъ *і* передъ *окъ*, *ка*: гвиздочокъ (но голосочокъ, торжочокъ), сиріточка, ніжечка, комірочка, мандрівочка, ворітечка (но обыкн. головочка, стороночка), лебідочка, чорнопірочка, перепілочка (но непремѣнно перепеличка), гіронька, кісонька, Субітонька (и Суботонька), дибрівонька, худібонька (и худобонька) и пр., лебідонька (и лебедонька); голівонька, доріженька, сторінонька (чаще головонька, дороженька, сторононька); вѣроятно по недосмотру не нашлось такихъ же измѣненій о, е въ именахъ муж. на *онько:* волонько, возонько, а не візонько; д) *о*, *е* переходятъ въ і въ нѣсколькихъ глаголахъ, требующихъ усиленія: виволікать, виполіскувать, зачісувать, вищіпувать, вищірблювать, вивірчувать, перехріщувать.

е) *е* измѣняется въ і въ окончаніяхъ прилагат. на ісенький: однісенький, повнісенький, простісенько, живі-

сенький, точнісенько (и рядомъ съ этимъ білесенький старесенький, милесенький, малесенький). ж) *О* основное измѣняется въ і въ нѣсколькихъ предлогахъ, если они употребляются слитно: діждати, пійду, післати (и послати), піткнути, прізвище (и прозвище), но постоянно въ Укр. говорѣ д*о* броду (въ Галиц. будто бы и ді Львова), по воду, про мене.

Б. *о*, *е* основные не измѣняются въ слогахъ среднихъ: а) въ нѣсколькихъ словахъ подъ вліяніемъ книжнаго языка: Богъ (но дасть Бігъ, пробі, далебі, спасибі), годъ (но погідчата, Галиц. втогідъ=торікъ), господь, панотче, домъ, громъ (и грімъ) вельми; никогда не измѣняется въ взятомъ съ Поль. хлопъ, хлопче; на этомъ основаніи можно бы ожидать, что оно не будетъ измѣняться и въ Поль. кроль (король), но въ Галиц. неправильно кріль, криликъ, крілівна; въ предл. *о*бъ (обходить, объ мені), въ щобъ, собъ (къ собі, Поль. kse), въ предл. розъ (но не въ словахъ образованныхъ изъ него: різно); б) въ словахъ яс*е*нъ (род. ясена, Серб. jасен, Поль. jesion, Ст. Сл. вѣроятно ясенъ, а не ясьнъ), переп*е*лъ; в) не измѣняются о, е въ оконч.—енко,—онько, онька,—енько, (въ Галиц. піренько, но сонінько, шитінко, братінько)—енька (однако матінка, утінка съ твердымъ н),—енький, ес*е*нький, езний (оттакелезний, престаренезний),—енний (височенний); никогда въ оконч. 2 и 3 л. ед. ч. наст. вр.: ведешъ, ведетця.

30. Случаи, въ которыхъ *о* измѣняется, почти одни и тѣ-же во всѣхъ Мр. говорахъ, но самыя измѣненія не во всѣхъ одинаковы. Въ Укр. говорѣ *і* изъ о произносится, какъ указываетъ и принятое большинствомъ правописаніе, какъ острое *і* изъ ѣ или *е*; однако и здѣсь можно замѣтить, что *і* изъ *о* не смягчаетъ предыдущаго л, н, тогда какъ *і* изъ *е* смягчаетъ: ср. нôсъ, лôй и нêсъ, олêя. По Головацкому, въ Галиц. і изъ о рѣшительно смягчаетъ предыдущую согласную (дôмъ, сôль какъ въ ходêмъ вôдсêль), въ Ве-

лынско-Подольскомъ (въ Галиціи) не смягчаетъ (дôмъ, сôль какъ д'імъ, с'іль, лôй какъ ӏіј), въ Карпатскомъ мѣстами произносится какъ грубое *и* (ъı или *и* среднее?). Въ Сосницкомъ у. Черниг. г. *о* произносится, какъ у: въ тумъ, вунъ (вінъ), пудь, у землі королевскуй, на однуй, на славнуй Украіні, у Білуй церкві, жидувъ, казакубъ. Такъ по крайней мѣрѣ пишетъ свящ. Базилевичъ, помѣстившій нѣсколько образцовъ, записанныхъ очевидно не точно, въ Этногр. Сб. I. т. Кулишъ (Зап. о Юж. Р. I 46) записывавшій тамъ же, отъ того же лица, что и свящ. Базилевичъ, говоритъ, что въ Сосницк. у. ô произносится какъ уэ: вуэлъ, при чемъ намъ остается неизвѣстнымъ, гдѣ удареніе, на *у*, или на *э*. Въ западной части Волынской губ.: рузно, нузно, стуй, муй, кунь, друбненький, гуркий, воруженько, на гуроньку, гусарувъ, Лемерувна, Бондарувна и рядомъ съ этимъ, вѣроятно по недосмотру записывателя, і изъ о (Костом. у Морд.). Такъ уже въ Волынскомъ инвентарѣ 1566 года: на ливуй руцы, счипувъ не мало. Въ Заблудовскомъ говорѣ (западн. часть Гродн. губ.) и въ смежныхъ Малорусскихъ—*уо* (одинъ слогъ) вм. о: вуонъ, муой, Буогъ, нуочъ, двуоръ, муогъ, муоцны, гуолька, Заблудуовье, найбуольшы, беруозка, пщуолъ (род. мн.), луозъ (род. мн.), на туомъ, по туомъ, патыкуовъ (=Мр. ôвъ), у новуой, куосонька, голуовонька, здоруовьечко, лебьюодка; изрѣдка чистое у: не пудманешъ, у гетумъ, пудъ тобою, лебьюдка. Въ Угорской Руси въ этомъ большое разнообразіе: *о* произносится частью какъ і, частью какъ у, уй или ӱ (Франц. u): Бугъ, нусъ, рукъ, ругъ, кулъ, кутъ, вузъ, слувъ, гвуздь, буйгъ, нуйсъ и т. д., бӱгъ, нӱсъ и пр.

По поводу приведенныхъ свѣдѣній замѣтимъ:

1. *і* изъ *о* можетъ не смягчать предыдущей согласной только потому, что отдѣляется отъ нея чуть замѣтнымъ глухимъ звукомъ, который прежде могъ быть чистымъ, могъ слышаться явственно, какъ теперь въ Угорскомъ *уй*. Стало быть і изъ *о* предполагаетъ двоеглас-

ную. Взявши въ разсчетъ свойственное Славянскимъ нарѣчіямъ стремленіе дифтонгировать или разлагать на два слога *долгую* гласную (напр. ѣ=Чеш. Слав. іе, Серб. ије; ра, ла=Русс. оро, оло), можемъ принять, что Мр. *і* предполагаетъ долготу основнаго *ое*. Этимъ, вѣроятно, можно будетъ объяснить и случаи измѣненія *о*, *е* въ і въ прямыхъ слогахъ. Подобное мнѣніе высказано Миклошичемъ, хотя и не совсѣмъ точно. «Измѣненія *о*, *е* въ і, говоритъ онъ, находятся, въ связи съ существовавшею нѣкогда въ языкѣ долготою: именно языкъ, по видимому, замѣняетъ недостатокъ долготы гласныхъ измѣненіемъ самихъ гласныхъ, измѣненіемъ менѣе сильной гласной въ болѣе сильную. Если *е* переходитъ въ і, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что этому і соотвѣтствуетъ Ст. Сл. ѣ; далѣе, даже короткое і по видимому, сильнѣе короткаго *е*, которое приближается къ полугласной. Что касается до перехода о въ і, то онъ посредствуется звукомъ у.» Неточность состоитъ здѣсь во первыхъ въ томъ, что какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и во всѣхъ случаяхъ дифтонгированія долгихъ гласныхъ не недостатокъ долготы замѣняется качественными измѣненіями, но напротивъ, долгота гласной должна чувствоваться для того, чтобы гласная эта могла стать двоегласною, хотя безъ сомнѣнія дифтонгированье есть шагъ къ потерѣ долготы; далѣе *і* вовсе не потому сильнѣе *е*, что оно соотвѣтствуетъ Ст. Славянскому *ѣ*, а по другимъ причинамъ, о которыхъ ниже; само по себѣ оно ничуть не полновѣснѣе *е*: легкость, съ которою *и* переходитъ въ *ь* и замѣна имъ неударяемаго *е* въ Ювр. доказываютъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ оно слабѣе *е*. Предположеніе, что *і* изъ *о* возможно только подъ условіемъ долготы этого послѣдняго, подтверждается тѣмъ, что не измѣняются: *о* изъ *ъ*, краткаго по природѣ, и *о* въ полногласныхъ словахъ, въ коихъ слоги *оро*, *оло*, какъ и всякое разложеніе долгаго звука, кратки.

2. Свойство теперешняго *і* изъ *о* не смягчать предъидущей согласной, а равно и существованіе двоегласныхъ соотвѣтствующихъ этому і въ другихъ Мр. говорахъ, указываютъ, какъ сказано выше, на его происхожденіе изъ двоегласной. Это можетъ быть соглашено съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому теперешнее і изъ *о* предполагаетъ у. «Я думаю, говоритъ Головацкій, что наше ô (=і) переходило черезъ у, ю, ы, пока не стало чистымъ і, и наши предки выговаривали ô какъ у, подобно Чехамъ и Полякамъ (Чеш. bůh, Поль. bóg). Доказательство этому нахожу въ старинныхъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ 1421 г., писанной во Львовѣ и хранящейся въ Львовскомъ Магистратскомъ Архивѣ: купъ, рукъ (вм. теперешнихъ кіпъ, рікъ), въ лѣтописи Львовской XVI вѣка (въ Ставроп. Арх.): вуспа, кунь.... Подобно этому въ Чешскомъ изъ *у* вышло *и*: lid, klič изъ стар. lud, kluč.» Послѣднее сравненіе неумѣстно: Чеш. *ю* (а не у) измѣняется въ *и* въ силу прогрессивной ассимиляціи, какъ въ Вр. либо изъ любо и въ Мр. слина изъ слюна, между тѣмъ къ Мр. і изъ *о* есть результатъ ассимиляціи регрессивной, которая совершилась окончательно только тамъ, гдѣ это і смягчаетъ предыдущую согласную. Остальное въ приведенномъ мнѣніи требуетъ дополненій. У (изъ о) не могло прямо перейти въ і; средину между тѣмъ и другимъ занимаетъ вѣроятно Угорское *уй* и безъ сомнѣнія *и* среднее: кунь, куйнь, кинь, кінь. Примѣромъ перехода *у* въ *и* и въ Укр. говорѣ служатъ диброва, огірокъ, заміжъ. Но сверхъ этого, кажется, должна быть средняя ступень между основнымъ о и у, именно *уо*, сохраненное на крайнемъ сѣверо-западѣ южной Руси. Чѣмъ ближе по времени къ основному *о*, тѣмъ явственнѣе должна быть долгота этого послѣдняго и тѣмъ понятнѣе его разложеніе на двоегласную. При томъ, на основаніи Псалтыря Маргариты можно думать, что и Поль. ó, соотвѣтствующее Мр-му о, произошло изъ uo (guor, synuow). Такъ и въ Кашеб-

скомъ *о* переходитъ въ uo (уо), ое (оэ), впрочемъ не при тѣхъ условіяхъ, какъ въ Поль., а подъ удареніемъ, которое здѣсь, кажется, ведетъ за собою долготу. Не подвержено сомнѣнію, что Чеш. ů образовалось въ XV—XVI ст. изъ *uo*, до сихъ поръ сохраненнаго Словенскимъ, а это *uo*—въ XIV в. изъ о долгаго. Правда, есть не только въ Свр., но и въ Мр. примѣры непосредственнаго измѣненія *о* въ *у* (см. 20, в), но это измѣненіе предполагаетъ не долготу звука *о*, а краткость, зависящую отъ отсутствія ударенія. Такимъ образомъ возможно, что общемалорусская форма слова кȏнь есть куонь. Основанія этой догадки могутъ показаться недостаточными и самая долгота ряда о, уо, у, уй, и, і—подозрительною, но еще меньше основанія видимъ мы принять непосредственный переходъ о въ ой, и, і, или о въ уи, и, і.

31. *і* изъ *е*, отличается своею первоначальною и сохраненною до сихъ поръ мягкостью отъ і изъ *о*. Первое предполагаетъ предъётированную гласную, но какую именно, є (ю) или ё (jo)? Тамъ, гдѣ Укр. ȇ чередуется съ ё, или имѣетъ въ другихъ Мр. говорахъ форму ё, *юо*, *ю* или *уо*, *у* послѣ шипящихъ, тамъ, очевидно слѣдуетъ предполагать переходъ *є* въ ё и отсюда уже въ *і* тѣмъ-же путемъ, какъ *о* въ і. Такъ въ жінка—жона, бджілъ (Забл. пщуолъ), пірце (Забл. пьюорце), лебідка (З. лебью̆одка), бсрізка (Овр. березка), лідъ—лёду, брівъ и брёвъ, вівъ (Западн. вювъ), утікъ (въ Стар. сборн. втюкъ; такъ и во всѣхъ прич. на лъ), у синімъ и у синёму, у синём (Забл.—юомъ; въ грамотѣ Бенка, старосты галицкаго, писанной въ Коломыи 1398 года, (*) на своюмъ селѣ), у своій, синій (Заблуд. своюой и своёй, въ грамотѣ Бенка—на своюй вотчинѣ, хотя своии женѣ; іb. чтюнъ=чтёнъ?); такъ и въ род. мн. на *івъ* (=ёвъ, ювъ, ювъ), въ оконч. притяж. *івъ* и въ сложныхъ съ

(*) Изв. II Отд. Ак. Н. X, 691.

нимъ (*). Здѣсь вездѣ, исключая дат. и пред. ед. прил. ж., *і* изъ е стоитъ передъ твердыми; но такъ ли и тамъ, гдѣ за ȇ слѣдуетъ мягкая согласная? Предполагаютъ ли слова: лебідь, камінь, молодіжъ, формы: лебёдь, лебьюодь, лебьюдь и т. п.? Этихъ послѣднихъ формъ мы не находимъ нигдѣ, и это служитъ пока единственнымъ основаніемъ думать, что ихъ и не было.

Что касается до условій перехода *е* въ ё въ Мр., то они намъ такъ мало извѣстны, какъ увидимъ ниже, что изъ нихъ не можемъ извлечь ни доказательствъ, ни опроверженій того, что никогда не было формы лебёдь.

32. Переходъ *е* въ ё, *о*. ё предполагаетъ непремѣнно смягченіе основнаго *е*, стало быть є (je); звукъ j заключенъ въ шипящихъ, а помому послѣ нихъ стоятъ е, о, а не є, ё. Ни удареніе, ни качество слога не имѣетъ вліянія на переходъ *е* въ ё; ё можетъ образоваться и изъ е=ь. Вотъ все, что можемъ сказать объ этомъ явленіи. Затѣмъ остается привести примѣры. а) Послѣ шипящихъ: бджола, жовна, жовтий, жовчъ, жолобъ, жолудь, жона, жорна, човгатця, човенъ, чоло, чоловікъ, чорний, чортъ, чотирі (Галиц. четире), мачоха (Укр. мачуха, гдѣ у изъ о неударяемаго), дрючокъ (и всѣ на *екъ* послѣ шипящихъ), ручокъ, шостий, шостакъ, пшоно, шолуді, щотъ, щока, иншоі, першоі; отсутствіе ё въ словахъ: жердь, черево, черевикъ, череда, черезъ, черемха, черепаха, челядь, честь, шелестъ, шелюгъ, шерсть, шершінь можно, пожалуй, объяснять мягкостью слѣдующей согласной, хотя эта мягкость не обнаруживаетъ вліянія на о въ словѣ жоні, на чолі жовтіть, однако ср. чорний и чернить, пшоно и пшениця; но ни чѣмъ не можемъ объяснить *е* въ четвертий, чезнути, чепурний, чесать, шептать. б) Послѣ другихъ согласныхъ: лёнъ, слёза, полётъ, уплёти, валёкъ, шпилёкъ (отъ шпиль) и т. п. пісенёкъ, трёхъ, трёма (мѣста-

---

(*) Единственный извѣстный мнѣ несомнѣнный случай неправильнаго измѣненія *я* въ *і* въ Укр. запрігъ (изъ запрягъ, ж. запрягла; Ср.—одягся, потягъ, налягъ), вѣроятно предполагаетъ неправильную форму запрёгъ.

ми трохъ, трома), верёвка, забрёха, затёна, натёки, тёхкать, пьятёхъ, сёмий, сёго, сёму, ёго, ёму, синёго, синёму (Галиц. въ него, синего, синему), синёі, но сеі, сіеі, еі; постоянно ё, а послѣ шипящихъ *о*, въ глаг. на *евать*: малёвать (Укр. малювать) и въ производныхъ отъ нихъ малёваний. в) Въ Укр. остается е, є въ тв. ед. сущ : кущемъ, конемъ, Дунаємъ, полемъ, зозулею; въ оконч. имен. ср. р, на *ье є* измѣняется вь *я:* здоровьямъ, сміттямъ; въ Галиц. въ этихъ случаяхъ (кажется не повсемѣстно) ё: ткачомъ, товарищомъ, плечомъ, збіжомъ, краёмъ, Дунаёмъ, ковалёмъ, корінёмъ, полёмъ, морёмъ, тёлятёмъ, зільёмъ, трепітьёмъ, господинёвъ, яблонёвъ. Это замѣтно уже на западѣ въ области Укр. говора: вінцёмъ (Васильковъ), здоровьёмъ (Лубны?), рожою (Золотон.). *е* остается въ окончаніи причастій страд. прош. вр. и въ сходныхъ съ ними прилагательныхъ: пе́чений, то́чений, свья́чений, точе́ній, пече́ний, свяче́ний, мерзений, зелений. *е* на концѣ въ Укр. говорѣ никогда не измѣняется, что характеризуетъ этотъ говоръ сравнительно съ Свр.; въ Галицкомъ въ немногихъ случаяхъ: во всё (такъ и въ Под. г.) и мѣстами въ зв. п. сущ. ж.: господынё, яблонё. Нѣкоторые другіе случаи неизмѣнности *е* въ ё совпадаютъ съ тѣми, гдѣ ẹ не измѣняется въ і. См. выше 9 и 21.

Заблудовскій говоръ въ этомъ отношеніи, отчасти отличается отъ Укр. и Галиц.: ёго, ёму, чоловьёкъ, хвоёкъ, полёту, но зложоны, замкнёны, кулёмъ, огнёмъ, сосёнъ, сажонъ (и сажнёвъ), одзёнъ (изъ оденъ, одинъ), дзёнъ (род. мн Укр. сімъ день), коцёлъ, чо́вёнъ (Укр. Галиц. котелъ, човенъ), о́зёра (род. ед.). Принципъ здѣсь не Великорусскій, какъ видно изъ нѣкоторыхъ выше приведенныхъ словъ и изъ усє (все), далеко, гдѣ *е* ударяемое не измѣняется.

Не можетъ быть сомнѣнія, что нѣкоторые случаи измѣненія *е* въ ё, о (не говоря уже о древнѣйшихъ общерусскихъ олень, осень=Ст. Сл. ѥлень, ѥсень), древнѣе XIV ст., потому что какъ выше сказано, въ концѣ XIV ст. находимъ напр. на своюй, что предполагаетъ форму на своёй. Весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ *о* изъ *е*

не новѣе подобнаго явленія въ Свр., которое находимъ уже въ грамотѣ 1228 г. Въ Волынскихъ Инвент. XVI в. (1566, 1578 г.) есть доказательства существованія въ то время областныхъ различій въ измѣненіяхъ *е:* чотыри, ничого, чорная, жолобы, жоравъ (тепереш. Укр. журавель по звуку *у*—позднее), пожога, сажовка (изъ сажелка; въ Укр. сажавка *в* можетъ быть основное, какъ въ Поль. sadzawka) шездесятъ шостого, горшчокъ, дошчокъ (род. мн.)—какъ въ Украинск. и Галицкомъ; но положона, острогомъ острожона, неогорожонъ, зложоно, кошоного, непострыжоные, прозвицомъ—какъ въ Заблудовскомъ. Въ Польскомъ *іе* измѣняется въ *іо* только передъ твердыми согласными, кромѣ губныхъ и гортанныхъ; передъ мягкими оно остается: czoło-na czele, biorę‒bierzesz. Неизмѣнно также, какъ по видимому и въ Мр., *іе* изъ *ь* при *р*: szerszeń' и т. п.

33. Возвращаемся къ і изъ *е*. То немногое, что мы знаемъ объ измѣненіи *е* въ ё: не мѣшаетъ предположенію, что нѣкогда вліяніе твердости или мягкости слѣдующей согласной было замѣтнѣе, что случаи, гдѣ ё передъ мягкою (синёі), относительно поздни и что и по этимъ соображеніямъ форма лебёдь сомнительна. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Мр. *і* изъ *е*, *е* сначала измѣняется въ е (іе) и первоначально нѣтъ разницы между тѣмъ *е*, которое измѣняется въ ё, а потомъ въ і, и тѣмъ, которое, какъ предполагаемъ, непосредственно переходитъ въ і, всилу прогрессивной ассимиляціи: и вівъ, ніс, візъ, и лебідь, камінь сначала имѣли форму—вeвъ (или вeлъ), нeсъ, вeзъ, лебeдь, камeнь; въ слогахъ краткихъ *е* оставалось неизмѣннымъ: нести, вести, везти, несла, везла, лебедя каменя. Указаніе на двоегласность этого е находимъ въ Заблудовскомъ шыесць, сьемъ (Укр. шість, сімъ). Подобнымъ образомъ и въ Словенскомъ долгое *е* разлагается на двоегласную *іе*, короткое остается: viedol, niesol, piekol, но vedla, vedlo, nesla, neslo, pekla, peklo. Понятно, впрочемъ, что если не вездѣ тамъ долгота въ Чешскомъ, гдѣ въ Словенскомъ (напр. Чеш. bíti, Слов. bit'), то тѣмъ менѣе можно ожидать полнаго сходства въ этомъ

отношеніи между Мр. и Слов.: Словенское удлиняетъ коренную гласную въ неопред. накл. глаголовъ со среднимъ кор. слогомъ и безъ характера передъ—ти (niesť, viesť), а въ Мр. здѣсь остается короткая гласная: нести́, вести, а не ність, вість.

і (=ê) здѣсь потому полновѣснѣе *е*, что оно есть замѣна долгой гласной и, какъ думаемъ, непосредственно произошло изъ двоегласной.

34. Долгота, замѣной коей служитъ Мр. ô, ê, во многихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто въ среднемъ слогѣ, кончащемся на согласную, а не въ прямомъ. Такую зависимость долготы отъ одной слѣдующей согласной можно бы назвать Славянскою позиціею (ср. Поль. bóg и bo-ga, wiódł и wiodla и пр., Чеш. bůh и bo-ha, kůň—koně, Серб. Бôг—Бо̏га, бôк—бо̏ка, лêд—ле̏да), въ отличіе отъ позиціи Скр. Греч. Лат., требующей сочетанія согласныхъ. Находя, что во многихъ случаяхъ Мр.-му чередованію і съ о, е соотвѣтствуетъ чередованье Чешскаго ů (изъ ō) и о, Серб. ô, ê и о̏, е̏ (Микл. I, 355), можно подумать, что количественное различіе слоговъ среднихъ и прямыхъ въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, древнѣе раздѣленія Славянскаго языка. Однако ошибочность такого предположенія видна изъ того, что до потери конечнаго *ъ* средніе слоги теперешнихъ односложныхъ словъ были прямыми (Бо-гъ); первоначальной долготы во многихъ изъ этихъ словъ не было, какъ напр. въ словѣ Богъ, если оно равно Скр. бhăга-с; *ъ* на концѣ исчезло не во всѣхъ нарѣчіяхъ въ одно время, поэтому не во всѣхъ разомъ появилась вторичная, славянская долгота средняго слога. На Сѣверѣ Руси глухіе звуки на концѣ явственно произносились еще въ XIII вѣкѣ. Если, какъ мы думаемъ, Русскія нарѣчія и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, болѣе сходны между собою, чѣмъ съ остальными Славянскими нарѣчіями, то вѣроятно, что и на Югѣ Руси около этого времени потерялись глухіе звуки на концѣ и началось условленное этимъ к о л и ч е с т в е н н о е различеніе среднихъ и прямыхъ слкоговъ. Въ такомъ случаѣ качественное различе-

ніе слоговъ, т. е. чередованіе о и у, ё и ю, е и є появилось поздно, но, судя по письменнымъ памятникамъ, никакъ не позже начала XIV в.

Нѣкоторые изъ случаевъ перехода *о* въ *і* въ слогахъ прямыхъ могутъ оправдываться другими Слав. нарѣчіями. Такъ Мр-му рі-жокъ, кі-локъ соотвѣтствуютъ Чеш. ru̇-žek, ku̇lek; такъ въ род. мн. рі-зокъ, дорі-жокъ слѣдуетъ предположить удлинненіе *о*, на томъ основаніи, что Словенское нарѣчіе любитъ удлинненіе въ этомъ падежѣ: brád, strán, osuob отъ brada, strana, osoba.

Сходство Мр. перехода *о* въ *у*, *і* съ Поль. *о* въ *ó* (у) велико. На случай чьей нибудь догадки, что Мр. Бугъ, ругъ (Богъ, рогъ) есть заимствованіе съ Польскаго, замѣтимъ довольно крупную разницу между упомянутыми явленіями въ Поль. и Мр.: Поль. о измѣняется въ ó (какъ и е въ é), по общему правилу, только передъ звучными согласными (bób, róg, но pop, rok), а въ Малорусскомъ, какъ и замѣчено выше, качество согласной не имѣетъ вліянія на измѣненія *о*: піпъ, рікъ, бібъ, рігъ.

35. Переходъ *ѣ* въ *і*. Есть мнѣніе (*), по которому эти слова заключаютъ ошибку. Можно употреблять выраженіе «*і* вмѣсто ѣ» въ томъ смыслѣ, что Мр. і соотвѣтствуетъ Ст.-Славянскому ѣ, но не въ томъ, что оно образовалось изъ Малорусскаго-же или Общерусскаго ѣ. По упомянутому мнѣнію такого новообразованія никогда не было, потому что Мр. *і* есть неразвитое, первобытное *и*, лежащее въ основаніи Санскритскаго ê, Литов. ē, Ст. Сл. *ѣ*. Если-бъ это положеніе могло быть доказано, то оно перевернуло-бы вверхъ дномъ все современное языкознаніе. Усиленіе *и* въ ê(=ѣ и его замѣнамъ), такъ важное для строя всѣхъ Индо-Европейскихъ языковъ, по общему, кажется, неопровержимому мнѣнію, древнѣе раздѣленія первобытнаго Арійскаго языка. Приведенное мнѣніе, быть можетъ нехотя, утверждаетъ, что въ то время, когда еще не выдѣлились языки Греческ., Латинск., Германскій, когда не было еще помину не только о какомъ

(*) П. Лавровскаго. Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія Малорусскаго. Ж. М. Н. Пр. 1859, № 6.

либо Слав. нарѣчіи, но и объ общемъ Славяно-Литовскомъ языкѣ, было уже Праукраинское нарѣчіе, отличавшееся отъ Общеарійскаго языка удержаніемъ кореннаго *и* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Общеарійскій языкъ измѣнялъ его въ *аи*. Но мнѣніе это не можетъ быть доказано.

а) *і* не есть общемалорусская замѣна звука *ѣ*. Она имѣетъ мѣсто въ Укр., Подольск., Галицк., Карпатск. говорахъ и, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ трехъ, отличается отъ основнаго средняго *и* въ Укр. во всѣхъ случаяхъ, а въ остальныхъ съ немногими исключеніями, на прим. мѣстами *ѣ* послѣ *р*=*и*, потому что р тамъ соединяется только съ твердыми гласными. Въ Украинскомъ нѣсколько словъ съ *ѣ* подчинено тому же закону, какому слова съ *е*; въ нихъ *е* (=ѣ) чередуется съ *і*: біль (бѣлая пряжа)— бели, ведмідь—ведмедя, мідь—меди, річъ—речи, зустрічъ— зустречі (Квитка), хміль—хмелю, ціпъ—цепа, дідъ зв. деду (Максим. Русс. Бѣс. 1856, I; «деду мій, світе мій, шовковая борода»); въ немногихъ другихъ словахъ *е* изъ *ѣ* остается и въ прямомъ слогѣ: *де* (где), беседа, стрелять (и стрілять, стріла); треба, крепакъ, викрепить, вѣроятно, заимствованы. И въ очевидныхъ заимствованіяхъ Малорусъ, не наломавшій языка, произноситъ ѣ нерѣдко такъ, какъ оно произносится въ вышеприведенныхъ словахъ, составляющихъ остатокъ старины: бэда и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что звуку *е* въ бели, зв. беле, негдѣ было-бы взяться, если-бъ въ самомъ Укр. говорѣ не было нѣкогда звука ѣ.

При Укр. Галиц. дитина, сидіти и детина, седіти (въ послѣднихъ *е* изъ *и*: какъ въ заберати), имѣющихъ въ основаніи *и*: *ди*т(ѧ), сидѣти, находимъ въ Карп. дітина, сідіти, происшедшія изъ дѣтина, сѣдѣти. Такая двойственность основныхъ формъ (*ди*тѧ и дѣтѧ), сохраняемая и въ Мр. (въ которомъ основное *и*=среднему *и*, а ѣ=*і*), показываетъ, что если-бъ слово білий не предполагало звука *ѣ*, то оно-бы произносилось какъ б*и*лий.

б) Заблудовскій говоръ, какъ и почти всѣ Малорусскіе, большею частію строго выдерживаетъ различіе между

е и *ѣ*. *е* въ немъ смягчается, какъ въ Вр., такъ что ј сливается съ предыдущею согласною: велики, вельми; объ исключеніяхъ будетъ сказано ниже; здѣсь замѣтимъ вышеприведенные случаи шыесць, сьемъ, гдѣ ые, јє=Укр. *і* изъ *є* и гдѣ отличіе отъ є въ велики, Укр. великий, совершенно правильно. ѣ въ Забл.=ье (јѣ) съ ётою, которая явственно отдѣляется отъ предъидущей согласной: вьѐ-церъ, вье́яў, мье́сто, у лье́си, по цье́ли (по тѣлу) на рье́чцы, собье́, тобье́, мнье́, на землье́, у ночье́. (Записывавшій во всѣхъ этихъ случаяхъ ставилъ јѣ; мы измѣнили это правописаніе, потому что оно невѣрно. Если долгій звукъ *ѣ* разлагается на два, то прежнія свойства его теряются; въ Серб. ије (=ѣ) ни *и* отдѣльно взятое, ни је не равны звуку *ѣ*; предполагаемое Сербск. написаніе *иѣ*, понятое буквально, значило-бы, что осталось ѣ (=ê изъ аи) и къ нему прибавилось *и*). Двоегласность Заблудовскаго *ье* очевидна тогда, когда оно стоитъ послѣ согласныхъ въ этомъ говорѣ, недопускающихъ смягченія, именно послѣ *ч* (и вѣроятно другихъ шипящихъ), ц, р; тогда въ большей части случаевъ записыватель обозначаетъ его черезъ двѣ гласныя *ые*: у ночые́, цые́лы, срые́бною, трые́ска, стрые́лка, грые́хъ, сестрые́, на рыечцы. Въ предл. п. ед. м. и ср. и въ дат. пред. ед. ж. на концѣ рядомъ съ ье́, ые́, (ударяемыми) стоитъ *и* (=*і* неударяемое) и, послѣ основна́го *ц* (а не ц изъ т),—ы: на дорози, въ болоци, у льеси, у ве́чери, по цјели, на рыечцы, по бадылинцы, матцы. Изрѣдка стоитъ *и* и въ серединѣ: незоусимъ, сподзивацисе.

в) Въ Сосницкомъ у. Черн. г. (мѣстечко Александровка) очень часто ѣ=е (=э): песко́мъ, меша́ймо, бежи́шь, реки́, пешени́ци (пѣшаго), задремало; такъ и въ глаголахъ погре́ба́й, повтека́ли, требующихъ въ Укр., какъ и въ Ст. Сл., усиленія е въ ѣ: Ст. Сл. погрѣбати (отъ грести)=Мр. (за)грібати, вимітати,—пікати,—плітати,—тікати,—скрібати,—стібати,—чіпляти, —гнічувати, —тісувати,—плітувати и т. д.

Рядомъ съ *е* (=ѣ) тамъ-же *ьй*: пьйшого—пешениці, вьйры, вьйтеръ (говорятъ, вездѣ, гдѣ *ѣ* съ удареніемъ), а часто и чисто́е *і*: рікі, нехотівъ, на річкі, дітьми, себі, тогді, білоі.

На Волыни тоже есть мѣстности, гдѣ ѣ=*е*: бежи́.

г) Приведенные факты заставляютъ предполагать, что ступени, черезъ которыя проходило *ѣ* въ Украинскомъ, слѣдующія: *е* (по выговору близкое къ теперешнему *е*, но отличавшееся отъ него долготою), ье (можетъ быть даже ие́), *ьи*, наконецъ *і* въ которомъ ѣта уже поглощена слѣдующимъ острымъ *и*. Какъ выше мы не находили возможнымъ предположить, что *уо* было заимствовано съ Польскаго нѣсколько столѣтій тому назадъ (потому что теперь въ Польскомъ у), такъ и здѣсь не видимъ ни надобности, ни возможности допускать заимствованіе откуда-бы ни было звуковъ *ье*, ьи (=ѣ). Сколько извѣстно, ни то, ни другое сочетаніе не похоже на замѣны *ѣ* въ сосѣднихъ Вр. говорахъ. Въ Бр. ѣ=є, а если, какъ говоритъ Максимовичъ, въ Рязанскомъ говорѣ ѣ=*ье* (сасьєдъ), такъ въ Черниговскомъ въ извѣстныхъ случаяхъ оно=*ьи*. Сходство Укр. і=ѣ съ Свр. и=ѣ поверхностное, и мы бы не рѣшились основывать на немъ никакихъ предположеній, напр. о болѣе близкомъ сходствѣ Мр. племени съ Свр., чѣмъ съ Ювр. Намъ не встрѣчалось ни одного Свр. говора, въ которомъ-бы *и* изъ *ѣ* было такъ повсемѣстно, какъ въ большинствѣ Мр. говоровъ, въ которомъ-бы было *е* (=э) изъ ѣ какъ въ Черн., и *ье*, *ые* какъ въ Заблудов. При томъ въ тѣ отдаленные вѣка, когда Мр. племя могло составлять одно съ Новгородскимъ, по всей вѣроятности, *ѣ* имѣло еще свой древній характеръ (ê). Сходство Укр. замѣнъ звука *ѣ* съ Сербскими (и, е, ије, јe) довольно велико; но въ Укр. незамѣтно позднѣйшаго, по видимому, различенія между долгимъ *ѣ* и краткимъ, различенія, которое есть въ Герцоговинскомъ, гдѣ ѣ долгое=ије, а короткое је.

д) Времени появленія Мр. і изъ ѣ опредѣлить не можемъ. Тамъ, гдѣ оно есть теперь, оно было уже несомнѣнно въ концѣ XVI в. и вѣроятно—уже въ XIV, даже въ XIII. Отдѣльные случаи, изъ которыхъ впрочемъ мы не рѣшаемся выводить общаго правила, есть уже въ XI: въ Сб. Свят. 1073 смотривъше. Замѣтимъ довольно позднее появленіе теперешнихъ замѣнъ звука *ѣ* въ другихъ Слав.

нарѣчіяхъ: въ Чеш. еще во второй половинѣ XIV в. ciesař, střiebro (цѣсарь, сребро) вм. теперешнихъ císař, stříbro (надѣюсь, Славянъ, пишущихъ Латиницею, не заподозрятъ въ раболѣпномъ подражаніи старославянскому правописанію); въ Серб. *ие* появилось въ самомъ концѣ XIV в. *и* въ XIII, *е*, даже въ XII.

Въ Волынскихъ памятникахъ XV и XVI в. *ѣ* встрѣчается довольно рѣдко; большею частію *е*: видети, менялъ, хотелъ, вечно, лепшую, подъ леты (1490); светлиць, подклетовъ, въ стозехъ, сеножатей, уехавши, у волове, нетъ, сеней, целые, завесовъ, у коморе, безъ века, редка (1566); речей, детей, белая, по левой стороне, въ дворе, въ оборе, на реце Брусце (1578). Тамъ-же весьма часто і (*и*): всихъ, Порицкого (1490); на зависахъ, желизомъ билымъ, нитъ (нѣтъ), ничого, сіни, сина, у гумни, на поли, дви; послѣ *ц*—ы, какъ въ Заблудовскомъ: по ливой руцы, на дворцы (пред п.) цылые, нецыла (1566); всихъ, зо всимъ, на стовпи (1578). Отсюда видно, что написаніе *е* вм. *ѣ* не соотвѣтствовало выговору, точно такъ, какъ употребленіе ѣ вм. і у Памвы Берынды (матерѣа, коралѣ, баранѣй и т. д.) и вообще въ XVII, XVIII в., а равно и теперь въ Галицкой письменности.

36. Измѣненія гласныхъ неударяемыхъ.

1) Измѣненія. а) *о* неударяемое въ очень немногихъ словахъ измѣняется въ *а*, какъ въ Ювр: багато, гараздъ, гарячий, хазяинъ, халява (Поль. cholewa; въ Мр. *я* изъ *е* какъ въ óхляпъ, Пол. oklep; впрочемъ ср. Вр. охлябъ), каратати (коротать), въ Гал. и Забл. зазуля (Укр. зазуля); помагати, доганяти и т. п. сюда нейдутъ: въ нихъ *а* есть правильное этимологическое усиленіе звука *о*.

б) о неударяемое ослабляется въ у, которое, по происхожденью и первоначальному количеству, отлично отъ у=і изъ о. Это правило распространяется далеко не на всю массу словъ; во многихъ случаяхъ соблюденіе его зависитъ отъ произвола. Передъ удареніемъ: буяромъ (дат. мн. Радомысль; обыкнов. боярамъ) бурмотати, пурнать, пурнуть, зупинить (зопинить, опинитця), стругати, у суборі (обыкн. у соборі), туполя (Звениг. об. тополя), туска

(Борзна; об. тоска); измѣненіе о, ё въ у, ю въ глаголахъ на—овать, евать производится не только отсутствіемъ ударенія, но и ассимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго *в*: кувати, снувати, годувати, блювати, воювати; изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что разницы между *ов* корня и *ов* окончанія не дѣлается, но однако ховати; на востокѣ Укр. говорятъ здѣсь постоянно *у*, а западнѣе слышится о, ё: ковати, танцёвати (Глуховъ), воёвати (Васильковъ); послѣ ударенія: парубокъ, потрухъ, яблуко, даже знахурка изъ знахорка (вм. знахарка) (ср. 1 9. в)

Соотвѣтственное этому измѣненіе *е* въ и, і—въ очень немногихъ случаяхъ: іще (вм. ще) мині и міни вм. мені, звиніти.

в) Говоря о Ювр. мы упомянули объ измѣненіи *е* изъ ѩ въ оконч. род. ед. прил. опр. ж. въ *и*, какъ о явленіи общерусскомъ и относительно позднемъ. Въ Волынскихъ описяхъ XVI ст. очень часто еще *ые*, *ое* (доброе), хотя уже есть и *ои* (два слога: дани медовои). Въ Заблуд. говорѣ оконч. род. ед. прил. опр. ж. уже такое, какъ въ Укр. злои, русои; но въ этомъ же пад. мѣстоименій ж. сохранилась замѣна ѧ черезъ *е* : єє (род. вм. вин.) самую, єє матонька (ср. Ст. Сл. юѩ), до моє дзѣуки, своє сеструоньки (изъ моєє, своєє=Ст. Сл. моюѩ, своюѩ). Эти формы (моєє, своєє) лежатъ въ основаніи и Мр. моєі, своєі и Вр. моей, своей.

Теперешнее оконч. им. п. мн. ч. прилагательныхъ опр. всѣхъ родовъ—*иі*, іі, і: добриі, добріі, добрі. Окончаніе им. вин. средн. рода здѣсь замѣнено мужескимъ или женскимъ, потому что старинное оконч. аꙗ (добраꙗ) фонетическимъ путемъ не могло перейти въ *иі*, *іі*. Оконч. им. мн. м. и ж. р., я думаю, имѣютъ въ основаніи общерусское *ые*, которое образовалось изъ старинняго оконч. винительнаго мн. м. р. и им. вин. ж. р. ыѩ (добрыѩ рабы, добрыѩ жены). При этомъ настоящій именительный м. р. (добрии) также замѣненъ винительнымъ, какъ и въ Мр. именительн. мн. существительныхъ м. р, (върси, бозі) винительными (върхы, богы=Мр. верхи, боги). Въ теперешнемъ Мр. конечное *і* въ оконч. им. мн.

прилагательныхъ (добриі) могло образоваться изъ *е* довольно рано, но не повсемѣстно. Колебаніе между *и* и *р* (добри, добрые и, согласно съ общерусскимъ измѣненіемъ ѧ въ я, добрыя) было уже въ XIV в, а вѣроятно и гораздо раньше; но въ часто упоминаемыхъ Волынскихъ описяхъ XVI в. постоянно: ворота уезны*е*, вилки желизные, кола окованые, скрынки Московские, образцы малеваные невеликие, сени рубленые. Хотя, на основаніи сказаннаго выше объ *е* вмѣсто *і*, можно думать, что и здѣсь стоитъ *е* за *і*, но весьма вѣроятно и то, что здѣсь *е* стоитъ само за себя. И теперь въ Сосн. у. Черн. г.—*ие*: широкіе, желізниє, молодйє, золотиє, старйє; въ Заблуд. чужыє, старыє людзи, волы половыє; тамъ-же є вм. ѧ и въ имен. вин. п. мн. ч. мѣстоим. своє скарбы, своє свацики.

г) Если—*ть* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ на —*ити* опускается, то предшествующее ему неударяемое *и* усиляется въ *е*, чѣмъ вознаграждается потеря конечой согласной: хо́де, лю́бе, моло́те, но хо́д*и*ть. любить, молотить. Въ Галицкомъ *и* мѣстами остается неизмѣннымъ, хотя—*тъ* опускается: ходи (ср. Вр. 26, и).

2. Стяженія. а) Въ оконч. прилагательныхъ: въ им. ед. ж. ая, яя=а, я, до́бра, свьята́, синя; во многихъ случаяхъ по ударенію видно, что это есть опредѣленная форма, равная и по значенію не менѣе употребительной формѣ на *ая*, *яя*; въ вин. ед. ж. ую, юю=у, ю (до́бру, свьяту́, синю), и рядомъ полная форма на ую, юю; въ им. вин. ед. ср. р. ое=ее=е, єє=є: дивноє, вороноє, чистоє (такъ въ Галиц. Забл.)=воронее, чистее=вороне, чисте (въ Забл. дзитятко родненьк*о*, полє узенько, должно быть, неопредѣленныя формы); синєє=синє; въ им. (вин.) мн. трехъ родовъ ні=іі=і, іі=і: чорніі (эта форма, по выше сказанному, древнѣе, потому что болѣе приближается къ основной *ые*)=чорніі=чорні (такъ въ Укр. и Галиц.; въ Карпаторусс. чорны, білы (или чорн*и*, біли со среднимъ *и*?). б) Въ окончаніяхъ глаголовъ: въ 3 л. наст. вр. ед. ч. глаголовъ на—*ати* аε=а: співає и співа; въ Карпат. співау (3 слога?), співаеш=співашъ, спиватъ (такъ мѣстами и въ Галиц.), співаме, співате, співаутъ

(Голов.); тамъ же контракція условленная опущеніемъ согласной въ бешъ, бе (будешъ, буде).

3. Измѣненія гласной въ полугласную и опущенія. а) Въ мого́, твого́, свого́, мому́, твому́, свому́, *е* неударяемое сначала измѣнилось въ j, откуда вышли формы: мойму, свойму, сохранившіяся еще въ нѣкоторыхъ Малорусскихъ мѣстностяхъ (Глуховъ, Радомысль) и въ Бр.; потомъ ёта исчезла. При удареніи *е* остается: мое́му, свое́му. Какъ здѣсь опущено j въ серединѣ, такъ оно опускается на концѣ въ им. ед. прил. опр. м. р.: котори, святи, Русскі, Хмельницькі, другі (Сосн. у. Черн. губ.), буольшы (Забл.); такъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ за Днѣпромъ и въ Галиціи. Очень возможно, что это Польское (ср. 12, б).

б) *е* теряется на концѣ въ нарѣчіяхъ сравн. степ.: білшъ, гіршъ, веселійшъ и т. п. при конхъ столь-же употребительныя формы білше, гірше, веселіше; въ частицѣ же: тожъ вмѣсто тоже.

в) *е* исчезаетъ, смягчая предъидущее *т* въ оконч. 2 л. мн. ч. повел. накл., если передъ *т* стоитъ гласная: беріть (Укр.); въ Галиц. конечное т отвердѣваетъ: берітъ; рядомъ съ этимъ ad libitum берітe, и́ необходимо рубайтe, приходьте и т. п.

г) *и* на концѣ въ неопредѣленномъ наклоненіи можетъ опускаться смягчая т: ходити, ходить; въ глаголахъ безъ характерной гласной въ неопредѣленномъ накл., имѣющихъ удареніе на *ти́*, это удареніе никогда не перестановляется, и потому конечное *и* остается: вести́, нести́, а не весть, несть.

д) Въ Укр. во многихъ глаголахъ предложныхъ на—ити и въ нѣсколькихъ на—ѣти (—ати послѣ шипящихъ),—иши, во 2 л. ед. въ 1 и 2 мн. пов. накл. *и* сокращается въ *ь*, теряя удареніе: не вразь, не вра́зьмо, не вразьте, не вводь, вивозь, виносъ, при—*г* знаходь, вигонь, промовъ, розсердься, не соромся, поло́жъ, не воруште, придержъ, потерпъ (Квітка), но непремѣнно води́, носи́, ходи́ и т. п. съ удареніемъ на и́, и по произволу, приходи́, приноси́; для глаголовъ не имѣющихъ ударенія на *и* въ неопред. накл. сокращенная форма, кажется, единственная: сором-

ся, сердься. Въ Вр. это опущеніе гораздо рѣже: положь, подь, подой, Мр. подій. Этотъ послѣдній Мр. глаголъ отличается отъ вышеприведенныхъ тѣмъ, что въ немъ о=і, тогда какъ въ послѣднихъ *о* остается (вигонь), хотя есть всѣ условія для его перехода въ *і*. Въ Укр. и Галиц. бери́, ходи́, берімо *v* берімъ, берíте *v* берíть, берíтъ, но въ Карпат. берь, ходь, возь, берьме, хо́дьме, бе́рьте, хо́дьте, въ чемъ, судя по окончанію 1 л. мн.—ме, слѣдуетъ видѣть вліяніе Словенскаго.

е) Въ Укр. глаголы на—мь не сокращаютъ конечнаго *и* во 2 л. ед. ч.: есú, ісú, даси; въ Галиц. 1-й изъ этихъ глаголовъ имѣетъ форму єсь, Карп. єсъ: співавъ—єсь, співавъ єсъ (Поль. śpiewałeś).

ж) Общерусская форма окончанія—*ие* первоначально одна: *ье*.Въ Укр. j въ этомъ окончаніи сначала явственно отдѣлялась отъ предыдущей согласной, которую потомъ въ большей части случаевъ удвоили: браття, зілля, каміння (см. ниже); въ Галиц. j (ь) частью остается замѣтнымъ, не удвояя предъидущей согласной, частью сливается съ этою согласною, какъ въ Поль.: насіньє (можетъ быть это только этимологическое правописаніе?), насінє, зілє, камінє, подвірє. Основное *и* въ видѣ Мр. средняго *и* сохраняется только въ словахъ книжныхъ: созданнє, писаннє и т. п.

з) *и* въ началѣ нѣсколькихъ словъ сокращается въ j и опускается: голка, грати, мати,ськати, ще (вм. jще), звісно, звольте, зъ города; и сокращается въ j въ союзѣ *и* послѣ гласныхъ: та-й пішовъ, въ словахъ йти (прийти, какъ въ Вр.), йшовъ (прийшовъ, прийшла).

і) Опускается *о* по произволу въ 1 л. мн. ч. наст. и повел.: ходімо—ходімъ, співаємо—співаємъ; въ серединѣ—въ очень немногихъ словахъ: котрий и которий, въ Гал. вна вм. вона.

к) *о* неударяемое въ началѣ опускается, если предъидущее слово кончается гласною, большею частью въ пѣсняхъ, для размѣра: на' горо́ді, одно' дного, взяли 'дного́ купця, нема мені одрадоньки ні 'дъ отця, ні 'дъ неньки.

л) Измѣненіе неударяемаго *у* въ началѣ и въ середнѣ послѣ гласной въ *в* (вмерти, вже, навчити и умер-

ти, уже) соотвѣтствуетъ измѣненію и въ j, съ тою разницею, что *в* прочнѣе j. *в* изъ *у* одинъ изъ наиболѣе древнихъ и наименѣе характеристичныхъ признаковъ Мр. нарѣчія.

м) Сокращенія *я* въ *ь*: відсіль, відтіль вм. відсія́, відтія́ (я изъ ѣ?); въ *ся* какъ и Вр. (боюсь и боюся, не бійсь и не бійся), но сверхъ того—послѣ *в* изъ *лъ* въ причастіи прош. вр.: боявсь.

н) Вр. сокращенія *ю* изъ ѭ въ *й* въ оконч. твор. ед. именъ ж. (доброй женой) совсѣмъ нѣтъ въ Мр. Украинскому—ою,—ею соотвѣтствуетъ Подоль. Галиц. Карпат. *овъ* (оў), евъ, ёвъ (въ какихъ мѣстахъ евъ, а въ какихъ ёвъ?): чорновъ, ожиновъ, душевъ, моєвъ, господинёвъ. Если точно у Лемковъ (въ Карпатск. гов.) *в* на концѣ произносится мягко (добровь, долевь), то эта форма могла образоваться изъ доброй доле*й*, процессомъ обратнымъ тому, по которому изъ долови, домови, доловь (Галиц. долівъ), домовь (Галиц. домівъ) вышло Вр. долой, домой. Правда, есть и другой путь. Какъ въ Карпатскомъ опускается j въ моа, моу, чуу, співа-у, чешъ (моя, мою, чую, співаю, чуешъ), такъ могло выпасть и въ добро-у, доле-у, изъ котораго легко могло выйти доброў, долеў; но въ такомъ случаѣ откуда бы взялась мягкость конечнаго ь въ долевь? Нечего и думать о самостоятельномъ образованіи этихъ *овъ*, *евъ* непосредственно изъ древнѣйшаго оѭ, еѭ; скорѣе можно бы допустить заимствованіе изъ Слов. rybou, dušou.

37. Смягченіе и отвердѣніе гласныхъ. 1. Въ Галицкомъ говорѣ *я* послѣ согласной измѣняется въ є, независимо ни отъ своего происхожденія (т. е. я осн. и *я* изъ ѧ), ни отъ ударенія, ни отъ послѣдующаго слога. Напомнимъ, что въ Свр. подобное измѣненіе условлено мягкостью слѣдующаго слога (22) а въ Юср.—отсутствіемъ ударенія. *я* остается въ началѣ слова и послѣ гласныхъ: ягода, ярая, моя, мая (род.) стояти, сіяла. *я* переходитъ въ є: жель, чєсъ, научетъ, дівче, наше (наша) шеновати, щестье, зъ рукавце, вінце, гребінце, відъ сонце, пшенице, пашнице, (Головацкій пишетъ пшеницье,

мірницьє) за вівцєма, зъ камінцєма; глєнє телє (Голов. пишетъ тельє), но короля, гуляти, лялька, для; кнєженька (род.), кнегині, камінє (род. каменя), папетко (по коня); примірєє, звірє (звіря сред. р.), зъ зорєми (по Голов. курьєта, рьєбий, рьєсний, трьєсу); постоянно сє вм. ся: дивисє, місєлъ всєка; сиротєтко, дитєтко, свєчену (но Голов. тьєжко, затьєвсє). Мѣстами это вторичное є, равно какъ и є изъ *ье*, подъ вліяніемъ j, измѣняются въ *і*: щісливий, місіченько, долі (доля), гуляні, притуляні, рібушечка. Въ подобныхъ случаяхъ Ж. Паули пишетъ Польское y: żyl (жаль) żydat' (жедать, т. е. жадать, Поль. żądać), poszynujte, szczysci (щастя род. ед.) uzyla (узяла), brysnut' (брязнуть). Согласно ли это съ выговоромъ? Явленіе это вполнѣ самостоятельно. Непосредственно предшествуетъ ему по времени свойственное теперь Карпатскому говору очень сильное смягченіе звука *я* послѣ шипящихъ и р: курьята, рьябый, рьясный, жяль, чясъ, нашя. Въ Галиц. грам. 1398—свѣдчю, нашю, и вообще старинный Русскій языкъ отличается отъ Ст. Сл. сочетаніемъ *я*, *ю* съ шипящими. Указаніемъ на древность этого *є* изъ *я* служитъ въ упомянутой грамотѣ Хомѣковичь вмѣсто Хомяковичь.

Въ Укр. говорѣ нѣтъ слѣдовъ разсмотрѣннаго перехода. Въ Забл.: оглєдзѣусє, глєдзишъ, свєцєньки, ке́миў, ке́млятъ (тямивъ, тямлять въ смыслѣ помнятъ), два́цець, по́єса (Галиц. пояса), постоянно сє (сварици сє) и е (=э) послѣ ц: здаеце, боице. Въ Волынскихъ описяхъ XVI в.: ро́беть (роблять) петьнадцатъ (и пятнадцатъ), засеено, кнежий, месеца, у земенина, светого, тысеча, просечи, ечменю, еецъ, потелилисе, вездѣ, кажется, изъ *я* неударяемаго, какъ въ Ювр.

2. Произношеніе *е* какъ *э* свойственно, кажется, всѣмъ Мр. говорамъ, исключая крайніе отъ Бѣлой Руси: въ Заблуд. е=є. Въ Украинскомъ є находимъ только въ началѣ словъ (єсть, єю, но зъ нею) и въ окончаніи прил. опр. мягкихъ ср. р.: синєє, синє. Этотъ говоръ избѣгаетъ звука є, гдѣ только возможно: на основаніи формъ: земля, землі, доля, долі, долю, молодця, молодцю, яйця, яйцю,

судля, судді, суддю и т. п. можно бы ожидать формъ: землєю, суддєю и т. п.; но на востокѣ находимъ постоянно: землею, (эю), долею, молодцемъ, яйцемъ, суддею, земле, зозуле. Тамъ, гдѣ оказывается невозможнымъ избѣжать є, напр. въ именахъ на *ье*, тамъ є измѣняется въ *я:* зілля, сміття, каміння, зіллямъ, сміттямъ, камінням. За Днѣпромъ и въ Галицкомъ говорѣ въ этомъ послѣднемъ случаѣ остается є, ьэ (сміттє, смітє, здоровъэ), а въ твор. зв. именъ ж. на *я* встрѣчается ё: зазулё, днпёю. Хотя невѣроятно, чтобъ когда либо *е* въ Украинскомъ произносилось слишкомъ мягко, исключая, разумѣется, тѣ случаи, когда оно перешло є (=і, ё см. 33.), но тѣмъ не менѣе прежде оно было нѣсколько мягче чѣмъ теперь: изъ теперешняго гортаннаго *е* въ берітe, робітe ни коимъ образомъ не могло образоваться *ь* въ робіть, беріть, а между тѣмъ оно образовалось. Сокращеніе *е* въ *ь* во 2-мъ л. мн. ч. пов. накл. есть уже въ Сл. о Полку Иг. (понизить, вонзить). Если предположить, что эти формы были тамъ съ самаго начала, то окажется, что теперешнее произношеніе звука *е* въ Мр. началось не позже конца XII в.

3. а) *ы* въ Укр. смягчилось въ среднее *и* послѣ всѣхъ согласныхъ, не исключая гортанныхъ: *ы* послѣ г, к, х въ словахъ гинути, дорогий, мнякий, тихий нельзя отличить оть *и* въ словѣ спитай. Тоже въ Галицк. говорѣ, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ осн. *ы* послѣ гортанныхъ: нагій, кіпіти, сухій, какъ въ Польскомъ nogi, ręki, strzechi, хотя и здѣсь suchy. Въ Карпатскомъ, по крайней мѣрѣ у Лемковъ (на западномъ концѣ горнаго пояса, занятаго Русью) *ы* постоянно произносится низко (какъ Вр. ы, Поль. у) и явственно отличается не только отъ средняго и остраго *и* (милый, тінь), но и отъ *ô*; согласно съ требованіемъ стариннаго Русскаго языка, у нихъ не составляетъ исключенія и *ы* послѣ гортанныхъ: мягкый, дорогый глухый, кыдати, гынути, хылятися. Говорятъ, и въ другихъ мѣстностяхъ Галиціи, напр. около Перемышля замѣтно, хотя и не такое рѣзкое, различіе между *и* и *ы*.

Въ разныхъ мѣстахъ Галиціи (въ области Галиц. а можетъ быть и Подоль. говора) слышно: покенути, ле-

бедоньке, листоньке, пісдоньке, головоньке. Незнаю, на какіе случаи распространено это измѣненіе, но только не на *ы* въ оконч. им. п. ед. м. р. прил. опр. Не думаю, что-бъ этотъ переходъ, предполагающій, повидимому, среднее *и*, отличалъ *ы* отъ *и*, потому что и это послѣднее измѣняется подобнымъ образомъ: калена, малена, гастеньцями.

б) Основное *и*, котораго древнее произношеніе, полагаю, такое какъ въ Вр. (=і), отвердѣваетъ въ Мр. и становится среднимъ между *ы* и *і* во всѣхъ случаяхъ, исключая тѣ, въ которыхъ передъ *и* стоитъ ј, и немногіе необъяснимые. аа) імъ, іхъ, іми пишутъ вм. јімъ и проч.; въ поіти, доіти, гоіти, коіти, своі, своіхъ, гаі, роі гласная *о*, *а* отдѣлена отъ *і* ётою, которая и смягчаетъ слѣдующее *и*; бб) имена сущ. муж. и жен. р. на *ь* и я предполагаютъ окончанія—јас, јâ, и ёта этихъ окончаній условливаетъ мягкость звука *і* въ им. мн. м. р. (коні, царі, ковалі) и въ род. ед. и им. мн. ж. р, (зорі́, зо́рі, до́лі, землі); еще яснѣе присутствіе ј въ именахъ на ья, ье (судді, у щасті); но имена ж. на *ь* образовали это окончаніе изъ неётированнаго *и*, а потому конечное *и* въ род. дат. ед. и им. мн. ч. не должно бы смягчаться; согласно съ этимъ, мы имѣемъ—кість, кост*и*, сіль—соли, погибел*и*, печали, а не кості, солі (впрочемъ нѣкоторые пишутъ и такъ, не знаю, основываясь ли на собственныхъ соображеніяхъ, или на подобномъ выговорѣ). Не знаю, распространяется ли это правило и на имена съ шипящею передъ *ь*? пічъ, нічъ имѣютъ кажется род. печ*и*, ноч*и* (а не печі, ночі), но предл. у печі, у ночі, у макотерт*і*, какъ бы у печê, у ночê, аналогично съ именами на *я* (но правильно въ осени́, а не въ осен*і*). Правило это не распространяется на имена муж. на *ь* принадлежавшіе нѣкогда къ склоненію *и*; эти имена или цѣликомъ приравнялись къ такимъ, какъ кôнь (напр. гост*і*, а не гост*и*, какъ коні, а не кон*и*), или, отчасти удержавши прежнія окончанія, неправильно смягчаютъ *и* (вм сёгодн*і* слѣдовало бы ожидать сёгодни). Подобное указанному различіе существуетъ и въ Сербскомъ, впрочемъ только въ иныхъ

съ *л*, *н* передъ окончаніемъ: пань (пень, гдѣ ь=jas) имѣетъ имен. мн. пањ*и* (читай пап*ї*), но дан (день, гдѣ ь=и (с)) во мн. дан*и* (*и*=среднему Мр.), воља—вољи (волі), но со (соль), кост—сол*и*, кост*и* (со среднимъ *и*). Все сказанное подъ бб) во всѣхъ частностяхъ имѣетъ силу только для Укр. говора. Тамъ, гдѣ р не смягчается, невозможно и мягкое окончаніе въ цар*ї*. вв) Въ син*ї*й и т. п. *ї* остро—потому что все окончаніе *ї*й сложилось изъ *ьи*; также предполагаютъ ёту и окончанія другихъ падежей: синіі (=синіјі), синіхъ, синімъ. Если им. мн. прил. опред. съ твердымъ окончаніемъ напр. біл*ї* изъ біл*и*і (=білијі), то въ немъ ј не только, по правилу, смягчило слѣдующее *и*, но и предъидущее.

в) Незнаю, почему *и* остро въ окончаніи дат. п. на—ові (попов*ї*). Миклошичъ справедливо считаетъ это *ї* неорганическимъ, т. е. не имѣющимъ основанія въ древнемъ языкѣ. Однако точно ли въ Галицкомъ здѣсь *и* среднее: ковалев*и*, какъ пишетъ Миклошичъ? Также не основано на древнемъ языкѣ *ї* въ братікъ, братічокъ (ср. кон*и*къ, коничокъ), ан*ї*, ні.

г) Что до *ї* въ повел. накл. (ходімъ, ведіть) и въ длительныхъ глаголахъ (загрібати), то оно изъ *ѣ*. Объ остромъ *ї* изъ *и* въ Укр. послѣ *р* будетъ сказано ниже.

Въ XVI в. смѣшеніе *и* и *ы* находится уже въ полномъ развитіи: чотир*ы*, личби (вм.—ы), Ганни Деспотовны и т. д. О времени его появленія возможны только догадки; вѣроятно оно не позже XIII—XIV ст.

Память о низкомъ произношеніи *ы* сохранена въ Мр. (но не общемъ) бути, бувъ и производныхъ, изъ быти, былъ. Формы съ *у* свойственны Украинскому, Подольскому, Галицкому, но въ Карпатскомъ ы: быти, бывъ емъ, въ Заблуд. тоже: бывъ, былй (съ Мр. удареніемъ). О предположеніи, что *у* въ бути вовсе не предполагаетъ Общеславянскаго *ы*, а есть древнѣйшій звукъ непосредственно примыкающій къ ӯ въ Скр. корнѣ bhӯ, скажемъ тоже, что и о предположеніи, что *ї* въ Мр.=Ст. Сл. ѣ, не предполагаетъ этого ѣ, а есть древнѣйшее. Не только всѣ Слав. нарѣчія предполагаютъ *ы* въ быти, не только

нѣкоторыя Мр. говоры сохранили ту-же форму, но и самъ Укр. говоръ при бути имѣетъ и слова того-же корня съ *и* вмѣсто *ы*: таково *би* въ союзѣ аби (=а быхъ), въ сущ. небилиця, билина (Ст. Сл. былие, растеніе, плодъ, отъ того-же корня въ значеніи рождаться происходить). Въ словѣ гл*и*боко находимъ и обратный переходъ *у* (а не непосредственно *ѫ*) въ *и*, которое и по произношенію отличается отъ *і* или *и* въ діброва, заміжъ. Въ Галиц. есть и глубокій и глібокій.

38. Въ предыдущіе параграфы не вошло нѣсколько рѣдкихъ случаевъ измѣненія гласныхъ. а) Мѣстами въ Галиц. *е* изъ *а* въ бервінокъ, ней (изъ най вм. нехай). Заб і. за́р*е*зъ (заразъ), тамъ же неправильно удые́ритъ, изъ удеритъ (вдарить). б) На западѣ Укр. и Галиц. *ю* въ матюнка, матюръ (кажется въ Черн. г.) изъ матінка и пр. в) Укр. сокира изъ сѣкыра, Галиц. состротити (Микл.) изъ сострѣтити. г) Какъ остатки носоваго звука приводятъ хорунжий, трынбачъ, бондарь Первыя два слова заимствованы изъ Поль. (chorąży, trębacz), а третье неправильно производятъ отъ Скр. bandh, вязать. Въ немъ перестановка: *нд* вм. дн; основная его форма видна въ Поль. be-dnarz, Чеш. bednář; въ составъ его входитъ вопервыхъ старинный предлогъ *бе* (ср. Скр. абhи, versus, ad, откуда *объ*, абие и Нѣм. be), коего приблизительное значеніе—къ, съ, при, и который встрѣчается въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ: бе-сѣда, въ Вр. доска, на которой сидятъ (другъ подлѣ друга) передъ воротами, въ лодкѣ; собраніе людей (сидящихъ подлѣ), отсюда разговоръ; Мр. беске́да (или бескедъ?), рытвина, оврагъ («тамъ такі яри та бескеди, що ажъ страшно»), съ чѣмъ ср. Галиц. бескидъ, часть Карпатъ, Скр. кор. чhид, scindere; бе-крень (шапка на бекрень) ср. кренить, клонить, Поль. na-bakier; во-вторыхъ, изъ этого предлога и сущ. дъно сложено предполагаемое бе-дъна, Чеш. bedna ящикъ, сундукъ, Мр. бо́дня, липовка, куда за неимѣніемъ скрыни складываютъ одежу, собств. нѣчто составленное изъ донъ; отсюда правильно bednář (бо-днарь), дѣлающій бодни.

39. Смягченіе и отвердѣніе согласныхъ. 1. т, д. а) Старинное смягченіе т въ ч (тш изъ тj передъ гласною: лечу, хочу) свойственно всѣмъ Русскимъ говорамъ безъ исключенія. б) Аналогично съ ч (тш) изъ тj, должно образоваться дж изъ дj. *ж* изъ дj (хожу) не могло образоваться непосредственно; оно необходимо предполагаетъ *дж*. Этотъ послѣдній звукъ исключительно господствуетъ въ Карпатскомъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Ст. Сл. жд изъ дj (медже, чуджий и чюджий, ходжу, раджу) и въ Забл. (охолоджаци, недзьвѣджий); въ Галиц. въ глаголахъ и причастіяхъ ходжу, раджу, саджений, но меже, чужий; въ Подольскомъ тоже: походжати, помеже. Этотъ звукъ есть и въ Черниг. г. но въ какихъ случаяхъ, не знаю; онъ не чуждъ даже самому восточному Украинскому, хотя въ послѣднемъ господствуетъ ж изъ дj: чужий, хожу, но изрѣдка походжено, побродженo (Ахтырка). Хотя въ послѣднихъ словахъ дж могло быть занесено сюда съ Запада, но (если это не мое только личное мнѣніе) оно пріятно нашему уху, чего нельзя сказать о нѣкоторыхъ другихъ признакахъ западныхъ говоровъ; оно ближе къ намъ, чѣмъ напримѣръ дж въ медведжий (о *дж* въ Бр. см. 13, а).

Господство звука *ж* изъ дj (=Ст. Сл. жд) въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской письменности служитъ доказательствомъ, что разницею между дж (Мр.) и ж (Вр.) было намѣчено раздѣленіе Русскаго языка на нарѣчія не позже X—XI в. *ж* изъ *дж* въ Украинскомъ вѣроятно новѣе, чѣмъ ж изъ дж въ Великорусскихъ говорахъ, кромѣ Бр. Не вижу возможности предположить, что не Мр. *ж* изъ сохранившагося въ Мр. *дж*, а наоборотъ, послѣднее изъ Общерусскаго *ж*. в) Отъ этого *дж* изъ *д* слѣдуетъ отличать *дж* въ началѣ нѣсколькихъ словъ: джерело, джайворонокъ (обыкн. жайворонокъ), джбанъ, джура, джгутъ, дженджуристий. Въ первыхъ двухъ это *дж* изъ г (ср. гірло и гайворонъ, Серб. гавран, Поль. gawron), въ третьемъ (и жбанъ, Поль. dzban) можетъ быть тоже, если оно одного корня съ гнути (кор. гъб, въ смягченной формѣ жьб); Сл. джура взято отъ Татаръ: гяуръ, джяуръ,

невѣрный, потомъ плѣнникъ и слуга; два послѣдніа слова неяснаго происхожденія. г) Въ Восточномъ Украинскомъ говорѣ, рядомъ съ правильнымъ посредственнымъ смягченіемъ зубныхъ, слышится ихъ непосредственное соединеніе съ ётированными гласными: родю, збудю, іздю, молотю (кажется, рѣже, чѣмъ—дю) мостю вимостювавати, ідзіння (П. Берында написалъ бы правильно ѣзджѣнье, какъ бѣджѣнье, гляждѣнье, ряджѣнье), одводювання (П. Бер. отводжованье), чистіння; но тамъ же: вбжений, іжджений, мбщений, клопочу, регочу, а не иначе. Эти случаи непосредственнаго смягченія зубныхъ не есть остатокъ старины; они имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ современный языкъ допускаетъ мягкую гласную, но не тамъ, гдѣ требовалъ ее старинный языкъ, напр. не въ причастіяхъ прош. страд. на *ен*, потому что *е* теперь твердо; хо*д*ю также новѣе формы хожу, какъ Вр. пеки, помоги новѣе формъ пеци, помози. д) Сущ. ж. р. употребляемыя только во мн. ч. жалощі, ласощі, любощі, пакощи, если предполагаютъ ед. ч. жалость и т. д. должны бы имѣть (по правилу 38, 3, б) на концѣ во мн. ч. *и*, не смягчающее предъидущихъ согласныхъ: жалости и т. д. Вѣроятно, нужно допустить имен. ед. жалоща (изъ стја). Во всякомъ случаѣ, форма, сколько мнѣ извѣстно, исключительно Мр., Вр. худощавъ предполагаетъ не худощи, а худость, въ которомъ *ст* измѣняется въ *щ* силою ёты въ суф. явый; такимъ образомъ Мр. білявий, чорнявий не изъ біль, чернь, или білій, чорній, а изъ бі*л*ий (ый) чорний, а Вр. моложавый—отъ молодъ. Сущ. на—щи встрѣчаются очень рано: лѣнощами—въ Поуч. Мономаха, ничить трава жалощами—въ Сл. о Полку Иг. е) Зубные звуки удерживаютъ мягкость передъ *ь* и всѣми мягкими гласными исключая *е*, *и*: гість, гостя, гостю, но гост*е*ві, гост*е*мъ, кост*и*; *ть* въ 3 л. наст. вр. ед. и мн. мягко на востокѣ (въ Укр. въ Черн. г.), но твердо на западѣ (въ Карпатскомъ, Галицкомъ, Подольскомъ гов. въ Гродненской г.): Вост. бачить, бачять, Зап. бачитъ, бачатъ. Въ Забл. говорѣ дзекаютъ по Бр.: дзядзько, дзень, недзѣля, дзиця, грудзи, бачыци, стуойце, вјецеръ, сцѣна; на Югѣ отъ этого говора въ

Гродн. г. дзеканье прекращается. ж) Въ Польскомъ довольно обыкновенно смягченіе зубной согласной въ j cjciec, ojca, skojec (изъ skotec, древняя монета, куна), staje (ср. р. изъ stadium; П. Берында: въ мили осмь стадій, стаіовъ, гоновъ), Grójec (изъ grodziec), ogrójec (ogrodziec), rajca, zdrajca, rajić (radzić), mołojec (изъ Мр. молодець). Въ вост. Мр. это очень рѣдко; збуйвікъ и збудьвікъ (старикъ, безъ пользы прожившій); напротивъ, *дь* выговаривается ясно: хлопці-молодьці, двадьцять, тридьцять; въ Галицкомъ мѣстами двайцять, трийцять; но нигдѣ не видно подобнаго измѣненія т. з) *т* мягкое изрѣдка въ к: Гал. кіло, кісто, кежко (тяжко), Забл. покемишъ (потямишъ, будешъ помнить).

2. г, к, х. а) Измѣненіе гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе въ склоненіи сущ.—согласно съ стариннымъ языкомъ: луже, казаче, дўше, у лузі, у байраці, на орісі; дат. и пр. ж. дорозі, руці, свасі. Им. мн. м. р. ворогй, вовкй, верх*и*, какъ предполагаемъ, не составляетъ исключенія, потому что произошелъ не изъ им. ворози и пр. а изъ винит. ворогы, вълкы, вьрхы. Въ Черн. г. появляется уже непосредственное смягченіе гортанныхъ, какъ въ Вр.: на річкі. б) Въ глаголахъ съ корнемъ на гортанную, безъ характерной гласной въ Галиц. согласно со стариннымъ языкомъ г+ти, к+ти=чи (изъ ш—ти, въ слѣдствіе перестановки, обратной той, которая въ Ст. Сл. жд, шт): волочи, печи, речи, течи, товчи, беречи, бічи, жечи, лечи, мочи, прячи, стричи. Эта форма предполагается Великорусскими—волочь, печь и проч. Въ Гал., не знаю, въ одной ли какой мѣстности, или изрѣдка повсемѣстно появляются неорганическія формы, въ которыхъ сверхъ *чи*, заключающаго въ себѣ коренную конечную согласную, появляется эта послѣдняя сырцемъ: стригчи, могчи (только г); такъ мѣстами и въ Вр.: выпрякчи, зберекчи. Въ Укр. коренная согласная не смягчается: товкти, бігти, тягти, лягти, стригти и т. д. что, вѣроятно стало возможнымъ лишь послѣ отвердѣнія конечнаго *и*. Однако замѣчательно, что и тамъ, гдѣ не было никогда смягченія, Укр. говоръ возвращается къ коренной со-

гласной: скуб-ти, греб-ти вм. Стар. скусти, грести. в) Въ Гал., какъ и въ Стар. языкѣ (и Вр.) сохраняется твердость гортанныхъ въ 1 л. ед. и 3 мн. наст. вр. тѣхъ же глаголовъ: пеку, берегу, пекутъ, берегутъ. Въ Укр. здѣсь появляется не условленное стариннымъ языкомъ смягченіе: печу, бережу, печуть, бережуть. г) Въ повел. накл. вм. *ц*, *з* передъ *и*, *ѣ*, появляются ч, ж: печи, бережи, печіть, бережить. Ср. Мр. чіплять, чапля, дражнить, шабля съ Вр. цѣплять, цапля, дразнить, сабля. д) Непосредственное смягченіе гортанныхъ въ сочетаніи съ *и* основнымъ есть въ Галицкомъ: кідати, кісіль, хітрий; въ Карпатскомъ здѣсь *ы*, требующее глубокогортаннаго произношенія гортанныхъ, а въ Укр. *и* среднее. Великорусское произношеніе *ногі*, рукі, и тѣмъ болѣе сай*кя*, чайкю, Украинцу крайне непріятно.

3. з, ц, с. а) Смягченіе з, с въ *ш* въ 1 л. гл. на ити—повсемѣстно (вожу, ношу) кромѣ восточн. Укр. гдѣ рядомъ съ этимъ—возю, носю, гасю, загасювати, гасіння, но правильно погашений, вожений (ср. 39, 1. г.) б) *з* неорганически смягчается въ грузький, низький, близький, слизький, но боязкий (можетъ быть потому, что предполагаетъ сл. боязнь и потеряло согласный звукъ передъ к), вьязка, низка и пр. в) *с* сохраняетъ мягкость въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ было мягко въ стар. языкѣ, исключая передъ *е*, и *и* основнымъ: Ивас*е*мъ, с*и*ній. Въ Карпат. (только у Лемковъ, или и въ другихъ мѣстахъ?) оно отвердѣваетъ въ наст. вр. глагола быть: робивъ єсъ, робила-съ, робилисме, робилисте; ср. Галиц.—єсь(—сь),—сьмо,—сьте. г) *ц* мягко въ Укр. тамъ-же гдѣ въ стар. Рус. яз., исключая передъ *е* и *и* основнымъ: купець, купця, купцю, сонця, криця, но цариця, циганъ (а не цяриця, ціганъ, какъ мѣстами въ Свр., ср. 26, а) купцемъ. Въ Карпат. оно отвердѣваетъ на концѣ: воробецъ, но не въ сочетаніяхъ—ця, цю, ці. Тоже мѣстами въ Галицкомъ; если насъ не обманываетъ правописаніе въ Рус. Днѣстр. 1837 г., то ц твердо тамъ покрайней мѣрѣ иногда и въ сочетаніи. Кажется, оно большею частью твердо въ Соси. у. Черн. съ *и*: на оленци, на тарелци, на намѣтци, въ травици. г. пешеници, яйца (но старця), и навѣрное постоянно

твердо въ Забл.: на рыечцы, матцы, цыелы, розбуойница, цицкою.

4. ж, ч, ш, щ. Шипящіе въ стар. Мр. какъ и въ стар. Вр. памятникахъ рѣшительно мягки и требуютъ послѣ себя мягкихъ гласныхъ *я*, *ю*, а не а, у, какъ въ Ст. Сл. (ср. 10, в). Такъ до сихъ поръ во многихъ случаяхъ въ Галиц. и Карпат. Въ первомъ на это указываетъ переходъ *я* въ є между прочимъ послѣ шипящихъ (зъ крещечого барвинку=зъ хрещатого, розшейнулисє и пр.); во-втором̆ъ осталось жяль, чясъ, наш*я*, шяновати, щястья, хчю (хочу), чюджий (но ч*о*рний, чуджий ходжу, раджу, какъ и въ Галиц.). Въ Украинск. шипящіе уже соединяются съ а, у и среднимъ *и* (хожу, хочу, паша, шило, щитати), и только въ 3 л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ на ѣ-ти (а-ти послѣ шип.),—и-ши и на и-ти требуютъ *я*: держять, вершять, пищять. Въ этомъ случаѣ и въ глаголахъ съ корнями на другіе согласные замѣтно сильное, безъ сомнѣнія позднѣйшее смягченіе. Въ судять, хотять, носять, возять, говорятъ—слоги дя, тя, ся, зя, ря произносятся гораздо нёбнѣе (такъ что значительная часть языка прилегаетъ къ нёбу), чѣмъ въ Вр. Въ глаголахъ съ корнемъ на губную упомянутая нёбность видна и на письмѣ, потому что j послѣ губной здѣсь переходитъ въ л: гублять, люблять, терплять, сплять, ловлять, шумлять (Ст. Сл. губѧть и пр. Вр. губятъ); однако въ Галиц. и Карпат. не только спьятъ, но и, отклоняясь отъ восточно-славянскаго правила, спью вм. Укр. Вр. и пр. сплю.—Въ Заблудовскомъ шипящіе рѣшительно тверды: чужыє, на печыé, шыесць, найбуольшы, нишы.

5. б, п, в, м. Вышеприведенный фактъ характеризуетъ свойство губныхъ въ Укр. Между тѣмъ какъ остальные согласные образуютъ тѣснѣйшія сочетанія съ j и смягчаются непосредственно, губные смягчаются посредственно, или, вѣрнѣе сказать, вовсе не смягчаются, потому что мягкое *л* изъ j въ сочетаніяхъ бля и пр. не имѣетъ вліянія на предъидущій губной звукъ. Подобное этому замѣчается и въ другихъ случаяхъ. Конечное ь послѣ губныхъ теряется: голубь (по аналогіи съ именительнымъ и

все склоненіе этого слова становится твердымъ: голуба, голубу, голубомъ), кровъ, любовъ, сімъ. Основныя русскія сочетанія бя, пя, вя измѣняются въ бъя, пъя, въя (Латинскими буквами: bja, pja, wja, въ отличіе отъ bja, pja, wja), т. е. связь между губнымъ звукомъ и слѣдующею мягкою гласною разрывается: голу́бъята, пъята̀, пъятый, въятый. Въ сочетаніяхъ *б*, *п*, *в* съ основнымъ Русскимъ *ье*, *ья*, *ью*, *ьи* эти послѣднія группы измѣняются въ ъе(ъя) и пр. бъю, безхлибъя, пъю, пъяний, въю, здоровъя (мѣстами—здоровля). Разница въ произношеніи *ь* въ Вр. безхлѣбье и Мр. безхлібъя, можетъ быть, не бросается въ глаза, но она есть. *м* въ соединеніи съ *я*, *ье*, *ья*, *ью* частью слѣдуетъ тому же пути (румъяний, мъясо, мъята), частью образуетъ сочетанія мня и пр. румняний, мнясо, мнякий, мнята, поломня, имня, сімня, племня. Изъ всего предшествующаго видно, что появленіе здѣсь *н* условлено свойствомъ предъидущей согласной *м*, а не слѣдующей гласной. Поэтому ошибочно предположеніе, что *н* въ мнясо и т. п. произошло изъ носоваго звука въ мѧсо. Во-первыхъ, это *н* вовсе не необходимо предполагаетъ носовую гласную, какъ видно изъ румняний. Во-вторыхъ, j очень удобно могло перейти въ *н* мягкое, что видно не только изъ сродства *н* съ *л* изъ j и съ *л* основнымъ (Черн. ламніте вм. ламліте, гнянь вм. глянь), но и изъ непосредственнаго перехода j въ н въ уленъ, ульня, ульні (улей, улья, ульи; въ повінь вм. повій *н* можетъ быть основное: повійни). Въ-третьихъ, для того, чтобы возможенъ былъ переходъ юса въ мѧсо въ н (мнясо), нужно, чтобы эта послѣдняя форма по времени примыкала къ первой, чтобы между ними не было перерыва. Предположивши противное, мы впадемъ въ мисцицизмъ: носовые гласные передъ согласными въ Русскомъ языкѣ замѣнились чистыми у, я, безъ всякаго слѣда носоваго звука, и вдругъ въ памяти народной чудеснымъ образомъ всплываетъ на верхъ ихъ носовое происхожденіе! Говоря, что *о* въ вовкъ потому не измѣнилось въ у или *і*, что оно произошло изъ *ъ*, мы утверждаемъ, что это происхожденіе оставило слѣды, именно краткость звука *о*, недопустившую его измѣ—

ненія въ двоегласную; мы утверждаемъ непосредственное преемство этой старинной краткости и теперешняго произношёнія *о* за *о*; Но нельзя думать, что произнотеніе—мнясо—прямо родилось изъ мѧсо минуя общерусскую форму, потому что это значило бы умышленно искать болѣе труднаго объясненія, упуская изъ виду болѣе легкое.—Въ Галицкомъ мня (мѧ=мя) памъять произносятся какъ мьє, памьєть, въ Карпат.—какъ мя, памятъ.

6. л, н, р. а) О смягченіи *л*, *н* Миклошичъ замѣчаетъ, что оно идетъ въ Мр. дальше, чѣмъ въ Ст. Сл. потому что въ Мр. эти звуки смягчаются не тольво въ кінь, король (Ст. Сл. краль, конь), но и въ купіль, день, осінь и т. д. гдѣ въ Ст. Сл. л, н не смягчаются. Сравнительно съ Вр. и вѣроятно древнимъ общерусскимъ это не составляетъ особенности. Характеристичнѣе то, что ль, нь въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ согласными отвердѣваютъ, по крайней мѣрѣ, въ Укр.: волний (вілний), більшій, калпо, кулша, стілко (обыкн. стілько) пилненько, фалшъ, менший, инший (ср. Пол. iński). Такое отвердѣніе л гораздо болѣе развито въ Серб. каоно, диоба, сеоба, сеоски (въ Мр. дільба). б) *нь* въ именахъ на онький, онько, енько, онька, енька въ Карпат. и нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиц. смягчается въ j: білейкий, голубойко, матинойка, дитинойка, ручейками. в) Въ Укр. *рь* на концѣ обыкновенно мягко: царь, титарь (хотя у Квит. псалтиръ, манастиръ, маляръ); въ срединѣ передъ *а*, *и* смягчается твердое р: воронъ кряче, дощь накряпає (и накрапає), дряпь, дряпиця (драпь кровельная), дряпать, рятувать, гряниця, грядъ, трямкй, букрякъ, ряма, дрюкъ (Поль· drąg), до парі (вм. до пари), шароварі, горіще. Согласно съ этимъ, и въ именахъ на *ье*=Мр. *ья*, *ь* можетъ смягчать предъидущее р: безвітря, примирья, пірья. Такое произношеніе р противоположно той его посредственной смягчаемости, какая въ Поль. Чеш. (rz, ř). Говоря порусски полякъ обыкновенно произноситъ царъ, цар*а* и т. д. Въ Карпатскомъ мягкое р остается мягкимъ, какъ и въ Укр.: царь, царя, курьята, рьябый, рьясний, трьясу (или объ этихъ случаяхъ слѣдуетъ сказать тоже, что о сочетаніи *бья* и тому подоб. въ

Укр.?); въ Галицк. курьета, рьебий, рьесний, трьесу; въ Галицкомъ же *р* во многихъ случаяхъ отвердѣваетъ: зора, вару, радити, господара. Въ Забл. *р* рѣшительно твердо, какъ въ Бр. Вообще по ту сторону Днѣпра, если и есть гдѣ р мягкое, то рѣдко. Начало отвердѣнія *р* не позже XV в.

7. Удвоеніе. Въ дополненіе къ сказанному о смягченіи согласныхъ, приводимъ особенный видъ смягченія, удвоеніе, свойственное чуть ли не одному Украин. говору и нѣкоторымъ Бр. изъ всѣхъ Слав. нарѣчій. Удвояются согласные д, т, з, с, ж, ч, л, н, р, j передъ основнымъ окончаніемъ *ье*, рѣже передъ ья, ью, ьи: угiддя, безвiддя, безлюддя, суддя (но попадя), життя, завзяття, волоття, золоття, братти, смiття, водосвяття, покуття (и покутя), безпуття (но кутя, щастя, безчестя), волосся, колосся, гряззю, княззя, збiжжа, замiжжя, пiддруже, руджо (изъ Бр. ружьё), стрюччя, клоччя, пiччю, заполоччю (*щ* врядъ ли удвояется: у затишу, однако пiддашша), похмiлля, зiлля, весiлля, водопiлля, Илля, насiння, корiння, оболоння, ймення; возможно, хотя рѣдко, удвоеніе р и j: пiдгiрря (но безвiтря, пiрья), вiйя (Серб. оје, дышло). Губные, какъ мы выше видѣли, не удвояются, потому что не могутъ входить въ тѣсныя сочетанія съ ётою. Время появленія удвоенія не позже XV в; въ концѣ этого вѣка въ западнорусской грамотѣ находимъ Иллиничы. Измѣненіе конечнаго *е* въ *я* уже господствуетъ въ XVII в.; у Пам. Берынды почти постоянно: з' листямъ, побытя, смитя́, заплу́тя (заулокъ), поворо́зя, пу́чя (вершки древяныи), мешканячко, поколѣня, на́чиня, држаня, зъ надворя, пѣря, пѣрямъ (тв. ед), повѣтря. Въ Галицкомъ удвоенія нѣтъ: камiне, зiле, насiне.

Удвоеніе такого же происхожденія (согл. +j+глас.) есть очень обыкновенное явленіе въ др. Греческомъ, Романскихъ, Германскихъ. Гриммъ (Gr. I, 122), сказавши что въ Др. и сред. Нѣмецкомъ оно можетъ быть только въ серединѣ слова, а не на концѣ (spinnan, wërran, но прош. span, war), замѣчаетъ, что удвоеніе въ неопр. накл. (spinnan) такъ относится къ простой гласной въ прошедшемъ (span), какъ звучныя b, d въ неопредѣлен-

номъ накл. (ğëben) къ отзвучной въ прош. (gap). Отсюда видно, что удвоеніе плавныхъ соотвѣтствуетъ количественному ослабленію другихъ согласныхъ (см. 11). Вообще и удвоеніе, и ётацизмъ (т. е. явленія, происходящія отъ соединенія согл. съ j)—виды количественнаго ослабленія гласныхъ. Нарѣчія, говоритъ далѣе Гриммъ, предпочитающія согласные звучные (т. е. количественно слабѣйшіе), любятъ удвоеніе. Это примѣняется и къ Мр. нарѣчію: Укр. удвоеніе находится въ связи со свойственнымъ этому говору стремленіемъ удерживать на концѣ звучные согласные; отсутствіе удвоенія въ Галицкомъ гармонируетъ съ Галицкимъ же измѣненіемъ конечныхъ звучныхъ въ отзвучныя.

40. Количественныя измѣненія согласныхъ.

1. Какъ только что упомянуто, въ Укр. правило, что звучные на концѣ измѣняются въ отзвучные, не имѣетъ силы, такъ что конечные согласные въ словахъ порогъ, рідъ, візъ, ніжъ, хлібъ, здоровъ произносятся такъ, какъ пишутся, а не по-Галицки или Великорусски съ х, т, с, ш, п, ф на концѣ. Правило, что внутри слова звучная согл. передъ отзвучною произносится какъ отзвучная, подвержено тоже сильнымъ ограниченіямъ. Не говоря уже о *в*, которое передъ согласною, будетъ ли она звучная или отзвучная, произносится какъ *у* не составляющее слога, или, въ началѣ слова, какъ *у* составляющее слогъ, всѣ остальныя звучныя могутъ въ этихъ случаяхъ оставаться неизмѣнными: тягти, легко, стидкий, підъ столомъ, розказувати, розходивсь, везти, слизький, ніжки, а не тяхти, ститкий и пр. Въ Галицкомъ говорятъ не только—лехко, вести (везти), блискій, лошка, но, что странно, фторий, фпасти, фъ хлібі. Въ Укр., какъ и въ другихъ говорахъ, отзвучная передъ звучною измѣняется въ звучную.

2. а) Вообще всему Мр. нарѣчію свойственно ослабленіе г=Лат. g въ г=h. Для выраженія Польскаго или Латинскаго g, не позже какъ съ начала XV в. и до сего времени употребляется сочетаніе *кг*: Жикгимонтъ, кгрунтъ, кганокъ, Санкгушко, кгротовъ древцовыхъ, на враде кгродскомъ и т. п.; въ теперешнемъ языкѣ: кгнітъ, кганокъ. кгонта, кгуля, дзикга, кгудзь, кгирлига (пишутъ gнітъ и проч.).

Правописаніе *кг* вмѣсто Лат. g не идетъ къ теперешнему произношенію, но оно, быть можетъ, указываетъ на то, что һ изъ основнаго г (=Лат. g) образовалось путемъ аспираціи гһ, въ которой съ теченіемъ времени первый звукъ былъ ассимилированъ вторымъ. Такъ въ Скр. не только һану, челюсть, изъ гһану, но һан, бить, изъ дһан, һр, һар, брать, изъ бһар.—Въ Укр. *г* въ началѣ слова передъ *о* изрѣдка опускается: орохъ, орлиця. Такъ уже въ надписи на чарѣ Владиміра Давыдовича Черниговскаго, 1151 г.: осподаря. Другіе случаи опущенія г: пробі, далебі, помагайбі (т. е. бігъ), иноді, тоді (иногдѣ, тъгдѣ), де (къдѣ) и сложные съ нимъ. Измѣненіе *г* въ һ началось, конечно, за долго до этого опущенія. б) Въ Галицкомъ, именно около Перемышля, есть неслыханное въ Укр. ослабленіе основнаго *к* послѣ согласной въ г=Лат. g: лижга, мизга, трізга вм. лижка, миска, тріска.

3. Измѣненіе *л* въ *в* или ў не во всѣхъ случаяхъ одинаково древне. Найболѣе древне въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ оно имѣетъ мѣсто въ Укр., именно: а) въ Русскихъ сочетаніяхъ *ъл*, *ья* (Ст. Сл. лъ, *ьл*) между двумя согласными и даже, въ двухъ словахъ, передъ бѣглою неорганическою гласною: вовкъ, товкъ, жовчъ, мовчати, товкти, довгий и пр., човен (род. човна), повенъ (ж. повна). Гдѣ Русскій языкъ не перестановляетъ звуковъ *лъ* и гдѣ, значитъ, *л* приходится передъ постоянною гласною изъ *ъ*, тамъ, само собою, въ Мр. *л* не измѣнятся: блоха, яблуко (блъха, яблъко). Остается *л* въ словахъ произносимыхъ по-книжному: полкъ, полковникъ, толкъ. б) На концѣ въ причастіяхъ на *лъ*: сівъ, павъ, ишовъ (но сіла, пала, ишла и проч.).

л не измѣняется: на концѣ въ именахъ на *лъ*, *ла*, *ло*: вілъ, ділъ, стілъ, орелъ, сокілъ, білъ камень, смутенъ—невеселъ, скалъ, стрілъ, Сулъ (отъ скала, стріла, Сула), веселъ, помелъ (отъ весло, помело); въ сущ. пілъ, полу—*л* остается по правилу, но измѣняется въ пів*т*ора, півкопи и т. п. Въ серединѣ *л* остается передъ согласными въ именахъ на—ка, окъ, кий: балка, валка, галка, стрілка, кілка́ (отъ кілокъ), валкий, жалко, и тамъ, гдѣ *л* изъ ль: скілко, волний и пр. Совсѣмъ не видно, почему *л* на концѣ не

измѣняется въ словѣ пилъ (пыль), но измѣняется въ причастіи *пив*ъ. Если въ первомъ случаѣ удерживается на концѣ, совершенно впрочемъ незамѣтный, остатокъ глухаго звука, то отчего же онъ не удерживается въ причастіи? Какъ бы ни было, потеря конечнаго глухаго звука есть непремѣнное условіе измѣненія *л* въ причастіи на *лв*. На этомъ основаніи можно отнести начало этого явленія къ XIII—XIV в. Не можемъ рѣшить, возможно ли было измѣненіе *л* въ *в* внутри словъ при существованіи глухаго звука (напр. въ словѣ вълкъ), или нѣтъ. Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ было уже *в* въ половинѣ XVI в.: стовъпи.

Какъ въ Укр. такъ и въ Заблудовскомъ: знаў, бачыў, стоўпъ, воўна, жоуты, но пщуолъ и т. п.

Въ Галицкомъ *л* измѣняется во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно стоитъ на концѣ, или передъ согласною (передъ гласною бѣглою, даже если она станетъ постоянною): не только вовкъ, жовтый, бивъ, но ківъ, дівъ (кілъ, ділъ) ківки (кілки), сопівка, горівка, горівочка. Подобное явленіе есть и въ Серб., но сходство не полное. Серб. *лв* между двумя согласными=у (вукъ=влъкъ), а *л* на концѣ или передъ согласною, будетъ ли оно первоначально твердое, или происходящее изъ *ль*=о, которое, для размѣра, можетъ протягиваться и составлять слогъ (въ Мр. никогда): во (волъ), зао (зълъ), дошао (дошьлъ), сеоба (сельба). Такое же далеко не полное сходство и съ Хорутанскимъ (Mikl. I, 250).

Ослабленіе *л* передъ согласными дошло до совершеннаго выпаденія въ словахъ: сонце, мовити, вогкий, зовиця (изъ солнце и проч).

4. а) *в* передъ согласными внутри слова во многихъ говорахъ произносится какъ *у* не образующее слога. Такъ и въ Заблудовскомъ: быушы, сказаушы, неупы, прауда. Кажется, повсемѣстно *в* передъ согласною въ началѣ слова можетъ ослабляться въ *у* составляющее слогъ (усе, узяти, у дворі). Это измѣненіе совершенно обыкновенно въ Западно-Русскихъ и Южно-Русскихъ памятникахъ, начиная съ XIV в. (усемъ=всѣмъ 1387; кто на сесь листъ оузрить=възрить 1398); встрѣчается и раньше въ XII, даже въ XI в. Въ XVI встрѣчается уже и

другое сродное съ этимъ измѣненіе, именно начальнаго *в* передъ гласною въ *ув*: у ув' опеку (sic); ср. увесь, увійти, увірвать (вм. ворвать изъ урвать).

б) *в* опускается въ началѣ: здумать, згадать, зглянe, зрадуется, зъiжджае на двіръ (въз . . .); въ серединѣ: плахта черчата (червчата) відъ самого черцю (червецъ, род. черцю), мерця (мертвецъ).

5. Въ двухъ-трехъ случаяхъ *ч* передъ согласною ослабляется въ *ш*. Такъ въ *що*. Мы видѣли (11, г; 25, г. стр. 87)что эта форма вовсе не исключительно Малорусская; она встрѣчается, хотя и не повсемѣстно, и въ Ювр. и въ Свр. Она не повсемѣстна и въ Мр. Предполагаемая ею форма што (изъ чьто), которая появляется въ письменности не позже XIУ в., сохранилась до сихъ поръ въ въ Забл. Карпатскомъ (въ послѣднемъ ништо рядомъ съ ничь, ничо). Можетъ ослабляться *ч* передъ *н* суффикса: вішний, смашний, сердешний, рушникъ, (но вѣрно и статечний, вічний и проч.); передъ ч: Німешчина, Турешчина и т. п. (изъ Німеччина). Иногда *чс* не только сливается въ ц (козацький), но и ослабляется въ *с*: парубоство.

6. д, т. а) *д* опускается, кромѣ обще-русскихъ случаевъ (вянуть и т. п. мліти, млосно т. е. мдлостно), еще въ полуниці (клубника, ср. Волог. полу́дениця, ягода) и можетъ быть въ суниці (земляника), если это слово изъ су-дниці и если неумѣстно сближеніе съ Скр. çôн, ruberе, çôна, coccineus. Въ Карпат. бешъ, бе изъ будешъ, буде. б) т ослабляется въ *д* въ предлогахъ відъ, одъ (вівъ тебе, одъ тоі хати). *ть* можетъ опускаться въ 3 л. ед. наст. вр.: бере, знае, любе, ходе (изъ любить, ходить). Въ глаголахъ на —*ешь* это опущеніе встрѣчается въ несомнѣнно Ю.-русскихъ памятникахъ уже въ началѣ XV в.: буде въ грамотѣ 1424. Ни что не мѣшаетъ считать это явленіе гораздо болѣе древнимъ (ср. въ Свр. 25 и. стр. 89). Въ Галиц. говорѣ по Пруту *тв* можетъ опускаться не только въ 3 л. ед. не измѣняя предъидущаго *и* въ *е* (ход*и*), но и въ 3 л. мн.: спя, ходя, нося, какъ въ Словенскомъ. Изрѣдка *ть* опускается и въ другихъ случаяхъ: замісь (замість), но это явленіе совершенно незамѣтно сравнительно съ подобнымъ въ Свр. (26, ж. стр. 88).

7. з, с. а) Въ словѣ дзвінъ, если оно не взято съ Поль. dzvon, дз есть усиленіе основнаго восточно-Славянскаго *з*. Это предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ другое, что дз здѣсь непосредственно изъ основнаго dh (Скр. кор. дhван). Въ Галицкомъ говорѣ мѣстами дз и въ словахъ дзерно, дзелений (Укр зерно, зелений) и даже *ц* вм. *с* въ цело (село). б) *с* ослабляется въ *з* въ предлогѣ *зъ*, *изъ* вм. *сь* не только передъ звучными, но и передъ отзвучными: звъязати, зверху, зложити, зробити (такъ уже въ XV—XVI в.) изъ кумою, зъ поля, зподобатись (и сподобатись), однако сказати, а не зказати.

41. Придыханія. а) *в* въ Укр. необходимо приставляется къ начальному *о*, если это послѣднее измѣняется въ *і*: вічи, вівса, вірла (чаще орла) вівця, вітчимъ, вісь, вільха, но око, овесъ, орелъ, овець, отець, оси (род. ед.)—безъ придыханія; однако не только вінъ, но и постоянно вона, воні́. Въ Галицкомъ *в* приставляется и тамъ, гдѣ его нѣтъ въ Укр.: воко, вовесъ, ворелъ, вотецъ, ворати, восика. *в* передъ *у*—ad libitum: вухо, вулиця, вугілля, вутка и ухо, улиця и т. д. б) *г* въ Укр. въ гострий, горіхъ, иногда въ горлиця (орлица), но формъ: горати, госока, госика на востокѣ не слышно. Въ словѣ горобець *г* не есть придыханіе, а произошло изъ *в*, какъ и въ словахъ застигать, одягать (откуда неорганическія формы стиґнуть, одягти)—изъ застывать, одѣвать. *г* передъ *а* въ Ганна, гармата. Галицкій говоръ избѣгаетъ придыханія *г*, замѣняя его черезъ *в*: вострий, ворíхъ; согласно съ этимъ здѣсь удерживается *в* и въ воробецъ. в) j обыкновенно не пишется, но произносится передъ начальнымъ острымъ *і*, а равно и передъ *е*, которое въ началѣ всегда мягко. Передъ другими гласными въ Укр.: янголъ, юшка и весьма часто по произволу послѣ словъ кончащихся на гласную: на юлицю и т. п. Въ Галицкомъ: Ядамъ, Яндрій, Янтинъ. Карпатскій говоръ ставитъ j тамъ, гдѣ другіе говоры или вовсе не имѣютъ придыханія, или имѣютъ в, г: йострий, йовесъ, йорати, йосика.

г) Эвфоническое *н* въ косвенныхъ падежахъ мѣст. онъ въ Укр. можетъ опускаться: въ ёго, до ёго,

противъ его, на ёму и на імъ (Метл. 412) зъ імъ (и зъ нимъ), въ іі, за іі; (но и зъ неі, у неі), къ ій, къ ёй (Черн.) за єю (и за нею), въ ій, изъ іми (и изъ ними), въ іхъ (и въ нихъ). Въ Галицкомъ—въ него, до него, на німъ, въ Карп. въ него, до него. Въ Укр. это *и* изрѣдка стоитъ и не послѣ предлога: навтішалась нимú. д) Эвфоническое *л* изъ j въ ледве (ср. едва) и въ частицѣ лемъ (въ знач. лишъ), отъ употребленія коей получили прозваніе Лемки. Съ этимъ лемъ ср. Заблудов. лень (што-лень=что-нибудь, дзѣлень=гдѣ-нибудь), въ коемъ смягченіе *н* можетъ быть неорганическое, є изъ и (какъ въ Поль, jeno вм. ino), *л* изъ j, такъ что основная форма есть *ино*, которое въ Поль. (jeno) и въ Чеш. (jen) значитъ тоже лишь.

Въ предъидущіе параграфы не вошло нѣсколько мелкихъ звуковыхъ явленій.

а) Нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ взаимнаго перехода губныхъ: Укр. поломня и рѣже полобня, Галиц. половинь вм. поломінь, Галиц. ківната вм. кімната, Галиц. Укр. цвинтарь вм. цминтарь, Гал. рімняти, рімний вм. рівний, общее мандровати, Польское wędrować, Нѣмецкое wandern.

Укр. не терпитъ звука *ф*; гортанный характеръ этого говора особенно ясенъ, если сравнить его съ нѣкоторыми Свр. напр. Ситскимъ (26, а. в). Согласно съ этимъ въ Укр. иноземное *ф* замѣняется черезъ хв или п (Хведіръ, пляшка). Однако на западѣ, въ Галицкомъ, гдѣ звучные чаще замѣняются отзвучными, находимъ и *ф* вм. хв: фістъ, фатити, фалити, фасоля, форостъ.

б) Мѣна *к* и *ч*, *г* и *з*, *х* и *с* независимая отъ смягченія, по крайней мѣрѣ повидимому: рѣдко керезъ вм. черезъ, кароватп вмѣсто чаровати, на глахъ лободахъ и на злахъ лободахъ, Галиц. чогнути и чезнути, общее жахъ (ср. ужасъ), колихати и колиска, прохати и просити, нелехатий (Ст. Сл. пелесъ, пестрый).

в) Мѣна л и р: срібло, лицарь, лимарь, сколоздрий.

г) *ц* вм. *ч* въ двухъ-трехъ словахъ: въ Галицкомъ *ци*, Забл. цы вм. *чи*, Галиц. *ц*итати вм. читати (т. е. загадывать чи чітъ чи лишка: «двома орішки да цитаючи,» «вицитаў коня.»

42. Изъ сказаннаго попытаемся вывести нѣсколько заключеній о ходѣ раздѣленія Русскаго языка.

Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности Русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя теперешнія Русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ Славянскихъ. Главнѣйшіе звуковые особенности этого языка по отношенію къ Ст. Сл. слѣдующія: *о* вм. *є* въ началѣ словъ (одинъ вм. єдинъ); у вм. *ѫ* передъ согласными и на концѣ; *я* (за исключеніемъ не многихъ случаевъ) вм. *ѧ* при тѣхъ же условіяхъ; *ъ*, *ь* передъ плавными въ большинствѣ случаевъ (търгъ, вългъ, смьрть вм. тръгъ и проч.); близость этихъ глухихъ звуковъ къ *о*, *е*; полногласіе; большая мягкость шипящихъ и *ц*, которые соединяются съ *я*, *ю*, а не съ а, у, какъ въ Ст. Сл.; *дж* вм. Ст. Сл. жд (см. 39, б), *ч* вм. шт.

Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII в. потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Вр. нарѣчія на Свр. и Ювр., и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе Мр., которое болѣе отличается отъ каждаго изъ Великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга. Г. Срезневскому приписываютъ мнѣніе о безразличіи Русскаго языка до XIV в. но это не совсѣмъ справедливо. Въ его словахъ не видимъ существеннаго противорѣчія мнѣнію принятому нами. Въ предисловіи къ запискѣ Погодина «О древнемъ языкѣ Русскомъ» (Изв. II. Отд. Им. Ак. Н. 1856, 68) онъ говоритъ: «XIII—XIV вѣкъ былъ и для Русскаго языка (какъ и для другихъ Славянскихъ) временемъ рѣшительнаго перехода къ иному строю, выказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV—XVI вѣкѣ. Это время—XIII-XIV вѣкъ—было и временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, Великорусскаго и Малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. Нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень рано (напр. употребленіе *ч* вм. *ц* и *ц* вм. *ч*: ручѣ, цинъ; смѣшеніе *у* и *в*: вдобь, успять), но только гово-

ровъ, а не нарѣчій.» Очевидно, авторъ не думаетъ отрицать, что, такъ какъ до XIV в. были уже говоры, то единства Русскаго языка уже не существовало. Если изъ Общерусскаго языка выдѣлилось чѣмъ-нибудь нарѣчіе Вр., то остальная часть Русскаго языка, имѣла-ли она какіе новые признаки или нѣтъ, была уже не общимъ Русскимъ языкомъ, а однимъ изъ его нарѣчій или говоровъ. Никто до сихъ поръ точно не опредѣлилъ и никогда не опредѣлитъ разницы между нарѣчіемъ и говоромъ. Каждый имѣетъ полное право думать, что рѣчь, имѣющая 5, 10 и т. д. отличій отъ другой, принятой за мѣрку, есть говоръ, но съ появленіемъ шестаго, одинадцатаго и т. д. признака она становится нарѣчіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, даже говоря a priori, что въ теченіе XIII—XIV в. появился не одинъ новый признакъ въ Русскихъ говорахъ, а потому въ выраженіи г. Срезневскаго, что до XIII—XIV в. были говоры, а не было нарѣчій, можно замѣтить неопредѣленность, но осязаемой ошибки нѣтъ. Можно, пожалуй, спросить: точно ли XIII—XIV столѣтіе произвели больше измѣненій въ языкѣ, чѣмъ XIV—XV, XV—XVI и т. д. Это вопросъ спорный.

Признаки, предполагаемые всѣми Мр. говорами, принимаемъ за древнѣйшіе, если нѣтъ положительныхъ указаній на противное. Ими прежде всего отдѣлилось Мр. нарѣчіе отъ Общерусскаго языка. Такихъ признаковъ немного. Самый крупный изъ нихъ есть чуждое предполагаемому Общерусскому языку и Великорусскому нарѣчію количественное различеніе гласныхъ *о* и *е* въ слогахъ среднихъ и прямыхъ. Такое различеніе могло существовать задолго до того времени, когда оно выразилось въ качественномъ различіи *о*, *е* долгихъ отъ о, е короткихъ, а такое качественное различеніе появляется въ письменности не позже конца XIV в. Не можемъ рѣшить навѣрное, какое именно качественное измѣненіе звука ô предполагается всѣми Мр. говорами; но вполнѣ вѣроятно, что это была двоегласная. Долгое *е* повсемѣстно измѣнилось въ *іе* или *є*, что легко могло и не обозначаться на письмѣ; короткое *е* осталось (сѐмъ се-ми). Общемалорус-

скою замѣною древняго *ѣ* не можетъ быть ни *і*, ни јі, ни је; всѣ эти формы предполагаютъ *е*, по произношенію отличное отъ основного *е*. Эта черта не характеристична по отношенію къ Общерусскому языку, но она отличаетъ Мр. нарѣчіе отъ обоихъ главныхъ Вр. говоровъ, которые, вѣроятно, задолго до XIII в. стали смѣшивать ѣ, е и є. Общемалорусскій переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, которые опредѣлить трудно, переходъ независимый отъ ударенія, удаляя Мр. нарѣчіе отъ древняго языка, въ то же время отличаетъ его отъ Ю.-Вр. говора; съ Сврусскимъ могло быть въ этомъ отношеніи нѣкоторое, неполное сходство. Изъ измѣненій согласныхъ кажется найболѣе древнимъ һ изъ г; затѣмъ слѣдуетъ смѣшеніе *у* и *в*, измѣненіе *л* въ *в* и возможность опускать *ть* въ 3 л. ед. ч. наст. вр.

Предполагаемое Общевеликорусское нарѣчіе, быть можетъ, уже въ X ст. или раньше выдѣлилось отъ древняго языка мягкимъ произношеніемъ звуковъ ѣ и е, непосредственнымъ смягченіемъ согласныхъ предшествующихъ этимъ гласнымъ, и ослабленіемъ дж (изъ dj) въ ж.

Посредственное смягченіе гортанныхъ въ з, ц, с оставалось долгое время и послѣ того, какъ обозначилось различіе между Свр. и Ювр., потомъ оно совершенно исчезло въ первомъ, отчасти—во второмъ, но почти вполнѣ удержалось въ Мр.

Затѣмъ до начала XIII в. Свр. выдѣлилось болѣе явственнымъ, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ произношеніемъ глухихъ звуковъ на концѣ (потомъ отчасти перешедшихъ въ чистые), особеннымъ до сихъ поръ неяснымъ направленіемъ измѣненія звука *е* въ ё, о, не менѣе неяснымъ стремленіемъ измѣнять *ѣ* въ *и* не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удержаніемъ мягкости звуковъ *ч* и *ц* и ихъ смѣшеніемъ.

Ювр. отдѣлились отъ Свр., такъ сказать, господствомъ слоговъ ударяемыхъ надъ неударяемыми, которое съ теченіемъ времени (въ XIV—XV в.) повлекло за собою явленія, разсмотрѣнныя въ § 6—9.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Образцы менѣе извѣстныхъ Малорусскихъ говоровъ.

1. Говоръ Заблудовскій (Этн. Сб. III. Замѣтки о западной части Гродненской губерніи). Границы этого говора въ упомянутой статьѣ опредѣлены такимъ образомъ: на Западѣ онъ примыкаетъ къ Мазовецкому, граница коего, захватывая западную часть Гродненской губерніи, идетъ съ Юга на Сѣверъ отъ Дрогичина мимо Цѣхановца, Бранска, Суража, Хорощи, Кнышина, Суховоли, до мѣстечекъ Линска и Домбровы. На Югѣ онъ сосѣдитъ съ особымъ оттѣнкомъ Русскаго (т. е. Мр.) языка, который у здѣшнихъ жителей называется корольоўскимъ. Послѣднимъ говорятъ около мѣстечка Нарева (на Наревѣ) и дальше на Югъ подь Бѣльскъ и между прочимъ отличается отъ Заблудовскаго отсутствіемъ дзеканья: поойд*е* (е=э), поѣде, буде, а не пуо́йдзе, поѣдзе, какъ въ Забл. Оттого сосѣди и прозываютъ одни другихъ дэкалами и дзекалами. На Востокѣ и Сѣверовостокѣ Забл. говоръ граничитъ съ Бѣлорусскимъ, который у здѣшнихъ жителей (какъ и у Украинцевъ) называется Литовскимъ. Замѣтимъ, что сами Заблудовцы не относятъ себя къ Бѣлой Руси. Литовскимъ (т. е. Бр.) говорятъ уже около Свислочи (у верховьевъ р. Свислочи, впадающей въ Нѣманъ), Крынокъ, Яловки (между верховьемъ Свислочи и р. Супраслемъ) и мѣстечка Гродка. Смѣшнымъ въ немъ кажется для здѣшняго жителя: идуць, ѣдуць, знаюць вм. идутъ, ѣдутъ, знаютъ (*тъ* здѣсь Западно-Мр. признакъ), а также *а* вм. *о* (н*а*шоу, гаварнў, маи, сваи, чаго), уонъ (?) яна́, яго вм. вуонъ, вона, ёго.

Границы Забл. говора совпадаютъ съ границами Заблудовскаго православнаго и католическаго приходовъ; онъ находится между р. Супраслемъ и Наревомъ.

Образцы языка записаны хорошо. Правописаніе удерживаемъ вполнѣ, за исключеніемъ *ѣ*, которое записыватель ставитъ не только на своемъ мѣстѣ, но и вмѣсто є, и за исключеніе Лат. h, которое здѣсь ненужно, потому что *г* произносится какъ h. j*ѣ*, о которомъ было говорено подъ 35, б, оставляемъ.

Показуютъ старые людзи, што па туомъ мjѣсцу, дзjѣ цеперъ Заблудуовье, были колись великіе лѣсы. То-жъ лони, бодай, чи позалони N выкопа*у* въ болоци березовы пень. На jуомъ ще й незоусимъ кора згнила. То зно*у* N. того-жъ, бодай, року выцягну*у* у туомъ-же мjѣсцу зъ болота велизны сосновы верхъ, такъ што ледзва парукуоньми привьюозъ до дому. Або зно*у* недалеко одъ Ш. за версту также мижи болотами лятось ([1]) выцягну*у* N. зъ воды велизного дуба. Муоцны ([2]) Боже! хтобъ муогъ сподзиваційсе, што у гетыхъ мjѣсцахъ, дзjѣ цеперъ такіе болота и топелицы были колись-цика вельки ([3]) лѣсы.

Гля! то-жъ ще бацько чи дзjѣдъ старого N. кjему*у*, якъ у гетомъ мjѣсцу выводзилисе недзьвѣдзи. Показова*у*, што дзjѣсь за городами, коло могилокъ у туомъ мjѣсцу, дзjѣ цеперъ ще стоитъ шыесьць, чи сjемъ сосjонъ (хвоjокъ), недзьвѣдзица вывела дзѣцей.

Або-жъ зно*у* у лjѣси К. ще й цеперъ є одна сосна што зовеце недзьвѣджою. Хоць уже й зацягнуло оболонею, але ще таки й цеперъ знаць, што до половины борць была вылуплена колись недзьвѣдзjомъ. Кажутъ, што то колись недзьвѣдзь вылупи*у*, добираючисе до пщуолъ. То муситъ-то колись были тутъ немалые лѣсы, коли ажъ недзьвѣдзи выводзилисе . . . . .

. . . . Може то ще у тыхъ лѣсахъ жила колись и тая Татарка. То-жъ и цеперъ ще коло З. у лjѣси тоє мjѣсце

([1]) Поль. *я* вм. jѣ. ([2]) Поль. *ц*. ([3]) Поль. вм. великіе.

зовеце Татáркою. Покáзуютъ людзи, што то былá якáясь розбуóйница, чи вјѣдзьма, алє то *у*жé вéльми дá*у*ни чá-сы. Вона жилá у лјѣси при дорóзи и якъ онó хто йшо*ў*, чи јѣха*у*, вонá зáрезъ вы́бѣжитъ зъ лјѣса, перепынитъ и забье. Якось цыцкою, кажутъ, удыéрытъ и одъ рáзу забьé чоловјѣка. Алє одзіонъ жо*у*нјѣръ ухитри*у*сє и заби*у* єє́ самую. Былó то такъ. Послали јого куды́сь-цика зъ листомъ, чи зъ чимсь йншымъ и треба јомý былó јѣхаци коло Татарки, такъ вуонъ узя*у*, зроби*у* зъ солóмы бы чоловјѣка и посадзи́*у* јогó на коня, а самъ наби*у*ши фузыю срыебною кулєю, чи сыребнымъ гузикомъ ([1]) (бо, кажутъ, злои моцы лєдаякá*я* кýля не óзьмэ, оно срыебна) зачай*у*сє за хвóєю. Якъ же Татарка вы́бѣгла до тогó коня́ зъ кулёмъ солóмы, подума*у*ши, што то ѣдзє чоловјѣкъ на коневи, вуонъ ззахвóи выстрели*у* у розбой-ницу и забú*у* тýю вјѣдзьму. Вонá розлиласє у смолý, сказа*у*ши тýлько: «цеперъ же годзи мнјѣ жици и людзє й губи́ци; ты мене перехитри́*у*». Кажутъ зно*у*, што передъ смéрцею показáла ёмý усѣньки своє скáрбы и потумъ *у*же сконала дзјѣсь у лѣхахъ.

Примѣчаніе. Въ этомъ говорѣ только и есть Бѣ-лорусскаго, что смягченіе *е* и условленное имъ смягченіе предъидущихъ согласныхъ, между прочимъ д, т въ *дз*, *ц*. Всѣ остальные признаки (различеніе *ы* и *и*, *о*=*уо*, *е*=*юо*, ѣ=јѣ, г=һ, дј=дж, в=у, у=в, л=в, опущеніе *тъ* въ 3 л., опущ *н* эвфон. въ мѣст. онъ: на јюомъ, нудъ єю) частью встрѣчаются, въ другихъ Мр. говорахъ, частью предполагаются ими. *я* въ мѣст. ся=є, твердость ц и р, тъ а не ть въ 3 л. ед. ч. наст. есть и въ другихъ За-падныхъ Мр. говорахъ. Склоненія (зват. пад. Олєксо, дат.=пред. на коневи), спряженія (1 л. мн. ч. *мо*, от-сутствіе окончанія на ывать), нарѣчія, союзы: все Малорус-ское. Удареніа вполнѣ Мр. и свобоныя отъ Поль. вліянія.

2. Говоръ Сосницкій (Этн. Сб. I, мѣстечко Александровка Черн. г. Сосницкаго у., статья Свящ.

([1]) г=Лат. g.

Базилевича). Приводимые ниже отрывки изъ думы записаны очень невѣрно, между прочимъ *и* ставится и вмѣсто *i* (у земл*и*) и вм. *и* (три), *ы* стоитъ и на своемъ мѣстѣ (ы) и вм. *и* (становилы). Г. Кулишъ говоритъ, что въ Сосницкомъ уѣздѣ *о* неударяемое произносится за *а* (какъ въ Бр.; каня́; это заимствованіе не мѣшаетъ говору быть Малорусскимъ), ô (=Укр. і изъ о) за уэ (вуэлъ), *ѣ* почти какъ въ Вр., а не какъ і. Втораго изъ этихъ признаковъ совсѣмъ не находимъ въ думѣ записанной г. Базилевичемъ. Та же дума напечатана въ Зап. о Ю. Р. I, 56 по Украинскому произношенію. Не рѣшаемся исправлять по догадкамъ правописаніе г. Базилевича; замѣтимъ только, что уэ, о которомъ говоритъ г. Кулишъ не есть единственная замѣна ô, потому что у него самого встрѣчаемъ—спасибу (Зап. о Ю. Р. I, 48), откуда видно, что и *у* изъ *о* у г. Базилевича не есть выдумка; точно такъ-же не выдумано и *ѣи* (ji) вм. *ѣ*, о которомъ не упоминаетъ г. Кулишъ.

. . . у земли королевськуй до (читай да) добра не було.
Якъ жиды рандари вси шляхи козацьки зарандовали,
На однуй мили да по три шинки становылы,
Становылы шинки на долынахъ,
Зво̀дылы щоглы на высокихъ могилахъ,
  Да бралы миту про-миту
Од возоваго (sic) по повзолотого,
Одъ пьишого-пешеныцы
По три денежки мыта бралы,
  Одъ неборака старця
  Бралы крупы да яйц*а* (sic)
    Да й ще пытае,
Цы нема, котыкъ, сце цого?

«Эй жыды-жъ вы, жиды рандаре!
Екъ (читай юкъ) изъ нызу литни вьитеръ повьие,
Вся ваша жидовьска сторожа погине».

Тогди-жъ то икъ (якъ) у святы день во вторныкъ.
Гатьманъ Хмельницки козакувъ до всходу сонця у походъ выправлявъ.

Тогда Хмельницки на славну Украину прибувавъ
То жида рялдаро не годнаго (одного) не зустававъ.

Примѣч. ô=у, о; ѣ=ѣ (сѣдалы), ьи (ji), и (i), е; ы и и=среднему *и* между прочимъ и послѣ шипящихъ и *ц* (жыды, ц*ы*), но неизвѣстно, оно ли стоитъ послѣ гортанныхъ, какъ и въ Укр., или острое *i*; *ц* въ иныхъ случаяхъ твердо (но старц*я* и т. п.); прил. м. р. на *ы*, и (быты, литни) и на *ый* (м*а*стывый пане=поль. mościwy); себі, т*ы*бі (т. е. тебі). Остальное приблизительно какъ въ Украинскомъ.

3. Изъ Западной части Волынской губерніи (Мордовцева, Малорус. Литер. Сборн. Саратов. 1859 г. Народныя пѣсни, собр. Н. Костомаровымъ).

Ой у полі клѣн*ь* дерево р*у*зно,
Ходит*ь* козакъ до дивчини п*у*зно.
«(Ой не ходи казаче до мене,
«Буде слава на тебе й на мене
—Я тіей слави не боюся,
Кого вірн*е* люблю, стану обоймуся.

Оттуда же (Кіевлянинъ 1865 г. №№ 108, 109).

А чи дома панъ господар*в*?
Ой ми знаемъ, що в*у*нъ дома,
Седит*в* собі въ конц*і* стола.
На *н*і*м*ъ шуба соболёва,
На т*у*й шубі поясочокъ,
На т*у*мъ поясочку калиточка,
А въ той (туй?) калиточці с*і*мъ шеляжечк*у*въ.
Сёму, тому по шеляжечку,
А намъ, д*я*дусю (Поль.) по пирожечку.

. . Нов*и* годъ встречати...
. . . Щ*о*др*и* вечеръ . .

Ой весно наша, весно!
Що ти намъ принесла!
Коробочку верет*ю*нец*ь*...

Кунь вороненьки,
С*е*дло золотеньке...

---

4. Изъ Ольгопольскаго у. На Подольской г. (Шейковскаго, бытъ Подолянъ, вып. I.)

Ой зашуміла густая ліщина,
Та щось *ся* не розвила.
Ой росплакались хлопці молоцці
Та що *ся* не женили.
Ой не женились, охъ не женились,
Женитись не будутъ;
Ой прийшла карта відъ государ*а*,
Що ўже хлопцівъ брати будут*ъ*.
Охъ якъ зобрали хлопці молодії
Отец*ь* й мати не знала,
Охъ якъ повезли у Каменецъ (?)-Подільський,
Та якъ та чорная хмара.
Ой знати, знати тоту рибку въ морі
Меже тими окунями;
Ой знати знати, хазяйського сина
Меже тими бурлаками.
Ой сидятъ бурлаки тай кіне*ць* стола
Та у с*у*пилку граютъ....
. . . Лучче було-бъ моя рідн*я* мати
Мене въ купілі залляти....

підъ серцемъ *мя* задушити.... зіставемся сиротою.... побила лихая година та щей дві не *ї*дна... коновоёмъ приведутъ. Къ отмѣченному здѣсь пробавимъ еще *дж* въ глаголахъ и причастіяхъ.

5. Изъ Чортковскаго обводу (Żegota Pauli, Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi, 1840. II.). Чортковъ на Середѣ. недалеко отъ границъ Подольской губ. Восточная половина Чортковскаго обв., по Головацкому, принадлежитъ къ Подольскому, Западная къ Галицкому говору. Здѣсь, и во всемъ, что беремъ изъ сборника Паули, мы вѣрно передаемъ русскими буквами то, что тамъ передано польскимъ правописаніемъ).

Ой *коби* я така красна, якъ та зор*а* ясна,
Світила *билв* на все поле (-ie)* ніколи незгасла.

Постав*ю* (-wiu) я кониче*нь*ка на мості, на мості,
А самъ піду до дівчини, тамъ буду за гості.
Добри веч*и*ръ, дівчинонько, *ци* нима тамъ кого,
Жеби ти *мя* незрадила хлопц*я* молодого.

Одно *ми* ся плече мече, а друге не хоче*тв*.
Віда*ў* же мя моя любка покєнути хоче*тв*.

Ой вийду я на улиц*ю*, тай стану, тай стану:
Эдн*а* дівча (сред. рода) несе перігъ, а друга сметану.
Я перога тай укушу, тай кєну въ кєшеню,
А ты дівч*е* (*а*) з*е* сметан*оў* ходь на дідчу неню ([1]).

Черезъ тиі рекруточк*і*, черезъ тиі Ляшк*і*
Покєдаю віт*ця*, матер*в* тай йду въ гайдамашкі,
Та не въ тиі гайдамашкі *що* біют*в* разбивают*в*
Ино въ тиі гайдамашкі, що піютъ, тай гуляютъ.

Примѣчаніе. Въ послѣднихъ 2-хъ стихахъ для размѣру нужно пьютъ, бьютъ.

Кришталові порциёчк*і*, малёвані *ф*ляші,
Напиймо *сі* горі*во*чкі, товариші наші.

([1]) т. е. поди къ чортовой матери.

Примѣч. *я* послѣ согласныхъ остается (но *сі* изъ сє, ся); и иногда=є, е; гортанные соединяются съ мягкими гласн. (если это не полонизмъ, внесенный записывателемъ); губные смягчаются безъ посредства *л*; *р* твердо; *ц* мягко; *тъ* въ 3 л. твердо; л=в, какъ вообще въ Галиц. (40, 3, в); тв. ед. им. ж. р. *овъ*, *евъ*; *відаў*= Укр. либонь, мабуть, изъ відай?

6. Изъ Бережянского обвода(По Головацкому весь этотъ округъ относится къ Галицкому говору. Żeg. Pauli ib; Русалка Днѣстровая, Будимъ 1837).

Злетіло два ангели зъ неба,
Ой сіли-пали Марисоньці на подвірє
А зъ подвірє въ застіўное віконце,
А віконцє на тисові столи,
А зъ столівъ на лінніі обруси,
А зъ обрусівъ на пшеничні хлібове,
А зъ хлібовихъ на румєне личенько
А зъ румєного личенька на барвінковий віночокъ
А зъ віночка на мушліновий рубочокъ.

Гребінцє (цє?), матінко, гребінцє (цє?)
Розчесати косоньку до вінцє (цє?)
Румене личенько підъ вінецъ.
Русую косую підъ чепецъ.

Примѣч. Такъ у Ж. П. Слѣдуетъ—гребінцє, вінцє; ср. выше віконцє. *цъ* на концѣ вѣрно.

Крикнули лебедоньке на воді:
Дежъ ти ся забавляешъ, голубе?
Ци ті моі післоньке не дійшли?....
Писала бимъ листоньке, та не вмію,
Післала бимъ післоньке, та не смію,
Пішла бимъ сама, та *ся* (1) бою,
Бистрая річенька, та *ся* (2) втоню

---

(1) (2) Слѣдовало бы ожидать се.

Скрипіла липонька скрипіла,
Підъ *невв* Мар*и*сенька сиділа,
Просила сє въ матінкє і въ вітцє.
«Не дайте мене за вдівцє,
Бо вдове*цв* пьянуха въ кор*ш*мі пьє,
Прийде до дом' *жи*нку бьє»
— Привикай, Марисенько, привикай,
Зь хати вікон*цо*мъ ([1]) не втікай...

Ой бр*и*знули ([2]) стрішкє *в*орішкє по столі,
Ой за*й*ржали ворон*і* коник*е* на подвіру...

Іідьмо, поідьмо полёмъ, болонёмъ
Піскомъ камінёмъ ([3])

На дворі хмарно, за порогомъ ка*в*но.

Сідлавъ ємъ кониченька підъ себе.

Не єденъ за мн*ов*в хлопе*ць* заплаче.

Ци припавъ коничокъ рос*ою*?
Ци припавъ Івасенько крас*ою*?

Не тужи батеньку за мн*ою*,
Не беру я всё зъ соб*ою*.

А мій любку солоденьк*і*, зг*и*ну за тоб*ою*,
Ой зг*и*ну якъ рибонька за студен*ов*ъ вод*ою*.

. . Стоітъ надъ вод*ою*,
Втерає *си* чорні оч*и* хустк*ов*в єдвабн*ою*.

([1]) віконцёмъ?
([2]) изъ брєзнули, брязнули.
([3]) Въ Русал. Дн. польомъ, болоньомъ, коміньомъ (т. е. jомъ) врядли вѣрно.

Дала бимъ *тя* малювати.
Корови не здоіт*ъ*, бо *ся* *ф*оста боітъ.

Примѣч. Сравнительно съ предъидущимъ говоромъ: я=є. Замѣтимъ, что и въ именахъ, и въ мѣстоименіи одинаково употребительны формы тв. п. ед. *овъ* и ою. Такъ и въ другихъ мѣстахъ, въ обв. Коломыйскомъ, Станиславовскомъ, Стрыйскомъ, но по Головацкому, вездѣ только въ пѣсняхъ, для размѣру. Встрѣчается на концѣ мягкое *ц*, хотя, по Головацкому, въ Галицкомъ говорѣ оно на концѣ твердо.

7. Изъ Коломыйского обв. (Галиц. говоръ)

Коломию запалили, Коломия горитъ,
Такой мене за миленько*мъ* (1) головонька болитъ

Оженивъ *ся* біснуватий, вз*и*въ (взівъ, взєвъ) си
Ой любко м*а* солоденька, тожъ за тоб*овъ* ж*и*ль (2) м*и*.
біснувату.

Ой на горі на *в*есокій зеленіє прутє;
Не віръ дівко козаков*и*, хоть каже любю тє.

Коби ми сеі тай дубъ развивъ, тай берези білі,
Ой пішовъ бимъ въ гайдамах*і* на чтири неділі;
Коби ми ся тай букъ розвивъ, зелена ялиц*і*,
Не єдная пуста стала-бъ жидівска (ська?) крамниц*і*.

. . . Недивлю с*є* на подвіре, *ле*ше слідъ,
Де ковані залубниці (возы) стояли . . .
. . Дай *ж*е мені, мамко, солов*є*йко,
Щоби мене раненько пробу*дж*ало,
Бо чужая матіночка не збудит*ъ*.

(1) за миленьк*овъ*.
(2) жаль.

Примѣч. *я* не только=є, но и і, даже, если не ошибается Жегота Паули, *и* (*жиль*). Впрочемъ ничего особенно замѣчательнаго, сравнительно съ предъидущими Галицкими говорами. Сходно съ этимъ и въ обв. Станиславовскомъ и Стрыйскомъ (на Сѣверѣ).

8. Около Стрыя (Русалка Днѣстр. 48 слѣд.)

Кнєгині матиночка
Впередъ Бога стоитъ,
Наохрестъ руки держитъ
Бога сє проситъ:
Спусти менє, Боже,
Надъ село хмар*оў*,
А въ село дрібнимъ дожджамъ (емъ, омъ?)
Яснимъ сонцемъ воконцемъ,
Н*ей* же я сє подив*ю*,
Чи красно дитє ўбрано?
ўбрано якъ панєтко,
Посаджено якъ сиротєтко.

Сіяла кнєгино*нь*ка долю
Стоячи надъ вод*ою*.

Вода луженьки забрала
И камін*є* дрібн*ен*ьк*є*,
Лиш єдного камін*є* не брала,
Що дівчина на нім стояла

9. Говоръ Бойковъ. Бойки (ед. ч. Бойко), племя, сидящее въ горахъ между устьями Сана и Ломницею, въ южныхъ частяхъ обв. Самборскаго и Стрыйскаго. На Санѣ Бойки сосѣдятъ съ Лемками, на Ломницѣ съ Гуцулами; на линіи проведенной на мѣстечко Турку, Сколе, Болеховъ, Долину, Рожнятовъ и Калушъ они примыкаютъ къ Подгорянамъ (Подгорье отъ сѣвернаго склона Карпатъ на Сѣверъ до Днѣстра). (См. Далибора Вагилевича Bojkové, lid Ruskoslovanský v Haličích, Čas. česk. Mus. 1841, sv. I)

Долівъ, долівъ ([1]) дол*и*нами,
Іідутъ Туркі зъ Татарами,

([1]) Съ горы—долой.

Межи ними Туркінойка,
Зъ Болехова княгинойка (¹).
. . . . Біле лисгя (łystja=тья?) розписала,
До батейка передала:
«Най ся батько не турбує,
Мені посагъ не готує,
Бо я посагъ истратила
Въ чистимъ поли по неволи,
Підъ яворомъ зеленейкімъ,
Изъ Турчиномъ молодейкімъ.

Изъ Бескіда зеленого бистрий потікъ шумить;
За тобою, моя любка, сердце моє тужитъ.

Молодіі орлепята, пожичте ми крилять,
Нехай же я тамъ полепу, де ніхто не бўватъ.

Лишивъ ємъ тя, моя любка, самъ незнаю кому.

Уже мені неходити горі (²) симъ потокомъ,
Уже мені не седіти білавці підъ бокомъ.

Горілойко паленая, тось перепалена;
Біда тота молодиця, що перехвалена.
А въ котроі молодиці китиці на заді,
Тото мені молодиця на великі зраді.
А въ котроі молодиці китиць не видати,
Тото мені молодиця, якъ рідная мати.

Бескіде зелений,
Вь три рядкі (или рьядкі?) саджений.
Коли-мь тобоў ішовь,
Усокь ми ся піссаў (³);
Тепъръ (tepêr) йду тобою
Зь жоноў, дітиною, (bis)
Зъ сивоў бородою.

(¹) молодая, невѣста, дѣвица.
(²) вверхъ.
(³) сталъ рости, отъ ссати.

Сумна моя головойка безъ меі дружини.

Ой заспівай, сивий пташку, та въ зеленімъ вършку
(vêrsku),
Ой не буду у сій земл*и*, пійду на Угерску.

Примѣч. Эти образцы далеко не вполнѣ передаютъ особенности говора. Неудовлетворительны также свѣдѣнія, сообщаемые Вагилевичемъ. Особенности эти: ъ и ь (Вагилевичъ пишетъ ê и ô) сохраняются какъ глухіе звуки при *р* и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (но не во всѣхъ словахъ): върхъ, бърда (скалистая гора, Серб. Чеш. брдо) при бервено, берце (Холмъ, бердце); *дьнь*, мъгла (Ваг. môħła, слѣдовало бы ожидать мьгла); въ тепьръ (2 слога) глухой звукъ новаго происхожденія. *ѣ* изрѣдка сохраняетъ звукъ *е*: ветеръ; *и* (не извѣстно какое, изъ основнаго *и* или изъ *ы*?) грубо, очень близко къ *е*; *у* имѣетъ звукъ средній между *о* и *а*; *я=я*, а є изъ *я* слышится только на границахъ съ Подгорьемъ. Сохраняется *и* во 2 л. ед. ч. наст. вр.: маєш*и* вм. маєшъ; *ый* въ оконч. прил. можетъ сокращаться въ *и*: готов*и*; *аетъ* въ 3 л. ед. ч. наст. вр. сокращается въ *атъ*: волатъ, буватъ; *нь* послѣ гласной передъ окончаніемъ ко, ка, кій и пр. ослабляется въ *й*: батейко. Вѣроятно изъ Словен. пійдем*е* вм.—мо, съ Поль. или Словен. огень вм. огонь. Очень замѣчательно измѣненіе j въ ħ въ богати ся вм. боятися, и j въ *в* въ даву вм. даю. Послѣднее подтверждаетъ предположеніе,что Галиц. *ов*ъ въ тв. ед. им. ж.—изъ *ой*. Остатки неопредѣл. прил.: зъ крута берега. Есть замѣчательные лексическія особенности сравнительно съ Укр. и кажется даже съ Галицкимъ. Приведемъ для примѣра нѣсколько мѣстныхъ и старинныхъ словъ:

Бърда (бърдо?), скалистая гора (Чеш. Серб. брдо вообще гора); борола, скала (Слов. bralo); грунь (должно быть и въ Укр. судя по собств. именамъ мѣстностей), лѣсная возышенность; кічера, лѣсистая гора; убоча, низкій холмъ покрытый кустарникомъ; татра, скала на самыхъ

высокихъ горахъ, гдѣ растетъ только низкій кустарникъ; града (гряда?) насыпь изъ крупнаго песку; язвина, дира въ землѣ; трістя (или — стья?), болото (трястя въ смыслѣ трясины?); колиба, шалашъ (такъ и въ Серб.).— Бракъ, пиръ; коснутися, тоже; токмо, тоже; витязь тоже; говядо, то-же; жуко вина, перстень (въ Ст. Рус. и въ Свр.); байла, знахарка (отъ баять, Серб. баjалица); ватра огонь (Серб. Слов.); ладкати (во всемъ Галицкомъ) пѣть, особенно свадебныя пѣсни, отъ припѣву Ладо!); лелекати, громко плакать (отъ стар. междом. леле (теперь въ Серб.), горе); моуня, молнія: поклинъ, даръ (Серб); ропітъ, гулъ, ропотъ; стружье, челнъ (Вр. стругъ); сувица ратище (сулиця? переходъ л въ в неправиленъ); сутка, уличка (Мр. сутки, суточки, сѣни, цы; вообще все, гдѣ что стыкается) и т. д.

10. Говоръ Лемковъ (Зоря Галицкая 1860 г, А. Тороньскаго Русины Лемки). Лемками называетъ сосѣдняя Русь небольшое племя (около 100 т.), занимающее узкую полосу земли на сѣв. склонѣ Бескида въ Галиціи. Западную границу этого пространства образуетъ р. Попрадъ, южную—Бескидъ, сѣверную—линія, проведенная на мѣстечка Грибовъ, Горлици, Змигродъ, Дуклю, Рымановъ, Новотанецъ, Буковско, къ Балигороду, даже къ р. Сану, которая отдѣляетъ Лемковъ отъ Бойковъ. По р. Вислокъ (т. е. почти до восточной границы Польской Галиціи) Лемки на Сѣверѣ сосѣдятъ съ Мазурами, на востокъ же отъ Вислока—съ Русью, Подгорянами. На югѣ сосѣди Лемковъ Словаки и Галицкая Русь. Прозвище Лемковъ произошло отъ частицы лемъ—лишъ; оно соотвѣтствуетъ прозвищу Лишаковъ (отъ лишъ) въ Угорщинѣ; сами себѣ они называютъ Руснаками. Образцовъ ихъ рѣчи мало; записаны они не совсѣмъ удовлетворительно. Особенности этой рѣчи слѣдующія:

Удареніе постоянно на предпослѣднемъ слогѣ, какъ въ Польскомъ. Хотя во всѣхъ Галицкихъ говорахъ замѣтна наклонность къ тому же, и хотя вслѣдствіе этого Галицкія искусственно-поэтическія произведенія невыно-

симы для нашего уха, но, кажется, нигдѣ кромѣ Лемковъ, Польское удареніе не составляетъ правила. Сохраняется глухой зв. при р:. крстити, трстина, Трстяна (им. соб.). *ы* отличается отъ средняго *и* (быти отъ бити); *ы* постоянно стоитъ послѣ гортанныхъ, какъ въ стар. Русскомъ; ô (близко къ и) отличается отъ острого і: иначе произносятся слова кôнь, мôгъ, а иначе т*і*нь, міхъ. «Попроизношенію звука ô всякъ узнаетъ, что онъ произошелъ изъ *о*». *ц*, *с*, *р* на концѣ тверды: воробе*ц*ъ, купецъ, робивъ *эсв*, писаръ; въ род. именъ на е*ц*ь на концѣ *а* или я (отц*а*, отця), въ им. мн. всегда мягкое і: отці. Дат. мн. им. сущ. муж. на ôмъ (і не смягчается предыдущей согласной) а не на амъ: хлопôмъ, копôмъ (êмъ?), псôмъ. Тв. ед. сущ. ж *овь* (овъ? или же явственно ов*ь*), часто *омь* и никогда ою: водовь, водомь. Прилагательныя: доб*рый*, добра, добре (никогда: добрая, добрее). мн. добр*ы* (никогда добрыи). Глаголы на а-ти: спива*мь* (какъ въ Поль. Словен. иногда *мавь* или мау, двоегласно, при *мамв* вм. маю), співашъ, спиватъ, спивам*е* (такъ всегда), спивате, спиваютъ.

Въ ниже приводимомъ ставимъ *і* вм. *ѣ*, а впрочемъ правописанія не измѣняемъ.

Бо то чуе́те єсть (а не єстъ?) въ нашôмъ лісі кырниця, што ся зôве свя́та вода. А зна́те вы, чомъ о́на (безъ в?) ся такъ зôве? Бо то разъ колис*и* (*и* среднее?) але южь (?) барзъ да́вно, то́му южь а́н*и* (*и* сред.?) тя̀мкы нітъ, при́шли Татаре до нашо́го се́ла. Всядый былъ (л=в) великый страхъ, бо то они люди брали съ со́бовь, се́ла пали́ли, худобу *о*тберали (*о*т?). Вшы́ткы люде зъ села повтікали до ліса, але то, зна́те, лісъ нашъ перше, якъ то йщи стары люде и мôй дідо памята́ли, б*ы*лъ (л=в) гетъ и бôвшый и густишшій. Тамъ въ лісі сиділи довго ажь (ь?) ту ихъ зашли Великодн*ы* свята. Штожь (ь?) ту робити? Але былъ (л=в) съ (зъ?) лю̀дми и панъ о́тецъ,

борзъ старенькій (ый?), повидáютъ, же одъ старости ся ажь трясъ, а сывенькый якъ голубь. Они казáли пáскы попéчи, освятили воду въ тôй студні и освятили нёвь паску. Отъ втóды вòда тóта зóвеся свя̀та вòда. И видите, йщи теперь (ь?) óна помагае, кедъ (Словац.) кòго очи болять.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строки.	Вмѣсто:	слѣдуетъ читать:
1	— 14	полозья)	Ср. полозья)
2	— 21	=Ст. Сл. *лѣ*	Ст. Сл. *рѣ*
9	— 28-9	разошлись	разошлось
»	— 29	могли	могло
13	— 31	âu, ay	âu, ây
23	— 29	плъзъати	плъзати
25	— 19	ворога	волога
28	— 7	Ar, or и re	Ar, or и ra
»	— 18	scroka	seroka
29	— 29	Словинскаго ar—,	Словинскаго ar,
30	— 25	соотвѣтствуютъ	соотвѣтствуетъ
31	— 12	в)	г)
32	— 35	stunek	slunek
34	— 15	rdzen	rdzeń
»	— 23	г)	д)
39	— 36	не только аа	не только ȁа
41	— 12	Суд	Сӯд
45	— 31	бла́жати	бла́жити
»	— 34	здрȁви,	здрȁви—
46	— 33	żora	żona
50	— 3	çарь есть	çарв есть
»	— 4	Бенфея.	Бенфея. Также далекъ по значенію и другой сходный съ предъидущимъ корень çр̂, ломать, разрушать.
54	— 27	каравай	коровай
55	— 1	принимаетъ	принимала
56	— 9	Федорв (о)	Федор*о* (ъ)
59	— 25	*ой* изъ *ій*	*ой* изъ *ый*
»	— 29	пыјець	пыјець

64 — 22	па́йдзишъ	на́йдзишъ
65 — 4	полюбе)	но любе)
» — 5	выдя	видя
68 — 22	двоегл. а і	двоегл. а і́
65 (69) 3-4	прогрессивную	регрессивную
66 (70) 23	идёте, зовёте	идете, зовете =(съ є).
» — 24	*мь* въ *ть* ед.	*мь* въ тв. ед.
68 (72)-3	ь)	в)
72 — 26	несвойственна	несвойственная
73 — 27	Б. Сѣверно-Велико-русскій говоръ	Б. Сѣверно-Великорусскіе говоры
74 — 27	аj на концѣ	а j на концѣ
» — 29	Памів	Паисіе
76 — 28	долдохъ)	доидохъ)
78 — 5	дресиеце	дресвисце
80 — 5	поше	пошеў
» — 22	целковицька	цёлковицька
80 — 26	22.	21.
81 — 29	23)	22.
82 — 19	пропѣть	пропѣтъ
83 — 15	24. а)	23. а)
» — 28	25.	24.
85 — 6	26.	25.
» — 29	говорѣ	говоркѣ
86 — 35	Онеж. Царь, куця	Онеж. куця
87 — 12	передъ ы	передъ *ѣ*
88 — 11	ураншшу	уланишшу
96 — 8	на -івскій	на—івський
» — 17	повній	повний
101 — 13	нузно	пузно
102 — 5	основного *ое*,	основного *о*, *е*.
106 — 17	точе́ній	точе́ний
» — 23	9 и 21	9 и 20
107 — 14	ƅiorç—	ƅiorę
» — 18	*е* въ ё:	е въ ё,
113 — 28	(Укр. зазу-	(Укр. зозу-
114 — 10	(ср. 1 9. в)	(ср. 19. в)
115 — 20	(ср. Вр. 26, и)	(ср. Вр. 25, и)

117 — 23	созлание, писанне	создание, писание
118 — 33	слога (22)	слога (21)
119 — 6	дивисе. місєлъ	дивисє; місєцъ,
121 — 6-7	гастеньцями	гостеньцями
123 — 15	изъ матінка	вм. матінка
124 — 12	по меже	но меже
125 — 6-7	ідзіння	іздіння
127 — 31	Ср. 26, а)	Ср. 25, а)
	порядокъ строкъ:	35, 37, 36, 38.
128 — 19	говорятъ	говорять
129 — 5-6	въ отличіе отъ вja, pja, wja)	въ отличіе отъ b'a, p'a, w'a)
» — 6-7	пъятый, въятый	пъятий, въялий
130 — 18	калпо	калио
» — 28	дрянница	дряница
133 — 20	*гл*, *ья* (Ст. Сл. лъ, ьл)	*гл*, *ьл* (Ст. Сл. лъ)
135 — 38	(26, ж.	(25, ж.
137 — 5	это *и*	это *н*
» — 20	wçdrować	wędrować
141 — 11	Линска	Липска
» — 15	Бѣльскъ и	Бѣльскъ; онъ
» — 17	поойд*е*	пуойд*е*
143 — 12	ǒзмэ	ǒзьмє
» — 20	ліёхахъ	лёхахъ
145 — 5	ряндаро	рандара
» — 21	казаче	козаче
146 — 18	зобрали	забрали
150	порядокъ строкъ:	14, 16, 15
» — 18	сєі тай дубъ развивъ	сє тай дубъ розвивъ
153 — 11	(Холмъ,	(холмъ,
155 — 12	(і не смягчается	(і не смягчаетъ
156 — 1	борзъ	барзъ
» — 5	йщи	йщи